

Памяти
Эдуарда Кришевича
ПУГНИЯ
посвящается

Эдуард Кришевич Путнынь (1905—1976 гг.) заведовал кафедрой истории древнего мира СГУ свыше двадцати лет. Главным предметом его научных исследований была русская историография античности, итогом их явилась монография «Истоки русской историографии античности». Э. К. Путнынь—автор ряда разделов академического издания «Очерки истории исторической науки в СССР».

Коммунист с 1926 г., Эдуард Кришевич принимал активное участие в общественной жизни.

В память всех, кто его знал, он остался человеком большой и светлой души, заслужившим любовь товарищей по работе и студентов.

АНТИЧНЫЙ МИР И АРХЕОЛОГИЯ

Межвузовский научный сборник

ВЫПУСК ТРЕТИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1977

А 72 **Античный мир и археология.** Межвузовский научный сборник. Вып. 3. Под ред. проф. В. Г. Боруховича. Изд-во Сарат. ун-та, 1977, с. 152, илл. 23.

Материалы сборника посвящаются проблемам античной истории, истории античной культуры, археологии Северного Причерноморья в античную эпоху.

Авторами статей настоящего выпуска являются научные работники Саратовского, Ленинградского, Башкирского университетов, сотрудники Института археологии АН СССР.

Сборник рассчитан на специалистов историков и археологов, преподавателей высшей и средней школы, студентов и всех интересующихся античной историей и культурой.

Редакционная коллегия:

проф. В. Г. Борухович (отв. редактор), проф. Э. Д. Фролов (зам. редактора), проф. К. М. Колобова, канд. ист. наук Я. В. Доманский, доц. Р. Е. Ляст.

1—6—3
39—77

Часть I

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА АНТИЧНОГО МИРА

А. Н. АНФЕРТЬЕВ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛОВА «КОМЕДИЯ» СОГЛАСНО СХОЛИЯМ К ДИОНИСИЮ ФРАКИЙЦУ

Происхождение слова «комедия», как оно описано в схолии § 2 сочинения «О чтении» Дионисия Фракийца (р. 744, 32—749, 26 Bekker), издавна привлекает внимание всех интересующихся истоками аттической комедии. Как показал Г. Кайбель, содержание этого схолия, как и ряд других сведений по истории комедии, содержащихся в поздних источниках, восходит к «Хрестоматии» Прокла¹. Эта традиция в более или менее близкой форме сохранилась также в трех других текстах, восходящих к тому же источнику: в анонимном трактате из парижской рукописи *Regiae bibliothecae* 2677², в глоссе из *Etymologicum Magnum* (s. v. *tragoedia*), а также в анонимной заметке, имеющейся в некоторых рукописях произведений Аристофана³. Суммируя данные, содержащиеся в этих остатках

¹ *Kaibel G. Die Prolegomena* Περὶ κωμωδίας. — *Abhandl. d. Kgl. Ges. d. Wiss. zu Göttingen. Philolog.-hist. Kl.* (N. F.), 2, N 4 (1898), S. 18. Этот вывод помогает отождествлению автора «Хрестоматии» и известного неоплатоника, как показал в своей рецензии Ф. Ф. Зелинский (*Zielinski Th. rez.*). — *Wochenschr. f. kl. Phil.*, 1898, 49, Sp. 1339 f.).

² Впервые опубликован Крамером (*Kramer I. A. Anecdota Graeca e codicibus Parisiensibus*. V. I. Oxf., 1839, p. 3 sqq.). Кайбель доказал его принадлежность Иоанну Цеце (*Kaibel. Op. cit.*, S. 3 ff.). Ему возражал — несомнительно, как нам кажется, — фах Лёйвен (см. *Cantarella R. (ed.). Aristofane. Le commedie*. V. I. — *Prolegomeni. Milano*, 1949, ad XVI).

³ Последняя публикация текстов этого круга осуществлена Р. Кантареллой, у которой упомянутые тексты имеют NN VIII, XVI (I), XI и XIII.

традиции, легко заметить, что источник Прокла⁴ производил слово *жюнибіа* от слова *жюні*, в то время как известная аристотелевская этимология от *женоς* (Arist. *De arte poet.* III. 1448 a 28 — 1448 b 2) отодвинута здесь на второй план. Наряду с этимологией от *жюні* присутствует тесно связанная с ней этимология от *жюна*. Рассказ, призванный подтвердить эти этимологии, вкратце сводится к следующему.

Аттические крестьяне, то есть жители деревень (*жюни*), которым причинялся ущерб (*βλαστόμενοι*) со стороны жителей Афин, приходили в город ночью, во время сна (*жюна*) горожан, и, встав перед домами обидчиков, выкрикивали такого рода слова: «Здесь находится некто⁵ то-то и то-то причиняющий неким из земледельцев и весьма большие убытки им приносящий». Таким образом, они направляли против своего обидчика общественное мнение в лице соседей и, тем самым, как свидетельствует наш источник, добивались прекращения несправедливостей. С течением времени полис оценил общественную пользу крестьянских выступлений и пригласил крестьян выступать с обличительными речами уже открыто, днем, перед публикой. Крестьяне, однако, предпочитая оставаться неузнанными, намазывали перед выступлениями свое лицо винным суслом: вот отсюда-то, будто бы, и взяла свое начало аттическая обличительная комедия с ее масками.

Эти интереснейшие, на наш взгляд, данные еще не получили достаточно убедительного освещения в науке. Частично это объясняется сомнением некоторых исследователей в аутентичности сообщения. Так, Кайбель решил, что весь рассказ представляет собой истолкование соответствующей фразы из Аристотеля (*De arte poet.* III), где говорится о комедиантах, бродивших по деревням и лишенных доступа в город. При этом он сослался на «*peripatetische Neigung zur speculativen und intuitiven zeit- und personlosen Culturgeschichtsschreibung*»⁶. Заслуга Кайбеля, впрочем, состоит в том, что он обнаружил следы знания такого обычая у Диадима, последнего из великих Александрийских филологов. Это очень важно, ибо Диадим был источником для «Хрестоматии» Прокла во многих ее разделах⁷. Нам кажется не слишком смелым предположить, что он

⁴ Так мы будем условно называть источник этой традиции.

⁵ Обидчика по имени не называли.

⁶ Kaibel G. Op. cit., S. 42 ff.

⁷ Ср. Zielinski. Op. cit., Sp. 1339 f.

был источником Прокла и в этом случае. Что же касается отнесения самой традиции в разряд перипатетических спекуляций, — природу ошибки Кайбеля в этом пункте показал уже Зелинский. Кайбель, как строгий филолог, не желает ничего знать о фольклоре и, в результате, не видит ни правдоподобности описания, ни соответствующих параллелей у других народов⁸. Более того, по мнению Зелинского, нетрудно догадаться о первоначальном источнике традиции: им была одна из «Аттид».

Каково же, все-таки, соотношение между данными Аристотеля и источника Прокла?

Основа суждений Кайбеля такова: все античные свидетельства о происхождении комедии основаны на Аристотеле, но в самых важных пунктах противоречат ему. А именно: все, подобно Аристотелю, 1) ставят в связь происхождение трагедии и происхождение комедии; 2) отмечают их развитие от импровизации к искусству; 3) признают более раннее становление трагедии, но 4) отбрасывают этимологию от слова *хюнос* или отставляют ее на второй план, и 5) одобряют этимологию от слова *хюц*, тем самым косвенно признавая дорийское происхождение этих двух видов драмы. Вслед за Зелинским мы считаем, что эти утверждения ошибочны. Совпадение по пунктам 1—3 ничего не доказывает, так как в этих положениях Аристотель не мог претендовать на оригинальность (2-й и 3-й пункты касаются голых фактов; разве что в первом можно узреть влияние теоретических построений). Что касается пунктов 4 и 5, то здесь Кайбель неверно толкует факты. Источник Прокла вовсе не отбрасывает этимологию от *хюнос*: он не знает ее, а в тех текстах, где эта этимология все же есть, как раз и всплывает аристотелевская струя. Почему источник Прокла не знает этимологии, имеющейся у Аристотеля? Потому что он древнее, — отвечает Зелинский, имея в виду опять «Аттиду». Далее. Источник Прокла не только не подтверждает дорийское происхождение комедии, а, наоборот, всей логикой рассказа опровергает его. Кайбель, конечно, не может не счи-таться с тем, что в источнике Прокла не сказано ни слова о дорийцах, и он выдвигает фантастическую гипотезу, что в источнике Прокла местная, аттическая традиция подавила первоначальную, дорийскую.

Из вышесказанного следует крайне важный вывод: дорий-

⁸ Ibid., Sp. 1341.

цы, о которых Аристотель (*ibidem*) говорит, что они претендовали на изобретение комедии, беря в качестве доказательства этимологию ее названия, могли делать это, только противопоставив свое мнение отчетливым претензиям самих афинян⁹. Зелинский намечает три линии традиции: 1) (афинская: «Аттида») Комедия возникла из *Rügeliedern* аттических крестьян, от которых она получила имя; 2) (дорийская) Именно потому, что слово «комедия» происходит от *χωρι*, она не может иметь аттического происхождения; 3) (Аристотель) Спор праздный, ибо слово *χωριστικά* происходит от *χωρος*.

Но главный недостаток рассуждений Кайбеля не в этом. Уже Зелинский в своей рецензии указал, сколь мало похожи те факты, на которые ссылаются дорийцы у Аристотеля, и те, о которых сообщает источник Прокла. Акад. И. И. Толстой в известной статье «Инвективные песни аттического крестьянства в древней комедии»¹⁰, используя выводы Кайбеля, решительно отказался от недоверия в отношении данных источника Прокла и, тем самым, признал их аттической традицией. Но при этом он сделал основой своей гипотезы о происхождении обсценной и в то же время политически острой аттической комедии как свидетельство Аристотеля, так и свидетельство источника Прокла, считая, что речь идет об универсально-греческом обычье. Он приводит фольклорные параллели к вышеописанному обычью из Древнего Рима, Германии, Северного Уэльса, Украины и Испании. Но в этих параллелях нет одного существенного элемента нашей традиции: крестьян, приходящих в город. В то же время эта деталь имеет решающее значение при сравнении с данными Аристотеля, ибо у последнего комедианты бродили по деревням и не были приняты в городе. Бродили, конечно же, с общепонятными, не привязанными к определенному месту представлениями, которые хорошо известны науке как дорийский фарс. Мы не хотим, правда, сказать, что параллели, приведенные Толстым, недостаточно убедительны, — мы только подчеркиваем, что нельзя смешивать обычай такого рода «инвективного пения» с теми зачатками сценического искусства, о которых говорится у Аристотеля. Возможно, что эти

⁹ Такой вывод вступает в противоречие с общепринятым текстом Аристотеля. На основании вышеприведенного Зелинский требовал изменить текст, видимо, не замечая того, что только заменяет старую конъектуру на рукописное чтение. Подробному обсуждению текста Аристотеля мы рассчитываем посвятить специальную работу.

¹⁰ Цитируем по: Толстой И. И. Статьи о фольклоре. М.—Л., 1966, с. 73—79.

примеры действительно могут служить параллелями к интересующему нас аттическому обычая (это требует специальной проверки), но у нас нет никаких оснований предполагать наличие такого обычая у дорийцев.

Осторожность в анализе этого обычая должна быть проявлены еще в одном направлении. Кайбель говорил о *Spott- и Rügeliedern* в источнике Прокла, ему вторили Зелинский¹¹ и А. Кёрте¹², а Толстой назвал эти песни инвективными. Нам кажется преждевременной любая попытка характеризовать подобным образом те выкрики, которые издавали крестьяне перед домами своих обидчиков. Источник дает нам образчик их: он прозаичен, сух и информативен; в нем нет ни мелодической структуры, ни насмешек, ни браней¹³. В то же время в контексте нет ни слова о пении.

Попытка обойти также вопрос об истинной роли этого обычая в формировании аттической комедии. Мы не собираемся следовать за источником Прокла в том, будто именно этот обычай и породил комедию. Однако такого рода традиции могли сыграть роль в процессе складывания сценического искусства и, в частности, придать аттической комедии особый обличительный характер. Разумеется, вопрос о происхождении комедии признанием этого факта не решается. Мы считаем настойательнейшей необходимостью классификацию и типологическую интерпретацию различных обычаем, которые могли сыграть аналогичную роль.

В связи с последним замечанием мы хотим отклонить как параллель одно свидетельство Варрона, сохраненное римским грамматиком Дномедом (IV *Cantarella*)¹⁴. В нем говорится, что слово «комедия» происходит от *χωραί*, так как аттическая молодежь имела обыкновение ходить по городским кварталам и, *quaestus sibi causa*, произносила песни такого рода (какого — не указано: *vestigium epitomatoris*). В этом сообщении характерно то, что правильно переведено слово *χωραί*: *vici*. Это явно свидетельствует не в пользу мнения Кайбеля, который и этот

¹¹ Уже Зелинский (Op. cit.) сравнивал этот обычай с немецким *Na-
betfeldtreiben*, в котором большую роль играют *Rüppelliedern*. Толстой
ссыпался на Э. Вюста, как автора этой параллели (*Wüst E. Skolian und
Geprägtes in der alten Komödie*. — *Philologus*, 1921).

¹² Körte A. *Komödie (griechische)*. — RE Pauly-Wissowa, s. v. (1922),
Sp. 1207. Кёрте шел за Кайбелем и в общей оценке текста.

¹³ См. выше.

¹⁴ В качестве дополнительного аргумента для своего построения его
брал Толстой (указ. соч., с. 79).

текст считал истолкованием фразы из «Поэтики»¹⁵. А от обычая, описанного в источнике Прокла, это сообщение отличается одной разительной деталью: *quaestus sui causa*. На наш взгляд, здесь идет речь об обычаяе, аналогичном русскому колядованию, тем более что соответствующие примеры из Греции хорошо известны. Но это уже совсем особая тема.

Т. Т. ВОЛЬШТЕИН
ВЫСТУПЛЕНИЕ АВИДИЯ КАССИЯ,
ЕГО ПРЕДПОСЫЛКИ И ХАРАКТЕР¹

Весной 175 года, во время Маркоманской войны, когда основные военные силы Римской империи во главе с правившим тогда Марком Аврелием были сосредоточены на Дунае против варварских племен, наместник Сирии Авидий Кассий объявил себя императором и захватил власть на Востоке. Об этом событии повествуют Юлий Капитолин и Вулкций Галликан, писатели Истории августов, а также Иоанн Ксифилин в переложении 71-й книги Римской истории Диона Кассия².

Авидий Кассий считался лучшим полководцем своего времени и пользовался доверием Марка Аврелия³. В начале Парфянской войны 161—165 гг. суровыми, доходившими до жестокости мерами он восстановил в армии дисциплину, расшатавшуюся за долгий период мирного времени⁴. Под номиналь-

¹⁵ По мнению Кайбеля, Диомед пользовался тем же источником, что и Прокл. Мы считаем, что зависимость латинских грамматиков от этой традиции — это вопрос, требующий нового, тщательного изучения. Между прочим, Зелинский обошел этот важный пункт в своей рецензии, видимо, чувствуя шаткость предположения Кайбеля. Разумеется, данный раздел Диомеда в этом отношении вообще не показателен.

¹ В последних работах зарубежных авторов по этому вопросу см.: Carrara Thomas F. Il regno di Marco Aurelio. Torino, 1953, cap. V «La pressione delle masse. Usurpazione di Avidio Cassio», pp. 143—155; Görilitz W. Marc Autel. Kaiser und Philosoph. Stuttgart, (1954), Kap. «Politik des Missverständnisses», S. 196—210.

² Scriptores historiae Augustae, ed. Hohl E., v. 1, Lps., 1955, Vita Marci Antonini Philosophi Iuli Capitolini, pp. 47—73; Avidius (Cassius) Vulcaci Gallicani v. c., pp. 85—97; Cassii Dionis Cocceiani Historiae Romanae quae supersunt, t. IV, Lps., 1818, libri LXXI excerpta per Xiphilinum, pp. 164—194. Относительно исторической ценности этих источников см.: Klebs E. Die Vita des Avidius Cassius, in «Rhein. Mus.» No 43 (1888), S. 321 ff.; Straub J. Studien zur Historia Augusta. Bern, 1952, S. 112 ff.

³ SHA, Vulc. Gallic., Avid. Cass., 1, 2; V, 5—12.

⁴ Ibid., III, 8; IV—VI.

ным руководством Луция Вера, соправителя Марка, он командовал главным соединением легионов против парфян, отразил их вторжение и, перейдя в наступление, нанес им ряд поражений⁵, взял вражеские столицы Селевкию и Ктесифон, которые предал огню⁶. Из Месопотамии он вторгся в Мидию⁷, но из-за начавшейся тогда эпидемии прекратил продвижение в глубь Парфянского царства⁸. К бедствиям моровой язвы присоединилось чрезвычайное положение на севере, где варвары перешли Дунай от Альп до Черного моря и прорвали оборонительную линию сразу в четырех провинциях⁹. Римское правительство вынуждено было пойти на скорейшее заключение мира с Парфией. Военные силы были переброшены на север, их возглавили оба императора¹⁰. И здесь Кассий показал себя не знающим поражения полководцем, разгромив полчище сарматов на Дунае¹¹.

Мир с Парфией не мог считаться надежным. Авидий Кассий как наиболее опытный, способный и надежный военачальник был назначен наместником Сирии с широкими полномочиями, делавшими его фактическим правителем Востока¹², и он добросовестно и успешно выполнял возложенные на него обязанности¹³. В 172 г. в Египте вспыхнуло крестьянское восстание, известное под названием восстания буколов. Движение это получило такой размах, что под угрозой была Александрия. Местные власти были бессильны. Тогда из Сирии с войсками прибыл Авидий. Оценив обстановку, он не вступил сразу в сражение из-за «отчаянной отваги и великого множества восставших», а использовал противоречия в лагере повстанцев и только тогда, уже без особого риска, разгромил их в сражении. Восстание буколов было жестоко подавлено¹⁴.

О жизни и деятельности Авидия Кассия до занятия им вы-

⁵ Dio Cass., LXXI, 2; SHA, Capit., Ver., VII, 1—6; M. Ant. Phil., VIII, 12; IX, 1. Лукиан говорит об ожесточенных боях при Эвропе и Суре на Евфрате (Lucian, Quomodo hist. sit conscrib., 20, 24, 28, 29).

⁶ Dio Cass., LXXI, 2; SHA, Capit., Ver., VIII, 3—4.

⁷ SHA, Capit., Ver., VII, 1.

⁸ Dio Cass., LXXI, 2; SHA, Capit., M. Ant. Phil., XIII, 3—6; XXI, 6; XXVIII, 2; Ver., VIII, 1—4; Eutrop., VIII, 12; Amm. Marcell., XXIII, 6, 24.

⁹ Dio Cass., LXXI, 3; SHA, Capit., M. Ant. Phil., XIV, 2.

¹⁰ SHA, Capit., M. Ant. Phil., XII, 14; XIV, 1; Ver., IX, 7.

¹¹ SHA, Vulc. Gallic., Avid. Cass., IV, 6.

¹² Dio Cass., LXXI, 3; Philostr., Vit. sophist., 1, 13.

¹³ SHA, Vulc. Gallic., Avid. Cass., VI, 1.

¹⁴ Dio Cass., LXXI, 4; SHA, Vulc. Gallic., Avid. Cass., VI, 7. О восстании буколов см.: Дмитрев А. Д. Буколы. (Из истории аграрного движения в римском Египте). — ВДИ, 1946, № 4, с. 92—100.

соких постов сведения очень скучны. Известно, что по происхождению он был сириец. Родиной его Дион называет город Кирр, расположенный недалеко от Антиохии¹⁵. Другой источник сообщает, что отец его «был центурионом, но впоследствии достиг очень высоких должностей»¹⁶. Затем он передает, что сам Авидий возводил свой род к Гаю Кассию Лонгину, старому республиканцу, убийце Цезаря, и гордился этим предполагаемым предком¹⁷. Ему нравились прозвища Катиллины и Мария, присвоенные ему солдатами¹⁸. «Он тайно ненавидел императорскую власть и не мог выносить самого слова «император»... потому что государство может избавиться от императора только путем замены его другим императором»¹⁹. Дальше мы читаем о том, что еще в прежнее царствование молодой Кассий готовил заговор против Антонина Пия, «но, благодаря отцу, человеку безупречному и почтенному, это стремление его к тирании не было обнаружено, однако начальники всегда считали его человеком подозрительным»²⁰. Он строил козни против Луция Вера, злоумышлял против «диалогиста» (т. е. императора Марка) и не оставлял мысли о государственном перевороте²¹.

Таковы сведения, которыми мы располагаем об Авидии Кассии к моменту рассматриваемых событий. Далее идет повествование о самом заговоре.

В начале 175 г.²² Марк, который, как уже говорилось, находился на дунайской границе, тяжело заболел, и жизнь его была в опасности. Императрица Фаустина, боясь за судьбу детей, и особенно сына Коммода, которому было всего 14 лет, опасаясь, что после смерти Марка кто-нибудь захватит власть, вступила в тайное соглашение с Кассием. Она упрашивает его, человека испытанной верности, спасти империю, наследуя Марку, и обеспечить престол Коммоду. Вскоре распространился слух, что Марк умер. Жаждущий власти полководец, не дожидаясь подтверждения слуха, провозгласил себя импера-

¹⁵ Dio Cass., LXXI, 22.

¹⁶ SHA, Vulc. Gallic., Avid. Cass., I, 1.

¹⁷ Ibid., I, 4; XIV, 4.

¹⁸ Ibid., III, 5, 8.

¹⁹ Ibid., I, 4.

²⁰ Ibid., I, 5.

²¹ Ibid., I, 6—9; III, 5.

²² Дату мятежа Авидия Кассия уточняет R. Romondon (Les dates de la révolte de C. Avidius Cassius, in «Chron. d'Egypte», 1951, No 26, pp. 364 sqq.).

тором²³, назначил префекта претория, а сына своего Мециана — правителем Александрии²⁴. Ряд восточных провинций, а именно Сирия, Иудея, Киликия и Египет, признали его²⁵. Войска, расположенные в Вифинии, также склонны были перейти на его сторону, но были удержаны в повиновении легатом Клодием Альбином²⁶. Легат Каппадокии Марций Вер известил Марка о предательстве²⁷. Император вынужден был срочно, без согласования с сенатом, заключить мир с маркоманнами, квадами, язигами и другими варварами, чтобы поспешить с войсками на Восток против узурпатора²⁸.

Между тем известие о мятеже дошло до Рима. Сенат объявил Кассия врагом отечества и конфисковал его имущество. Но в столице началась паника. Стало известно, что узурпатор с войсками направляется в Италию²⁹. История мятежа, однако, короткая. До гражданской войны дело не дошло. Кассий был убит военными из числа своего окружения, а отрубленная голова его доставлена закошому императору³⁰.

Такова история заговора, описанная античными авторами с разного свойства подробностями, сплетенными в фантастический рассказ³¹.

Перед исследователями политической истории II века всегда возникали трудности из-за плохого качества и фрагментарности источников. История этого времени была отражена у Л. Мария Максима (биографии императоров от Нервы до Геллиогабала)³² и Г. Азиния Квадрата (Римская история в 15

²³ Dio Cass., LXXI, 22, 23; SHA, Capit., M. Ant. Phil., XXIV, 6—7; Vulc. Gallic., Avid. Cass., VII, 1.

²⁴ SHA, Capit., M. Ant. Phil., XXV, 4; Vulc. Gallic., Avid. Cass., VII, 4.

²⁵ SHA, Capit., M. Ant. Phil., XXV, 8—10; XXVI, 3; Vulc. Gallic., Avid. Cass., VI, 5—6; IX, 1; Dio Cass., LXXI, 25.

²⁶ SHA, Capit., Clod. Alb., VI, 2; X, 10.

²⁷ Dio Cass., LXXI, 23.

²⁸ SHA, Capit., M. Ant. Phil., XXV, 1; Pertinax, II, 10.

²⁹ SHA, Capit., M. Ant. Phil., XXIV, 9; XXV, 2; Clod. Alb., XII, 10; Vulc. Gallic., Avid. Cass., VII, 6—7.

³⁰ SHA, Capit., M. Ant. Phil., XXV, 2; Vulc. Gallic., Avid. Cass., VIII, 1; Dio Cass., LXXI, 27.

³¹ Даже Вулканий Галликан говоря Фаустины с Кассием подвергает сомнению и считает, что рассказ этот выдумал Марий Максим, чтобы очернить Фаустины, женщину, по его словам, развратную и во всех отношениях порочную (IX, 5, 9; XI, 1). Каррата, характеризуя сообщения писателей Истории августов как увлекательный сценарий, допускает все же возможность такого говора (*Carrata Thomes F. Il regno di Marco...* pp. 149—150). Герлинц переписку Фаустины, приведенную Вулканием в доказательство отсутствия ее говора с Кассием, считает подложной и полностью принимает версию говора (*Cörlitz W. Marc Aurel...* S. 201—202).

³² Марий Максим — писатель III в., продолжатель и подражатель Све-

книгах), но их труды утрачены. Не сохранились также посвященные этому времени книги Диона Кассия и Аммона Марцеллина. Мы располагаем в основном только сведениями компиляторов, эпиграфистов и составителей бревиарiev. Многим сообщениям этих авторов мы не можем полностью доверять как историческим источникам, тем более, что они в сущности ничего не объясняют и не вносят никакой ясности в решение вопроса³³.

Чтобы дать правильную оценку выступлению Авидия Кассия, нужно, прежде всего, учесть политическую обстановку, которая сложилась в Римской империи во время Марка Аврелия, а она определялась социально-экономическими условиями и внешнеполитическим ее положением. Изменения, которые произошли в хозяйстве и обществе империи к началу последней четверти II века, достаточно хорошо изучены. «То был период, когда начавшийся кризис рабовладельческого способа производства в той или иной степени задел все части империи, отразился на всех сторонах ее жизни»³⁴. Это обнаружилось прежде всего в том, что военная мощь Римской державы ослабла, из агрессора она сама превратилась в объект агрессии. Маркоманские войны показали, что империя уже не может вести наступательные войны и осуществлять захваты, а с трудом только сдерживает написк внешних врагов на своих границах. Наступление варварского мира по сравнению с прошлым временем носило уже иной характер³⁵. В Маркоманских войнах римляне столкнулись уже не с локальным вторжением, а с широкими и прочными объединениями германских, сарматских и древнеславянских племен³⁶. Неспокойно было на рейнской границе и в Британии³⁷, испанские провинции. Амман Марцеллий ставит его рядом с Ювеналом как образец фриульского чтения (*Ant. Marcelli*, XXVIII, 4, 14).

³³ Труды подобного рода Моммзен оценивал как «обильный кладезь скандальных анекдотов» (*Mommzen Th. Hermes*, 4, S. 138).

³⁴ Штаерман Е. М. *Scriptores historiae augustae* как исторический источник. — ВДИ, 1957, № 1, с. 241.

³⁵ На этот момент обращает внимание Альтхейм, рассматривая Римскую империю в рамках современной ей мировой обстановки (*Alttheim P. Niedergang der Alten Welt*. Frankfurt a/M., 1953, Bd. I, S. 41 ff.).

³⁶ В великом союзе варварских племен во время Маркоманской войны 166—175 гг. принимали участие костобоки, которые летом 170 г. вторглись в балканские провинции и проникли вплоть до Элевсина. Этническую принадлежность костобоков определил Кудрявцев, отнеся их к славянам (Кудрявцев О. В. Исследования по истории балкано-дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М., 1957, с. 13—73).

³⁷ SHA, Capit., M. Ant. Phil., VIII, 7.

ции опустошили переправившиеся туда мавры³⁸. Государственная казна была истощена³⁹. Бедствия, обрушившиеся на империю, были настолько грозными и разрушительными, что давали основание древним историкам утверждать, что подобных не бывало с времен Второй Пунической войны⁴⁰. Безымянный писатель эпохи поздней империи, условно называемый Псевдо-Аврелием Виктором, о времени императора Марка говорит: «Если бы он (т. е. Марк) не родился, то весь римский мир развалился бы в едином падении. Ведь никогда не было покоя от войн, они пылали по всему Востоку, в Иллирии, Италии, Галлии. Бывали землетрясения, иногда поглощавшие целые города, разливы рек, частые эпидемии, пожирающая поля саранча. Вообще нельзя себе представить ни одного народного бедствия, которое не свирепствовало бы во время его правления»⁴¹. Анонимный автор сгустил несколько краски, но в основном картина, нарисованная им, соответствует действительности.

Эти условия привели к ослаблению авторитета императорской власти⁴², обнаружили глубокие трещины в политическом строе рабовладельческой империи, породили противоречия между императором и сенатом. Сенат, этот старый республиканский институт, еще не потерял своего политического значения. Роль его при Марке Аврелии, склонном к сотрудничеству с ним, даже возросла. Кроме того, Марк, занятый военными делами в дунайской кампании, редко наведывался в Рим, и бразды правления империей в значительной степени оказались в руках сенаторов⁴³.

В традиции за Марком Аврелием закрепилась репутация императора, который правил страной всегда в полном согласии с сенатом, оказывал ему уважение и не приговорил к смерти ни одного из его членов. Это была привилегия, которую се-

³⁸ Ibid., XXI, 1. О вторжении мавров см.: Кудрявцев О. В. К вопросу о вторжении мавров в испанские провинции Римской империи во второй половине II в. н. э. — ВДИ, 1950, № 4.

³⁹ SIIA, Capit., M. Ant. Phil., XVII, 4; XXI, 9; Epit. de vita et morib., XVI, 9.

⁴⁰ Eutrop., VIII, 12.

⁴¹ Epit. de vita et morib., XVI, 2, 3.

⁴² На возникновение фактора ослабления авторитета императорской власти при Марке Аврелии указывает В. Вебер (см.: Weber W. Rom. Herrscherlum und Reich im zweiten Jahrhundert. Stuttgart-Berlin, 1937, S. 325).

⁴³ Carrara Thomas F. Il regno di Marco... p. 146.

наторы упорно отстаивали⁴⁴. Факты, однако, засвидетельствованные источниками, подтверждают, что согласие далеко не всегда и не во всех вопросах было полным.

В кругах господствующего класса были недовольны Марком, который, как казалось, недостаточно решительно вел войну. Римляне понесли ряд тяжелых поражений, а в 173 г. армия во главе с самим Марком была окружена квадами в безводной местности и едва не погибла от жары и жажды. Только «чудо», как передают древние писатели, спасло армию от уничтожения⁴⁵. Среди слов, прославляющих Марка Аврелия за его мудрую деятельность, у Капитолина встречаются и такие: «Кажущаяся суровость, проявлявшаяся в его трудах на войне... вызывала тяжкие нарекания... Поэтому друзья часто советовали ему удаляться от военных действий и вернуться в Рим»⁴⁶.

Сенаторы недовольны были Марком, который на высшие должности назначал своих друзей-философов, риторов, бывших учителей⁴⁷. Юний Рустик, Клавдий Север, Фронтон, Герод Аттик, Прокул⁴⁸ — все они были консулами или проконсулами. Некоторые из этих философов и риторов были люди совсем незнатные и становились сенаторами. Своих дочерей он выдал замуж за людей, которых ценил. Их происхождению он не придавал никакого значения и назначал на руководящие посты. Среди них многие отличались высокими деловыми качествами и способностями, но далеко не все оправдывали его ожиданий. В этом смысле следует понимать фразу, приведенную Капитолином: «были слухи и о том, что некоторые люди под личиной философии терзают государство»⁴⁹ и слова, приписываемые Авидию Кассию: «Несчастно государство, терпящее этих людей, питающих страсть к наживе и богатству. Несчастно

" Dio Cass., LXXI, 28; SHA; Spart., Hadr., VII, 4; Sever., VII, 5; Lamprid., Alex. Sev., LII, 2; Capit., M. Ant. Phil., XXV, 6; XXIX, 4; Vulc. Gallic., Avid. Cass., XII, 4, 9 etc.

⁴⁵ Dio Cass., LXXI, 8–10; SHA, Capit., M. Ant. Phil., XXIV, 4; Tertull., Apologet., 5; Ad Scapul., 4; Euseb., Hist. eccles., V, 5; Chron. paschal., p. 486.

⁴⁶ SHA, *Capit.*, M. Ant. Phil., XXII, 5, 8; XXIII, 9; *Vulg. Gallic.*, *Avid. Cass.*, XIV, 5.

⁴⁷ Э. Ренан в книге «Марк Аврелий и конец античного мира» целую главу посвящает «царству философов», которое, по его мнению, получило осуществление при Марке (см.: *Renan E. Marc-Aurèle et la fin du monde antique. Paris, 1882, chap. III*).

49 Фронтон и Герод Аттик занимали консульские должности еще при Антонине Пин, но первый был очень богат, а второй к тому же еще и знатен.

⁴⁹ SHA, Capit., M. Ant. Phil., XXIII, 9.

счастен Марк, — человек, конечно, очень хороший: желая прослыть милосердным, он позволяет жить на свете тем, чьего образа жизни он сам не одобряет... Марк Антонин философствует и занимается исследованием об элементах, о душах, о том, что честно и справедливо, и не думает о государстве... Горе мне с этими наместниками провинций — неужели я могу считать проконсулами или наместниками тех, кто полагает, что провинции даны им сенатом и Антонином для того, чтобы они обогащались! Ты слышал, что префект претория у нашего философа, человек, позавчера еще нищий и бедный, вдруг стал богачом. Откуда это богатство, как не из крови самого государства и достояния провинциалов?»⁵⁰. В этих словах отразились настроения, которые наблюдались в среде сенаторов и представителей провинциальной знати.

Особенно серьезные разногласия между сенатом и императором были вызваны решительными действиями последнего, направленными на установление династии⁵¹. После смерти Домициана Антонину назначали себе преемников по принципу «наибольшего достоинства», а не семейного родства, притом из людей заслуженных и пользующихся признанием в высшем обществе⁵². Первые четыре Антонина не имели детей мужского пола, поэтому вопрос престолонаследия не вызывал осложнений. Сложилась почти вековая традиция усыновления императорами и назначения себе преемниками лиц взрослых, заслуженных и одобренных сенатом. Марк Аврелий с первых же дней правления готовил своего сына Коммода к императорской власти. В 166 г. он провозгласил его цезарем и предводителем юношества (в 5-летнем возрасте), взял с собой на войну, в 172 г. дал почетное имя Германика. Позже он был

⁵⁰ SHA, *Vulg. Gallic., Avid. Cass.*, XIV, 2, 3, 5, 7, 8.

⁵¹ Возникновение разногласий по этому вопросу отмечается рядом историков. См. напр., Дьяков В. Н. Начало политического кризиса Римской империи (180—235 гг.). — «Учен. зап. Моск. пед. ин-та им. В. И. Ленина», 1957, т. 104, вып. 5, с. 9—10; *Carrafa Thomes F. Il regno di Marco...* pp. 146—148. Династические планы Марка Караата связывает с его политикой постепенной централизации императорской власти, идентифицированной с его собственной персоной (с. 148). В. Вебер и В. Герлиц считают, что разногласий между Марком и сенатом по этому вопросу в то время не возникло (см.: *Weber W. Rom. Herrscherthum und Reich...* S. 294—295; *Görlitz W. Marc Aurel...* S. 207—208).

⁵² Этот принцип отстаивала ведущая часть сената еще в дни после смерти Тиберия (см.: *Sueton., Calig.*, 14, 1. *Cp.: SHA, Spart., Sever.*, XX—XXI; *Lamprid.*, *Alex. Sev.*, IX, 3; *Dio Cass.*, LIX, 1). Pertinax не желал ссориться с сенатом и, став императором, не готовил своего сына в наследники (*SHA, Capit., Pertin.*, XIII, 4).

провозглашен императором (176 г.), выдвинут на должность консула, затем ему была присвоена трибунская власть и, наконец, почетное звание «отца отечества» и августа (177 г.)⁵³.

Обстоятельства, вызвавшие разногласия между императором и сенатом, были, вероятно, учтены Авидием Кассием. В его заговор было замешано немало сенаторов, свидетельством чему может служить хотя бы следующий факт. Когда Марку доставили корреспонденцию убитого Кассия, он не стал ее разбирать, а бросил в огонь. Он знал, что среди заговорщиков должно быть немало важных лиц, которых необходимо будет наказать, коль скоро имена их станут известны. Он предпочел не обострять дальше отношений с сенатом, а предать дело забвению, и это действие Марка было должным образом оценено и поставлено ему в заслугу⁵⁴. В отношении Марка к заговорщикам сказалась не только его мягкость как просвещенного монарха, но и его политическая дальновидность. Он учтивал опыт прежних принципов, которые на оппозицию отвечали репрессиями и казнями, накаляя обстановку до такой степени, что сами становились жертвами дворцовых переворотов. Политика Аврелия сформулирована им в книге «К самому себе». «Не иди по стопам цезарей и не позволяй себя увлечь... Во всем будь учеником Антонина. Подражай его настойчивости в деятельности, согласной с разумом, никогда не изменявшей ему уравновешенности... Как терпеливо переносил он несправедливые упреки, не отвечая на них тем же! Как ни в чем не обнаруживал он опрометчивости!...»⁵⁵.

Не нужно считать, однако, что большинство сенаторов было за Кассия, лишь некоторые из них состояли, по-видимому, в заговоре. Разногласия с Марком вовсе не достигали такой степени, чтобы мог возникнуть вопрос о замене его кем-то, тем более амбициозным военным, вдобавок сирийцем незнатного происхождения. Поэтому сенат принял сторону Марка, и первым его действием при получении известия о выступлении узурпатора было объявление его «врагом отечества». Кассий и не ожидал ничего другого, поэтому намеревался прежде всего двинуть войска на Рим.

Расчеты Кассия основывались на другом. Военная обста-

⁵³ Weber W. Rom. Herrschertum und Reich... S. 295.

⁵⁴ Dio Cass., LXXI, 28, 29; SHA, Vulc. Gallic., Avid. Cass., VIII; IX, 1—4; XI, 3—7; XII, 3—10; XIII, 1—6; Capit., M. Ant. Phil., XXV, 5—8; XXVI, 1, 3, 11—13; Amm. Marcell., XXI, 16.

⁵⁵ M. Aurel., Eis heauton, VI, 30.

новка, создавшаяся во время правления Марка Аврелия, Парфянская и Маркоманнкая войны, чрезвычайно усилили значение военных элементов и определили их ведущую роль в Римском государстве — то, что Тацит называл «тайной прихода принципса к власти»⁵⁶. Кроме того, армия была уже в значительной степени варваризована⁵⁷, и интересы ее расходились с настроениями, стремлениями и желаниями тех обеспеченных слоев рабовладельческого государства, на которые опиралась империя Антонинов⁵⁸. Она готова была идти за полководцем щедрым и пользовавшимся авторитетом. Марк находился во главе войск на Дунае и, следовательно, там контролировал ситуацию. Восток же находился полностью в руках Кассия. День за днем он приобретал здесь чрезмерную власть, делавшую его почти независимым от центрального правительства. В его распоряжении был почти весь восточный флот⁵⁹, и он надеялся на помочь восточных царей⁶⁰. Действия против букоев показали, что легионы беспрекословно повинуются его приказам, что, впрочем, объяснялось престижем, который он приобрел во время Парфянской войны, и дисциплиной, которую он суровыми мерами укрепил.

Кассий пользовался популярностью в провинциях Востока, особенно в столице Сирии Антиохии⁶¹. Он рассчитывал на поддержку местной знати, а среди нее были настроения недовольства римским господством. Сирия, центр его наместничества, была одной из важнейших провинций империи⁶². Здесь было много крупных городов, и городское население составляло значительный процент ее общего населения. Но только незначительное число этих городов имели титул колонии и пользовались итальянским правом. Сирия славилась своими богатыми природными ресурсами и высоким плодородием. Она была важнейшим центром торговли с Востоком. Многие ее области были странами с очень высокой эллинистической и самобытной

⁵⁶ Tacit., *Histor.*, I, 4.

⁵⁷ Штаерман Е. М. Этнический и социальный состав римского войска на Дунае. — ВДИ, 1946, № 3, с. 258—261.

⁵⁸ Дьяков В. Н. Начало политического кризиса... с. 8—9.

⁵⁹ Carrata Thomes F. Il regno di Marco... p. 150.

⁶⁰ Görilitz W. Marc Aurel... S. 203.

⁶¹ SHA, *Vulc. Gallic.*, *Avid. Cass.*, VI, 5, 6; VII, 2, 8; IX, 1; *Capit.*, M. Ant. *Phil.*, XXV, 8; XXVI, 3; *Dio Cass.*, LXI, 2.

⁶² Управление Сирией считалось честью. Юлий Капитолин в биографии Пертинаакса (II, 11) отмечал, что он «заслужил Сирию» успешным управлением другими провинциями. Эта провинция императорами «сохранилась для заслуженных мужей» (Tacit., *Agric.*, 40).

культурой. Выходцами из Сирии в римскую эпоху были многие выдающиеся люди, среди них такие видные юристы, как Ульпийан, Папиниан, Павел из Берита, крупнейшего центра изучения римского права⁶³.

Однако та интеграция, которая существовала в римской общности во II в., еще в значительной степени направлена была на обогащение Рима и его населения. Господствующая сирийская знать была безусловно недовольна этим положением и готова была поддержать своего ставленника и земляка в его стремлении захватить императорскую власть. Именно этим моментом объясняется указ Марка Аврелия, изданный после заговора Кассия: ни одно лицо в будущем не может получить префектуру в той провинции, которая является его родиной⁶⁴.

Но серьезные сепаратистские настроения в Сирии, как и в других провинциях, еще не возникли. Римское господство для провинциалов во многих отношениях было даже выгодно. Оно расширяло экономические связи и оживляло торговлю, и Рим хорошо защищал интересы рабовладельцев-провинциалов.

Заговор Кассия начал готовиться, по-видимому, задолго до выступления. Об этом можно судить из письма Луция Вера к Марку, которое приводит Вулканий: «Авидий Кассий жаждет, так мне кажется, императорской власти... Я желал бы, чтобы ты приказал наблюдать за ним... Он собирает значительные средства... Подумай о том, что следует предпринять»⁶⁵.

Для заговоров с целью захвата императорской власти начала складываться благоприятная ситуация. Через несколько лет при Коммоде такой заговор готовил Септимий Север, который находился во главе легионов в Паннонии⁶⁶. Пертина克斯, направленный Коммодом в Британию, удерживал там «войнов от всяких мятежей, хотя они и были готовы провозгласить императором кого угодно, а в особенности — самого Пертинаакса»⁶⁷.

⁶³ О Сирии в системе Римской империи во II в. см.: Моммзен Т. Римская история, т. 5. М., 1885, с. 435—476; Ранович А. Восточные провинции Римской империи в I—III вв., М.—Л., 1949, с. 127—165.

⁶⁴ Dio Cass., LXXI, 31. После ликвидации мятежа Марк Аврелий совершает поездку на Восток, посещает Александрию, Антиохию и другие города с целью урегулирования отношений римской власти с восточными провинциями (Dio Cass., LXXI, 28; SHA, Capit., M. Ant. Phil., XXV—XXVII; Vulc. Gallic., Avid. Cass., IX, 1).

⁶⁵ SHA, Vulc. Gallic., Avid. Cass., 1, 7, 8.

⁶⁶ SHA, Capit., Clod. Alb., II, 3.

⁶⁷ SHA, Capit., Pertinax, III, 6.

Момент для выступления казался Кассию благоприятным. Цель его сводилась к тому, чтобы заменить на престоле Марка и Коммода. Его попытка являлась решительно унитарной и имперской, а не сепаратистской⁶⁸. Доказательством тому является намерение его двинуться на Рим и упрочить именно там свое положение. Общимперский характер мятежа⁶⁹ Кассия отмечает Элий Лампидий в биографии Александра Севера: «... ведь и Песцения Нигра, и Клодия Альбина, и Авидия Кассия... и самого Севера они (т. е. легионы) провозгласили императорами..., а такое положение дел породило гражданские войны...»⁷⁰. Кассий здесь поставлен в один ряд с Нигром, Альбином и Септимием Севером, цель которых была не в расчленении империи. Это были претенденты на власть над всей империей.

Перевес сил оказался на стороне Марка Аврелия. Противоречия в кругах господствующих классов еще не достигли особой остроты. Сенат остался ему верен. Ему удалось очень скоро заключить мир с варварами. Дунайские армии были готовы выступить против узурпатора, количественно и своими боевыми качествами они намного превосходили войска на Востоке⁷¹. Соратники Кассия скоро поняли, что мятеж обречен на неудачу, и устраниением узурпатора предотвратили дальнейшее развитие авантюры.

Это была первая во II веке попытка совершить государственный переворот с опорой на армию. Мятеж явился следствием социально-экономического кризиса империи, обострившего противоречия в римском обществе. Но политический кризис еще не наступил. Через два десятилетия, когда эти противоречия достигнут наибольшей остроты, начинается целая полоса выступлений претендентов на престол.

⁶⁸ Каррата настаивает на том, что попытка Кассия была именно унитарной и общимперской, и что сепаратистский элемент в ней роли не играл (*Carrrata Thones F. II* тетр. 11 р. 151). В советской и зарубежной историографии, однако, преобладает точка зрения, по которой большое значение придается фактору сепаратистских устремлений в восточных, а также западных провинциях даже во II веке. Но это вопрос уже особый и требует специального исследования.

⁶⁹ Выступление Кассия должно быть квалифицировано как мятеж, так как это было вооруженное выступление, носившее характер заговора с целью захвата власти.

⁷⁰ SHA, Ael. Lamprid., Alex. Sev., I, 7.

⁷¹ Dio Cass., LXXI, 25.

СОЗДАНИЕ ЧЕРНОМОРСКОЙ ДЕРЖАВЫ МИТРИДАТА ЕВПАТОРА (Историография вопроса)

История царствования Митридата VI Евпатора, царя Понта, привлекала и привлекает внимание многих исследователей. О нем и его времени написаны многочисленные научные труды. Но все они, как правило, касаются отдельных сторон его деятельности и событий из личной жизни. Ряд статей посвящен описанию эпиграфических и нумизматических памятников времени Митридата. Специальных работ, посвященных Черноморской державе, времени и процессу ее создания, роли в жизни Понтского государства и его борьбе против Рима, в настоящее время не существует. А между тем именно античные города Причерноморья были основой могущества понтийских царей, тем неиссякаемым источником, который восполнял потери Митридата в его войнах. Черное море не разделяло, а соединяло отдельные районы государства Митридата в единое целое. Оно служило прекрасным путем для экономических связей между ними, представляло широкое водное пространство для маневрирования военными силами в случае войны. Превращение Понта Эвксинского в «Митридатово озеро» дало возможность царю прежде незначительного Понтского царства выступить на арене мировой истории на равных правах с другими выдающимися политическими деятелями и полководцами Древнего мира.

Среди наиболее ранних исследований по истории Понта времени Митридата VI следует назвать «Историю Рима» Т. Моммзена¹. Первый ее том вышел в 1855 году и сразу же доставил широкую известность автору. Т. Моммзен уделяет внимание не только войне Рима против Митридата. Он дает довольно полное для его времени описание состояния малоазийских государств, описывает внешность и сообщает биографические данные Митридата. Завоеванию Митридатом Причерноморских областей у Т. Моммзена предшествует характеристика экономического и политического их состояния. В описаниях этих мест Т. Моммзен пользуется, главным образом, сведениями Страбона. Для характеристики положения Ольвии и войн против скифов он привлекает сведения декретов в честь Протогена и в честь Диофанта². Недостаточность

¹ Моммзен Т. История Рима, т. 2, М., 1937.

² Моммзен Т. Указ. соч., с. 257—258.

исторических, этнографических, литературных сведений, слабая археологическая изученность описываемых районов во времена Моммзена привели к тому, что в ряде случаев его выводы оказались неверными. Так, он считал скифов народом монгольского происхождения, а племена сарматов и роксолан, которые уже тогда в русской историографии считались предками славян, он относит к персам³. Заметны в труде Моммзена также элементы модернизма, расизма и гиперкритицизма. Он совершенно справедливо пишет о невыносимом гнете римлян в провинции Азия, но считает такое положение дел естественным, вследствие неспособности восточных народов к самостоятельности. Самого Митридата он считает обычным восточным султаном, отличавшимся от других только своей неутомимой деятельностью, а его войны против Рима он оценивает как начало национальной реакции азиатов против западных народов. Это определение является односторонним, ибо истребление италиков в период первой войны Митридата против Рима было вызвано не столько национальной ненавистью, сколько жестокостями и притеснениями римских чиновников и публиканов. Это отмечали и античные авторы (App. Mithr., 23). В настоящее время труд Т. Моммзена сохраняет свое значение как одно из самых капитальных исследований по римской истории, но по предлагаемой нами теме он дает лишь самые общие представления.

Первым трудом, посвященным Истории Понтийского царства, является «История понтийского царства» Эдуарда Мейера⁴. При написании своего исследования автор пользовался исключительно письменными источниками. При этом для него, как и для Моммзена, характерен модернизм и гиперкритицизм взглядов. Для подтверждения своих мыслей Э. Мейер не останавливается перед умолчанием источников по тому или иному вопросу. «Вообще вся работа Эд. Мейера, посвященная истории Понтийского царства (работа во всех отношениях устаревшая), характерна чрезвычайно небрежным отношением к источникам, произвольными заключениями, не вытекающими из материала, и явной недооценкой роли Причерноморья и Черного моря в истории Понта»⁵. Называя дату или какой-нибудь факт, Э. Мейер обычно никак не аргументирует своего предположения. Так, деятельность Митридата он начинает с

³ Там же, с. 256.

⁴ Meyer E. Geschichte des Königreichs Pontos, L., 1879.

⁵ Колобова К. М. Фарнак I Понтийский. — ВДИ, 1949, № 3, с. 30.

наступления на восток (Gleich nach Übername der Regierung rüstete Mithridates zu einem Kriegszuge nach Osten)⁶.

Начало боевых действий Диофанта на Боспоре датируется 115 г. до н. э.⁷. Работа Е. Мейера устарела к настоящему времени еще и потому, что многие эпиграфические источники эпохи царствования Митридата остались автору неизвестными, а, может быть, и сознательно не использованными. Оценки роли черноморских владений Митридата Мейер не дает. Все это делает его работу не представляющей особенной ценности.

Наиболее полным исследованием истории жизни и царствования Митридата Евпатора является монография Т. Рейнака «Митридат Евпатор, царь Понта»⁸, опубликованная в Париже в 1890 г. В начале книги автор дает краткое описание истории Понта до времени Митридата VI. Затем следует рассказ о детских годах, воспитании и образовании будущего царя. Стремясь описать жизнь Митридата возможно глубже и полнее, Рейнак использует самые разнобразные источники: сведения античных авторов, эпиграфические и нумизматические материалы. Следует отметить тщательность описания фактов автором, стремление его охватить общие вопросы экономики, политики и дать правильную датировку событий. Созданию Черноморской державы Митридата у Рейнака посвящена отдельная глава, где описаны природные условия, экологическое и политическое состояние причерноморских районов, показано территориальное размещение различных племен. Большое внимание уделяет Рейнак управлению государством Митридата. Он считает, что для управления огромной державой, создавшей царем Понта, наиболее приемлема абсолютная монархия⁹. Оценивая роль завоеваний Митридата в Причерноморье, Рейнак отмечает глубокие изменения при этом самого характера Понтийского царства. Он подчеркивает, что только объединение городов и племен вокруг Понта Эвксинского обеспечило дальнейшие успехи Митридата в его борьбе с Римом¹⁰. В описании военных эпизодов Рейнак иногда допускает ошибки, вследствие которых и оценка некоторых побед пол-

⁶ Meyer E. Op. cit., s. 87.

⁷ Ibidem, s. 88.

⁸ Reinach T. Mithridate Eupator, roi de Pont. P., 1890. В 1895 году книга вышла вторым изданием на немецком языке с незначительными авторскими изменениями.

⁹ Reinach T. Op. cit., p. 250.

¹⁰ Ibidem, p. 80.

ководцев Митридата у него несколько завышена. Так, например, в отношении побед Диофанта в Крыму он пишет: «Les victoires de Mithridate sur les Scythes et les Roxolanes, réputés jusque-là invincibles, durent avoir parmi elles un prodigieux relentissement»¹¹.

Эта оценка в основном справедлива. Но буквально несколькими строками ниже автор, словно выступая за оправдание любой завоевательной политики, утверждает: «C'est ainsi que le progrès d'aujourd'hui prépare le progrès de demain: chaque conquête fournit les moyens d'une conquête ultérieure...»¹².

Такой вывод не может быть приемлем. Победа Диофанта над скифами была не такой уж трудной задачей для понтийского стратега. Именно в силу этого она и давала средства для дальнейших завоеваний. Победы Пирра, например, не обеспечили ему дальнейших успехов.

В целом выводы Т. Рейнака, как правило, подкрепляются сведениями источников. Все это позволяет высоко оценить монографию как одну из основных работ по интересующей нас здесь теме.

Дореволюционная историография времени Митридата в Западной Европе представлена также отдельными статьями или главами в общих исторических трудах. Среди них следует отметить работы В. Низе¹³ и Г. Ферреро¹⁴. Первый из отмеченных авторов дает подробное описание военных операций Митридата и его полководцев. Однако отсутствие в его трудах детально разработанной исторической картины делает их простой сводкой сведений античных авторов.

Работа итальянского историка Г. Ферреро была опубликована в начале XX века. Характерной чертой его труда является возвеличивание римской экспансии на востоке. Это не могло не исказить действительных фактов упорной борьбы народов Востока за свою независимость. У Ферреро основным фактором исторического прогресса является стихийность. Хотя он и дает подробные характеристики лиц и событий, но считает, что они действуют не по своей воле. Все это делает его труд недостаточно надежным при изучении интересующих нас вопросов.

¹¹ Ibidem, p. 71.

¹² Ibidem, p. 71.

¹³ Niese B. Straboniana. Rhein. Mus., XLII, 1887; Он же. Очерк римской истории и источниковедения. Спб., 1910.

¹⁴ Ферреро Г. Величие и падение Рима. М., 1916.

Митридату и его деятельности посвящены также работы итальянских историков М. Кастанья¹⁵ и А. Кальдерини¹⁶. К сожалению, обе работы остались для нас недоступными.

Характер римского правления в Малой Азии рассмотрен в монографии Д. Маджи¹⁷. Автор дает полную характеристику отдельных районов полуострова, начиная с первого появления там римлян. Далее следует описание процесса постепенного подчинения малоазийских государств Риму. Для темы нашей работы особенно важно описание экономического состояния и природных богатств описываемых районов. Основным источником Маджи, в данном случае, является Страбон — «единственный точно и хорошо осведомленный писатель, дающий полную картину ожидаемую»¹⁸.

Одной из последних работ, посвященных жизни Митридата, в буржуазной историографии является труд А. Дуггана¹⁹ «Царь Понта. Жизнь Митридата Евпатора», вышедший в Нью-Йорке в 1959 г. Основное внимание в ней уделено описанию личной жизни Митридата и его войнам против Рима. Предлагаемой нами темы автор касается вскользь, по ходу изложения своих основных мыслей.

Для изучения истории создания всепонтийского государства очень важно исследование отдельных районов Причерноморья. Невозможно понять закономерность и объективную необходимость создания единого черноморского государства без познания причин, подготовивших это объединение. А причины эти в каждом конкретном случае могли быть совершенно различными. Изучение истории отдельных районов Причерноморья в дореволюционной историографии практически не нашло своего отражения, если не считать нескольких работ русских историков о городах Северного Причерноморья.

Вопросы истории западнопонтийских городов в эпоху Митридата Евпатора наиболее полно рассмотрены в трудах болгарского историка Х. М. Данова²⁰. Автор широко использует

¹⁵ *Gastagna M. Mithridate Eupator, re del Ponto. Portici, 1938.*

¹⁶ *Calderini A. Mithridate Eupator, re del Ponto. Milano, 1950.*

¹⁷ *Magie D. The Roman rule in Asia Minor. Princeton, 1950.*

¹⁸ *Ростовцев М. И. Страбон как источник по истории Боспора. Харьков, 1914, с. 3.*

¹⁹ *Duggan A. A King of Pontos. The Life of Mithridates Eupator. N.-Y., 1959.*

²⁰ *Данов Х. М. Западният бряг на Черно море в древностата, София, 1947; Он же. Към историята на Тракия и Западното Черноморие от втората половина на III в. до средата на I в. н. е. — Годишник на Софийския университет, Философски-исторически факултет, 1952, № 47 и сл.*

сведения античных писателей, но при этом дополняет их результатами археологических исследований на территории самих городов. Прекрасное знание эпиграфического материала позволило ему сделать ряд ценных выводов о времени и характере подчинения западноготийских городов Митридату.

В русской дореволюционной историографии Митридату и его времени уделялось очень немного внимания. Среди наиболье ранних работ следует отметить статью С. Бараташвили «Вопрос о происхождении Митридата Великого», опубликованную в газете «Кавказ» № 50 и 70 за 1861 г., и статью Д. Бакрадзе «Царь Понта Митридат Великий», опубликованную в газете «Иверия» № 28 за 1873 г. Статьи эти имеют популярный характер и в основном пересказывают сведения античных авторов.

Одной из первых научных работ о деятельности Митридата в Северном Причерноморье была статья В. Н. Юрьевича, посвященная публикации херсонесского декрета в честь Диофанта²¹. Автор рассматривает военные действия войск Митридата в Таврике. Найденный декрет он считает хорошим дополнением сведений античных авторов. Огромную важность и полную достоверность его сведений, как источника, причем источника вплоть самостоятельного, В. Н. Юрьевич не отметил.

Жизни и царствованию Митридата Евпатора посвящено выпускное сочинение А. В. Никитского²². Краткое его изложение дано в Журнале Министерства народного просвещения № 9 за 1882 г. К сожалению, интересующей нас темы автор почти не касается.

В 1888 году была опубликована статья Ф. Я. Ребеца «Судьба Крыма при Митридате Евпаторе»²³. Автор использует в работе преимущественно сведения античных авторов. Его датировки очень неточны, а описания событий чересчур картины. Так, он определяет время борьбы Митридата со скифами в 20 лет, хотя из опубликованного уже тогда декрета в честь

²¹ Юрьевич В. Н. Псевдом о древнем городе Херсонеса о назначении почетей и наград Диофанту, полководцу Митридата Евпатора, за покорение Крыма и освобождение херсонесцев от владычества скифов. — 300, 1881, № 12.

²² Никитский А. В. Мифрадат Великий. Очерк жизни и царствования Мифрадата VI по древним авторам и надписям (до Лукулловой войны). — Ленинградское отделение архива АН СССР, ф. 84, оп. 1, д. 4.

²³ Ребец Ф. Я. Судьба Крыма при Митридате Евпаторе. — «Пзв. Таврической ученой архив. комиссии», 1888, № 6.

Диофанта следует, что война продолжалась не более трех лет. Работа Ф. Я. Ребеца представляет собой первую попытку дать широкое историческое описание положения Тавриды в эпоху Митридата, и в этом смысле она сыграла, несомненно, положительную роль для того времени.

Подробное описание осады Херсонеса и военных действий pontийской армии на первом этапе ее борьбы в Крыму мы находим в статье А. Л. Бертье-Делагарда «О Херсонесе»²⁴. Особенно ценно в статье прекрасно аргументированное топографическое описание событий, до настоящего времени не потерявшее своего значения.

Деятельность Митридата по созданию единой Черноморской державы нашла свое отражение в ряде работ М. И. Ростовцева²⁵. Он показывает экономическое и политическое состояние Pontийского государства, его армию, оценки деятельности Митридата в той или иной области. В описании экономики Понта у М. И. Ростовцева заметны элементы модернизма. Однако те или иные факты истории, исследуемых им районов Причерноморья, описаны в полном соответствии с источниками. Для подтверждения своих предположений автор широко применяет археологический материал. Все это делает труды М. И. Ростовцева необходимыми при изучении поставленного нами вопроса.

Советских историков привлекают различные стороны жизни и деятельности Митридата. Однако в настоящее время в СССР опубликовано лишь две работы, специально посвященные истории Pontийского царства и Митридату. Это научно-популярный очерк Л. Саникадзе «Pontийское царство»²⁶ и монография Г. Гозалишвили «Митридат Pontийский»²⁷.

Первая из них посвящена, в основном, войнам с Римом. «Отсутствие детально разработанной исторической карты является большим пробелом работы»²⁸. Для избранной нами темы она не прибавляет ничего нового, кроме уже известных сведений античных авторов.

²⁴ Бертье-Делагард А. Л. О Херсонесе. — «Изв. археолог. комиссии», 1907, № 24.

²⁵ Ростовцев М. И. Эллинистическое и иранское на юге России. Пг., 1918; Он же. Pontus and its neighbours in the first Mithridatic war. — CAH, 1932, IX; он же. The Social and Economic History of the Hellenistic World, I. I—III. Oxford, 1941.

²⁶ Саникадзе Л. Д. Pontийское царство. Тбилиси, 1956.

²⁷ Гозалишвили Г. К. Митридат Pontийский. Тбилиси, 1962.

²⁸ Абрамидзе Ш. В., Саникадзе Л. Д. Pontийское царство. Тбилиси, 1956. — ВДИ, 1958, № 1, с. 173.

В монографии Г. Гозалишвили рассмотрены вопросы происхождения Митридата, причины войн с Римом, дан обзор военных действий, показаны политические связи Понта с внешним миром. Вопреки сведениям античных авторов Г. Гозалишвили считает Митридата Евпатора потомком кипрских царей, выходцем из местного населения Понта. Подобное предположение нам представляется маловероятным. Митридат был достаточно хорошо известной фигурой в античном мире и его происхождение паверияка было хорошо известно историкам той эпохи. Тем более, что расхождений между ними в этом вопросе нет. Борьбу Понта с Римом автор оценивает как столкновение двух великих держав в борьбе за мировое господство²⁹. И эта оценка нам кажется недостаточно объективной. Вся деятельность Митридата была направлена на укрепление мощи своего государства для оказания отпора наступлению римлян. Временные успехи войск Митридата в этой борьбе никак не могут служить свидетельством его стремления к мировому господству. Процессу подчинения различных районов Причерноморья и времени этих событий автор почти не уделяет внимания.

Наиболее полно описал деятельность Митридата в Причерноморье на первом этапе его царствования академик С. А. Жебелев. В его работах особенно ценен блестящий анализ источников, которые зачастую приводятся в текстах статей с комментариями и переводом автора. Именно С. А. Жебелев впервые обратил внимание на детальный разбор свидетельств ряда эпиграфических памятников, выделив их в особый вид исторических источников. Изучение эпиграфических памятников позволило ему сделать ряд новых и оригинальных выводов об исторических событиях в Северном Причерноморье начиная с присоединения его к царству Митридата. Война со скифами и подчинение городов Таврики было делом жизни Понтийского царства, и в разборе причин успехов армий Митридата большую помощь могут оказать труды С. А. Жебелева.

Избранной нами теме исследования посвящена одна из глав фундаментального исследования В. Ф. Гайдукеевича «Боспорское царство»³⁰. В ней автор не только рассматривает положение Боспора, но и дает характеристику политической об-

²⁹ Гозалишвили Г. К. Указ. соч., с. 400.

³⁰ Гайдукеевич В. Ф. Боспорское царство. М.—Л., 1949. В 1971 году монография вышла вторым изданием в немецком переводе с изменениями и дополнениями автора (Gaidukevic V. F. Das Bosporanische Reich. Berlin, 1971).

становки в Причерноморье вообще. Исходя из нее, он показывает последовательность и закономерность постепенного подчинения всех районов Причерноморья Митридату. В монографии В. Ф. Гайдукевича и его статьях, посвященных той же теме, получили теоретическое осмысление многолетние работы Боспорской археологической экспедиции, которую он бессменно возглавлял с 1934 по 1966 г. Многочисленные находки в малых городах Боспора послужили хорошим материальным фундаментом к сведениям античных авторов, существенно дополнив и уточнив ряд их сообщений.

В 1951 г. вышла монография Е. С. Голубцовой «Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры»³¹. Первая глава ее посвящена проникновению римлян в Северное Причерноморье и войнам их против Митридата. Автор рассматривает экономическое положение городов, привлекая для этого результаты археологических исследований, выясняет специфику трех основных районов Северного Причерноморья: Ольвии, Херсонеса и Боспора. Затем следует описание военных действий и участие в них жителей Северного Причерноморья. Монография особенно цenna описанием экономического положения городов накануне Митридатовых войн, чему до этого уделялось очень мало внимания.

Наиболее полно из всех существующих в советской историографии работ наша тема рассмотрена в монографии М. И. Максимовой «Античные города юго-восточного Причерноморья»³². Автор тщательно исследует историю южнопонтийских городов с момента их возникновения и до подчинения Риму. Показывается процесс постепенного перехода их под власть понтийских царей, дается оценка этого события для городов и для самого Понта. «Полнота, с которой М. И. Максимова рассматривает города юго-восточного Причерноморья во всех доступных по источникам аспектах их жизни и деятельности, дает возможность оценить по заслугам важное значение этих городов в жизни не только Северного и Западного Причерноморья, но и в жизни античного мира вообще»³³. В монографии особенно важна для нашей темы характеристика социальных слоев, поддерживающих Митридата в том или

³¹ Голубцова Е. С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М.—Л., 1951.

³² Максимова М. И. Античные города юго-восточного Причерноморья. Синопа, Амис, Трапезунд. М.—Л., 1956.

³³ Калобова К. М., Максимова М. И. Античные города юго-восточного Причерноморья. Синопа, Амис, Трапезунд. М.—Л., 1956. — «Советская археология», 1958, № 3, с. 261.

шном районе. Как отвечает М. И. Максимова, в разных районах Причерноморья они были различными³⁴. В южноконтийских городах это были, в основном, богатые торговцы и промышленники, а в городах Боспора — демос. Это предположение автора нам кажется справедливым. Однако трудно согласиться с М. И. Максимовой относительно проримских симпатий демоса южноконтийских городов. В этом случае столь длительная оборона Синопы (два года) и Амиса (год) вряд ли может быть объяснима. Нельзя не согласиться с предположением автора о национальной принадлежности арменийцев ольвийского декрета IPE, 1², № 35. Таким образом, не занимаясь специальную историей Черноморской державы Митридата, М. И. Максимова делает немало очень ценных наблюдений и выводов о характере и причинах ее создания.

Об отдельных городах и районах Причерноморья советскими историками написан целый ряд монографий и статей. Среди них следует отметить, как основные, по нашей теме монографии В. Д. Блаватского «Пантикопей», Г. Д. Белова «Херсонес Таврический», Т. В. Блаватской «Западноконтийские города» и «Очерки политической истории Боспора», М. П. Инадзе «Причерноморские города древней Колхиды», Г. А. Лордкипанидзе «К истории древней Колхиды» и статью Д. Б. Шелона «Тира и Митридат Евпатор» (ВДИ, 1962, № 2). В перечисленных работах рассмотрены вопросы экономики и политики данных городов и районов накануне их присоединения к государству Митридата, кратко показан этот процесс и роль его в жизни городов и собственно Понта. Почти все названные работы написаны руководителями археологических экспедиций, ведущих раскопки в городах, о которых они пишут. Это делает указанные работы необходимыми при изучении указанной выше темы.

В настоящей статье мы рассмотрели лишь основные работы, которые дают наибольшее количество материала для интересующей нас темы. Существует большое количество отдельных статей и монографий по отдельным видам археологического материала, по разбору свидетельств античных авторов и сопоставлению их с археологическими находками, из которых можно почерпнуть интересные данные и факты, но их анализ представляется нам в рамках настоящей статьи необязательным.

³⁴ Максимова М. И. Указ. соч., с. 283.

ГЕРОД АТТИК И «ГРЕЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ»

Во II в. н. э. Римская империя достигла своего расцвета. Установился долгожданный гражданский мир. Правление жестоких и деспотичных императоров сменилось «золотым веком» Антонинов. Об экономическом подъеме империи свидетельствуют данные археологии. Даже небольшие города украшались храмами, портиками, термами, театрами, стадионами. Было обнаружено огромное количество статуй и еще большее количество надписей, относящихся к этому времени.

В области культуры Рим признал приоритет греков. Поэтому в культурной жизни империи большую роль играло «греческое возрождение». Обращение к прошлому Греции встречалось в самых различных областях — литература этого времени получила название «второй софистики», живопись переживала филэллинскую fazu, в скульптуре господствовал неоаттицизм, вошли в моду греческие имена, восстанавливались старые названия городов и районов, применялись греческие меры веса. Однако апогей, которого достиг Рим в рассматриваемый период, был началом конца, первые признаки которого проявились в кризисе III века. Формирующийся бюрократический аппарат свел на нет значение республиканских магистратур. Существующий параллельно с сенатом «совет принцепса» принял на себя решение наиболее важных вопросов в жизни империи. В результате усилилось давление государства на общество, которое в дальнейшем способствовало падению Римской империи. В социально-экономической жизни появилось новое явление, получившее впоследствии широкое развитие, — колонат. Происходил упадок политической активности провинций. Начавшись с потери самостоятельности в решении внешней политики, этот процесс завершился в III в. отказом провинциальной аристократии участвовать в общественной жизни городов.

Возможно, подражательный характер, который носили искусство и литература этого времени, — также свидетельство начинающегося упадка. «Греческое возрождение» в лице отдельных представителей, главным образом греков, могло быть своеобразной формой неприятия современной римской действительности. На примере Герода Аттика, фигуры очень яркой и колоритной для своего времени, можно проследить ряд характерных явлений в жизни римского общества. Герод Аттик

был одним из богатейших людей провинции Ахайя, на средства которого велось грандиозное строительство по всей Греции, известным политическим деятелем, сделавшим блестящую карьеру сначала в Афинах, а потом в Риме, наконец, он был одним из наиболее выдающихся представителей «греческого возрождения».

О Героде упоминают многие современные ему авторы: Лукиан (Luc., Dem., 24, 33; De mort. Рег., 19—20), Павсаний (Paus., I, 19, 6; II, 17; II, 3, 6; II, 32, 1; VI, 21, 2; VII, 20, 6; X, 32, 1), Авг Геллий (Aul. Gell., Noctes Atticae, I, 1, 2; I, 9, 2; I, 19, 2; II, 5, 5; X, 32, 1), М. Корнелий Фронтон (Fronto, Epistulae, ad. M. Caes., I, 5; II, 8; III, 2—4; IV, 2).

Героду посвятил одну из самых больших биографий Филострат в своем сборнике «Жизни софистов» (Phil., Vitae sophist., II, 1). О нем упоминает Дион Кассий (Cass. Dio LXXI, 35, 1) и авторы Historia Augusta (Vit., Magc; II, 4). Надписи, относящиеся к Героду Аттику, столь многочисленны, что это дало повод Диттенбергеру, занимавшемуся историей семьи Герода, заметить. «Едва ли известна вторая личность греческой древности, для которой литературные свидетельства находят в такой значительной степени подтверждение в надписях, как для Герода Аттика»¹. Данная работа ставит своей целью рассмотреть лишь один из многочисленных вопросов, связанных с личностью Герода, а именно его отношение к движению, получившему название «греческое возрождение».

По мнению ряда исследователей, II век был временем самого широкого распространения идей космополитизма. Этого мнения придерживается Г. Бауэрск в книге «Греческие софисты в Римской империи»²: «В этой великой о'тхоуменη греки и римляне жили вместе, участвуя в дружбе и управлении без принесения в жертву национальной независимости». В качестве примера обычно фигурирует личность императора Адриана, иногда Марка Аврелия. Именно так трактует правление Адриана В. Михайловский в работе «Космополит на троне Цезарей»³. Х. Рутледж⁴ в статье «Герод Великий — гражданин мира» рассматривает всю деятельность Герода — политиче-

¹ Dittenberger W. Die Familie des Herodes Atticus. Hermes, 1877, XXIII, S. 57.

² Bowersock G. W. Greek sophists in the Roman empire. Oxford, 1969, p. 16.

³ Михайловский В. Космополит на троне Цезарей. 1885, с. 179—199.
⁴ Rutherford H. C. Herodes the Great: citizen of the world. — «The classical Journal», 1960, v. 56, no. 3, p. 97—108.

скую, строительную, преподавательскую — как воплощение идеи космополитизма. Он считает, что огромное влияние на совсем еще юного Герода оказал первый приезд Адриана в Афины и все последующие годы своей жизни Герод вдохновлялся примером императора — филэллина. Трудно согласиться с данной точкой зрения. Эллинские увлечения Адриана и Герода, по нашему мнению, различны по характеру. Адриан много сделал для Афин, но еще более грандиозное строительство было предпринято им при создании виллы в Тиволи, где он пытался воспроизвести все чудеса света, виденные им во время многочисленных путешествий. Адриан посвятился в Элевсинские мистерии, но с таким же интересом он относился к прорицаниям египетского оракула. Наконец, в своих литературных увлечениях Адриан обратился к римской, а не греческой старине. Возможно, своим эллинским интересам он отдавал предпочтение и именно благодаря этому получил официальное признание «греческий ренессанс» с его безумной жаждой строительства в Афинах, изучением древних авторов, многочисленными туристами и студентами, устремившимися в Грецию.

Однако отношение Герода к греческой старине было совсем иным. К Героду никак нельзя отнести определение, данное в статье Итalo Лана: «Космополитизм — это распространение идеи отечества на весь мир»⁵. Для Герода родиной являлась только Греция. Его связывали с «вечным городом» интересы карьеры, честолюбие, понимание невозможности борьбы с Римом, но никак не «растворение одной нации в другой»⁶. Герод был бесконечно последователен в своей любви ко всему греческому. Его литературная и строительная деятельность доказали это в полной мере. Более того, представляется возможной мысль о том, что увлечения Герода — это не просто интерес к греческой культуре в той ее стадии, когда она достигла наивысшего развития. Нет, Герод, как наиболее яркий представитель «греческого возрождения», стремился, обращаясь к прошлому, забыть о современной римской действительности. Он сделал попытку поднять престиж современной ему Греции, воссоздавая ее святыни и храмы, максимально приближая ораторское искусство II в. к аттическим образцам классической эпохи.

⁵ *Lana I. Trace di doctrine cosmopolitiche in Grecia... — Rivista di Filologia, Torino, 1951.*

⁶ *Bowersock G. W. Op. cit., p. 15.*

Важнейшей составной частью «греческого возрождения» являлась «вторая софистика». Изменившиеся политические условия с необходимостью породили новую форму ораторского искусства. На первый план в «новой софистике» выдвинулось эпидейтическое показательное красноречие: «Новая монархия объявила сразу войну свободе слова и вскоре совершило подавила политическую речь. С той поры еще держалась в литературе второстепенная отрасль красноречия в виде адвокатских защитительных речей, но высшее ораторское искусство и ораторская литература, опирающаяся на политическую борьбу, неизбежно и навсегда исчезли вместе с нею»⁷.

Другой особенностью «новой софистики» было обращение к прошлому, подражание известным мастерам классической эпохи. «Подражание — не кража, — говорит автор «Трактата о возвышенном», — его можно сравнить со слепком, сделанным с прекрасного творения человеческих рук или разума»⁸. Понятному, это убеждение разделяли софисты нового времени. Подражание древним пронизывает все ораторское искусство Герода. Известно, что Героду особенно удавались показательные выступления, когда он трактовал сюжеты из древней истории. Соревнуясь с Александром Пелоплатоном, Герод произнес речь об афинянах после разгрома сицилийской экспедиции. Когда он описал отчаянье афинян, осознавших весь ужас своего поражения, Пелоплатон, состязавшийся с Геродом в красноречии, признал себя побежденным: «Мы все, другие софисты, лишь часть твоего великого таланта, Герод», — сказал он⁹.

Единственная дошедшая до наших дней речь Герода «О форме правления» также относится к событиям, ушедшим в далекое прошлое, к тому же, в отличие от первых двух сюжетов, еще и малоизвестным. Вопрос об авторстве породил дискуссию. Длительное время автором речи считался Герод. Однако в 1897 году Ю. Белох подверг это сомнению. Он пришел к выводу, что язык, стиль, содержание речи не могут относиться ко II в. н. э. По его мнению, она была написана неизвестным автором на рубеже V—IV вв. до н. э.¹⁰.

Большинство историков — В. Константи, Э. Мейер, Х. Хасс, Э. Дреруп, Ю. Моррисон, К. Вейд-Джери считали, что созда-

Моммзен Т. История Рима, т. 3. М., 1887, с. 547.

Трактат о возвышенном. М.—Л., 1966, XIII, 4.

⁹ Philostratus. Vitae sophistarum. Paris, 1858, II, 58.

¹⁰ Beloch J. Griechische Geschichte, II, 1897, S. 132.

шне речи относится ко времени Пелопонесской войны, и поэтому она может служить ценным историческим источником. В противовес им филологи-классики утверждали, что речь является декламацией II в. н. э. и принадлежит Героду или софисту, жившему в одно с ним время. Это Э. Роде, В. Шмид, Ю. Виламовиц-Меллендорф, Ю. Мюншер, А. Кнокс, А. Буланже, а также историки Ю. Келлер, Ф. Адкок, М. Кэри, П. Грендор, Ю. Карштад, О. В. Кудрявцев.

Автор данной статьи присоединяется к тем ученым, по мнению которых автором речи был Герод¹¹.

Герод трактует чрезвычайно узкий сюжет из фессалийской истории. Оратор убеждает ларисян присоединиться к войне против Архелая на стороне Спарты. Возможно, образцом, которому Герод следовал при написании речи, послужила речь Трасимаха Халкедонского «За ларисян».

Лучшую характеристику стилистических особенностей речи дает Е. Роде: «Тон речи в целом приглушенный, эффекты редкие и не очень сильные, выбор слов очень прост, украшение фигурами умеренное и нигде не применяется бессмысленно, оратор осторожен в аргументации — очень тонкой, естественной, едва ли не сухой»¹². По-видимому, главным достоинством речи является не стиль, а язык. Он удивительно приближен к языку классической эпохи и лишь изредка встречающиеся формы *κοινὴ* выдают произведение II в. н. э.

Поскольку из многочисленных произведений Герода уцелела только речь, несомненный интерес представляют надписи, найденные на постаментах статуй в гробницах родственников или друзей софиста, которые, по мнению большинства ученых, были составлены самим Геродом¹³.

Герод был исключительно несчастлив в личной жизни. Почти все, кого он глубоко и искренно любил, умерли преждевременно и в молодом возрасте. Таковы трое из четырех его детей — две дочери — Эльшиника и Афинаида и сын Герод Регилл, его любимые ученики — Ахилл, Мемион и Полидевк, возможно, умершие во времени эпидемии чумы в Афинах, и две

¹¹ Rhode E. Die Asianische Rhetorik und zweite Sophistik. Rheinische Museum, 1886, S. 185; Münscher K. Pauly Real-Encyclopädie. Stuttgart, 1913, v. VIII, 951—954; Wilamowitz-Möllendorf U. V. Der Rhetor Aristeides. Sitzungsberichte der Preuss. Akad. Wissensch. XXVIII, phil.-hist. Klasse, 1925, S. 335.

¹² Rhode E. Op. cit., S. 185.

¹³ Oliver J. H. The Athenian expounders of the sacred and ancestral law. Baltimore, p. 109.

дочери вольноотпущенника Алкимедонта, погибшие от удара молнии. Особенно тяжело Герод переживал смерть Ахилла, Полидевка и Мемнона, так как, по словам Филострата, они были «прекрасны, благородны и стремились к знанию»¹⁴. Герод, тоскуя по безвременю скончавшимся любимцам, поставил их многочисленные изображения в своих имениях, по-видимому, в тех местах, которые напоминали ему о днях, когда они были еще вместе¹⁵. Сообщение Филострата подтверждается находкой надписей, на основании которых становится известно, что здесь Герод купался, охотился, приносил жертвы богам вместе со своими любимыми учениками¹⁶. (Особенно часто находят изображения Полидевка. В разных районах Греции археологи обнаружили до 150 его герм, что дало исследователям основание сравнивать его с Антиохом Адрианом¹⁷). Короткие надписи на постаментах сопровождаются проклятиями в адрес того, кто осмелится сдвинуть или опрокинуть изображение¹⁸. Эти проклятия, несомненно, свидетельствуют об арханческих увлечениях Герода. По стилю и языку они удивительно напоминают аналогичные тексты, сохранившиеся от классической эпохи. Подписи к статуям, составленные самим Геродом, отличает лаконизм и использование старых оборотов речи. Одна из них относится к Регилле, жене Герода: «Анния Регилла, жена Герода, свет дома, которой принадлежала эта земля»¹⁹. Во второй упомянут опальный дед Герода Гиппарх: «Гиппарх, отец Аттика»²⁰. В третьей встречается имя Ахилла: «Город—Ахиллу. Чтобы я мог видеть тебя, я, так же как и всякий другой, который проходит мимо. Пусть сохранится память о дружбе, которая была между нами. Я посвящаю тебя Гермесу, охраняющему пастухов»²¹. Последняя относится к самому Героду: «Герод здесь прогуливался»²². Эти надписи, возможно, подтверждают данные Филострата о том, что Герод в качестве образца для подражания избрал строгого и лаконичного Крития²³.

¹⁴ *Phil.*, *Vitae sophist.*, II, 1, 24.

¹⁵ *Phil.*, *ibid.*, II, 1, 24.

¹⁶ IG, II—III², 3, 1, 3969—3974.

¹⁷ *Graindor P.* Un milliardaire antique: Herode Atticus et sa famille. Le Caire, 1930, p. 38; *American Journal of Archaeology*, v. 58, 1954, p. 255.

¹⁸ IG, II—III², 3, 2, 13200, 13204—13206.

¹⁹ *Hülsen S.* Zu den Inschriften des Herodes Atticus. *Rheinische Museum*, 1890, S. 287.

²⁰ 'Αθηνα, 1906, p. 439.

²¹ *Bulletin de Correspondance Hellenique*, 38, 1914, p. 357.

²² *Ibid.*, 1920, 44, p. 173.

²³ *Phil.* *Vitae sophist.*, II, 1, 35.

Биограф софиста отмечает его многочисленные письма и считает их отличительной особенностью преувеличенный атицизм²⁴. Филострат цитирует ряд имен Герода, среди адресатов софиста Авидий Кассий, Фаворий, Вар, Юлиан, император Марк Аврелий. Последнее имя заставляет предположить, что Филострат был знаком с письмами Герода, опубликованными так же, как переписка Марка Аврелия с Фронтом.

Любопытным с точки зрения греческих увлечений Герода является письмо к Юлиану, в котором Герод Аттик описывает удивительного юношу, появившегося в Аттике. Этот Геракл Агатион (так называет его Герод) питается только молоком и плодами, которые приносит земля. Он занимается охотой на кабанов, волков и сожалеет, что «Акарнания не кормит больше львов», с которыми он мог бы сразиться. Однако больше всего Герод восхищается не силой и выносливостью юноши, а чистотой его аттической речи. В письме Герод приводит разговор с Агатионом, который отвечает на расспросы Герода следующим образом: «Сельская местность в Аттике — лучшая наставница тех, кто стремится правильно говорить. Учителя в городе, берущие плату с молодежи, собирающейся из Понта, Фригии и из других варварских государств, портят свой язык, нежели делают лучше их речь. В центральных же районах Аттики, которые свободны от варваров, сохраняется чистый аттический диалект»²⁵. В этом отрывке примечателен не на минуту не ослабевающий интерес Герода ко всему, что связано с проблемами языка классической Греции.

Наконец, в числе произведений Герода Филострат называет «Записки», по-видимому, представляющие собой сборники фрагментов из сочинений древних авторов и краткие конспекты прочитанной литературы. Филострат характеризует эти произведения как «мудрость древних, собранную в один прекрасный букет»²⁶.

Современники очень высоко ценили талант Герода: они называли его «царем слов»²⁷, «языком Афин»²⁸, сравнивали с Демосфеном²⁹, причисляли к десяти аттическим ораторам³⁰. Несомненно, не последнюю роль в этих восторженных отзывах

²⁴ *Philostratus. Opera. Lipsiae*, 1871, p. 257.

²⁵ *Phil. Vitae sophist.*, II, 1, 13.

²⁶ *Ibid.*, II, 1, 36.

²⁷ *Ibid.*, II, 17, 2.

²⁸ *IG*, XIV, 1389.

²⁹ *Phil. Op. cit.*, II, 27, 7.

³⁰ *Ibid.*, II, 1, 35.

играло богатство Герода. Однако, по-видимому, Герод вызывал у соотечественников искреннее восхищение своим изумительным знанием древней литературы и неповторимым умением подражать лучшим ее представителям. Об этом свидетельствует преподавательская деятельность Герода. Изучение древних авторов и стремление максимально к ним приблизиться было главной целью занятий в школе Герода.

Больше всего сведений сохранилось о клепсидрии³¹. Так назывался небольшой кружок, составленный из десяти самых любимых и талантливых учеников Герода (по-видимому, по числу десяти аттических ораторов). Клепсидрия собиралась на вилле Герода в Кефисии. Иногда эти сборища носили настолько неофициальный характер, что принимали форму небольшого пиршества чрезвычайно интеллигентного свойства. Ученик Герода, опустошив бокал, произносил речь, подражая кому-либо из древних ораторов. Время, отведенное оратору, измерялось водяными часами, отсюда название *Privatissimum* Герода. По-видимому, уменье аттицизировать стояло в школе Герода на самом высоком уровне, если участник клепсидрии Амфикл спрашивал оратора Филагра после окончания речи: «У кого из древних ты встречал это слово?»³². Слово, случайно проникшее в речь Филагра из современного ему языка, вызывало недоумение у тех, кто состоял в кружке. Один из учеников Герода, известный оратор Элий Аристид, говорит в своей «Риторике»: «Я не пользуюсь словами, не засвидетельствованными у древних»³³. Ученики Герода безмерно восхищались своим учителем. Элиан называет его самым разнообразным из ораторов³⁴. Геллий ценит возвышенность и уточненность его стиля³⁵.

Таким образом, Герод с его великолепным знанием древней истории и литературы и максимально точным аттическим словоупотреблением играл значительную роль в ораторском искусстве своего времени. В. Шмид полагает, что именно благодаря Героду в этот период получили такое широкое распространение лексиконы аттической речи и аттицизм одержал окончательную победу над ораторами азиатского направления³⁶.

³¹ *Ibid.*, II, 10, 1—4.

³² *Ibid.*, II, 8, 1.

³³ *Ael. Arist.*, *Rhet.*, II, 6.

³⁴ *Phil.* Op. cit., II, 31, 3.

³⁵ *Aul. Gell.* *Noct. Att.*, XIX, 12, 1.

³⁶ *Schmid W.* Op. cit., S. 202; *Münscher K.* Op. cit., S. 918.

Обширный круг учеников Герода, среди которых были Марк Аврелий и Люций Вер и такие известные ораторы и писатели своего времени, как Элий Аристид и Элинан, показывает, что аттицизм Герода получил полное признание среди современников³⁷.

Однако любовь Герода к греческой культуре не ограничивалась его ораторским искусством. Греция II в. н. э. была не только университетом — *domicilium studiorum*, но и музеем, куда приезжали осматривать шедевры древней архитектуры и скульптуры. В этом отношении центральное положение занимали Афины. К прекрасным старым памятникам, таким, как Парфенон и Эрехтейон, добавились новые сооружения. Особенно прославился в деле украшения Афин император Адриан. Пример Адриана вдохновил многих меценатов того времени. Среди них в первую очередь следует назвать Герода.

В современных Афинах одна из самых зеленых и красивых улиц города носит имя Герода Аттика. Она ведет к стадиону, который в древности был построен на его средства. О том, что софист, увенчанный венком на Великих Панафинеях, обещал согражданам украсить стадион белым мрамором к следующему празднику, сообщает Филострат³⁸. Павсаний добавляет, что он израсходовал на это сооружение все запасы пентелийского мрамора и временно истощил карьер³⁹. Филострат считал его наряду с афинским одеоном Герода лучшим из всего, что было создано в Римской империи⁴⁰.

Второе знаменитое сооружение Герода в Афинах — одеон, построенный в память о Регилле. Здание предназначено для музыкальных состязаний, но, возможно, служило также для выступлений знаменитых ораторов, философов и писателей. Сиденья в нем были сделаны из белого мрамора, а потолок из кедра — материала, который очень ценился в древности даже при изготовлении статуй⁴¹. Павсаний считал, что одеон Герода превосходил красотою театр в Патрах, самый прекрасный из всех, по мнению современников⁴². В триопейской песне одеон сравнивается с храмом: «Строение, подобное храму воздвигли Афины в ее (Региллы) честь»⁴³.

³⁷ *Cass. Dio*, XXI, 35, 1; *Historia Augusta* *Vita M. C. I.*, II, 4.

³⁸ *Phil.*, op. cit., II, 1, 8.

³⁹ *Paus.*, I, 19, 6; X, 32, 1.

⁴⁰ *Phil.*, op. cit., II, 1, 3.

⁴¹ *Ibid.*, II, 1, 8.

⁴² *Paus.*, VII, 20, 6.

⁴³ *IG* X³V, 1389.

Для жителей Коринфа, относительно которого было высказано предположение, что Герод владел там значительной земельной собственностью, Герод так же, как в Афинах, построил театр⁴⁴. С этим сооружением можно связать надпись Совета Коринфа, в которой Герод назван «сыном Эллады»⁴⁵.

Деятельность софиста не ограничивалась сооружением зданий практического назначения. Он стремился восстановить почетное положение греческой религии. Герод построил в Афинах храм Тюхэ, поставив внутри изображение богини, сделанное из золота и слоновой кости⁴⁶. В храме Афины он заменил старую статую локровительницы города новой⁴⁷. В Дельфах Герод посвятил Аполлону стадион⁴⁸. В храме в Беотии была найдена надпись в честь дочери Герода, Эльпиники, что, по-видимому, свидетельствует о приношениях Герода в этот храм⁴⁹. Герод поставил новые мраморные изображения Деметры и Коры в храме богинь в Олимпии⁵⁰, за что благодарные жители избрали его жену жрицей Деметры. После смерти Региллы Герод пожертвовал все драгоценности жены в Элевсинский храм⁵¹. Он превратил ее имение в Италии в священный участок, посвятив его Деметре⁵². По-видимому, с Элевсином у Герода были особенно тесные связи, благодаря его происхождению из рода Кериков⁵³.

Одним из самых великолепных пожертвований Герода жителям Эллады была олимпийская экседра. Даже скептицизм Лукиана отступает перед щедростью этого дара. Он рассказывает, как зрители на олимпийских состязаниях чуть не побили Перегрина, когда тот «злословил о выдающемся по образованию и значению человеке, который помимо других оказанных Греции благодеяний провел воду в Олимпии и устранил мучительный недостаток воды среди собирающихся на празднества»⁵⁴. Герод посвятил экседру от имени Региллы — Зевсу. Раскопки 1877 г., которые производили немецкие ученые, обнаружили остатки этого монументального сооружения; оно

⁴⁴ *Phil.*, op. cit., II, 1, 8.

⁴⁵ IG II—III², 3, 1, 3604.

⁴⁶ *Phil.*, op. cit., II, 1, 8.

⁴⁷ IG, II—III², 3, 1, 3191.

⁴⁸ *Phil.*, op. cit., II, 1, 9.

⁴⁹ *Bulletin de correspondance Hellenique*, 16, 1892, p. 404.

⁵⁰ *Paus.*, VI, 31, 2.

⁵¹ *Phil.*, op. cit., II, 1, 19.

⁵² IG, XIV, 1389—1392.

⁵³ *Phil.*, op. cit., II, 1, 1; IG, XIV, 1389.

⁵⁴ Лукиан. О смерти Перегрина, 19.

состояло из нескольких бассейнов и постройки, украшенней огромным количеством статуй, изображающих членов семьи Герода и представителей правящего дома, покровительствовавших Героду⁵⁵.

Несомненный интерес представляет скульптура, которая украшает почти все постройки Герода. В руинах афинского стадиона были обнаружены две гермы, по-видимому, обозначавшие повороты на треке. Они являются подражанием гермам Алкамена Старшего, скульптора первой половины V в. до н. э.⁵⁶. Среди обломков одеона в Афинах была найдена мраморная голова Афины или Афродиты. Полированной лицо, золочеными волосами она напомнила работы времен Фидия⁵⁷.

Герод очень любил статуи, выполненные в хрисоэлефантинной технике, которая имела широкое распространение в классический период. Таково изображение Тюхэ в ее храме в Афинах и многочисленные статуи, которыми Герод наполнил истмийское святилище⁵⁸. Павсаний описал скульптурную группу, которую Герод посвятил в храм Посейдона на Истме⁵⁹. Она представляла собой колесницу, в которой стояли Посейдон и Амфитрита, окруженные дельфинами и морскими божествами. Кони, впряженные в колесницу, были сделаны из золота и слоновой кости. Таким образом, и в скульптуре, украшавшей постройки Герода, он также стремился приблизиться к работам древних мастеров.

Интересно заметить, что благодеяния Герода в отличие от благотворительности других эвергетов Греции ставили своей целью повысить престиж современной Героду Эллады, а не заслужить благодарность сограждан. Достаточно вспомнить в этой связи историю с завещанием Аттика. Герод предпочитал создавать великолепные сооружения и делать грандиозные пожертвования в святилища, нежели устраивать раздачи, чтобы снискать расположение афинского плебса. Даже белые одежды, которые он подарил эфебам, предназначались для украшения элевсинской процессии, поскольку до этого юноши участвовали в процессии одетые в черное. Сколь большое значение придавал Герод эллинским праздникам, показывают Великие Панафинеи, которые отмечались на средства софиста

⁵⁵ *Olympische Inschriften*, 610—628.

⁵⁶ *Graindor P.* Op. cit., p. 183.

⁵⁷ *Graindor P.* Op. cit., p. 223.

⁵⁸ *Phil.*, op. cit., II, 1, 8—9.

⁵⁹ *Paus.*, II, 1, 7.

с таким великолепием, что о них вспоминали спустя столетия во времена Филострата⁶⁰.

На основании всего вышесказанного можно заключить, что Герод являлся одним из наиболее выдающихся представителей «греческого возрождения». Однако применительно к Героду представляется невозможным рассматривать это движение только как направление в развитии культуры. Столь широкое обращение к прошлому, проявившееся в самых различных областях, для самих греков было попыткой доказать, что «прошлое все еще существует»⁶¹. Это активное увлечение воспоминаниями было связано с зависимым и подчиненным положением Греции. Именно отсутствие политической свободы заставляло представителей греческой аристократии уходить от тягостной для них действительности и обращаться к прошлым периодам истории, которые по контрасту казались им столь привлекательными.

Несмотря на видное положение, которое занимал Герод в Греции, ему постоянно приходилось испытывать на себе тяжелую власть Рима. Многочисленные судебные процессы, которыми было отравлено существование софиста, каждый раз сопровождались доносами в Рим. Первое судебное разбирательство в жизни Герода произошло в 138 г. после смерти его отца Аттика. Отец Герода оставил уникальное в своем роде завещание: он распорядился ежегодно выдавать каждому афинянину по одной мине. Герод понимал, что систематические выплаты фактически лишают его наследства. Он нашел достаточно остроумный выход из создавшегося положения. Герод предложил афинянам заменить ежегодные раздачи единовременной выплатой пяти мин. Получение столь значительной суммы было слишком заманчиво, чтобы афиняне нашли в себе силы отказаться. Когда же они пришли за обещанным, то оказалось, что Герод вычет из причитающейся им суммы их многочисленные долги его отцу и деду. В результате, не получив пяти мин, афиняне лишились и ежегодных раздач. Их возмущению не было границ. Началось судебное расследование⁶². Дело Герода немедленно стало известно в Риме, о чем свидетельствует переписка Фронтона с Марком Аврелием. Фронтон стремится представить дело Герода в самом худшем виде: «Следует говорить о людях свободных, жестоко избитых и ог-

⁶⁰ *Phil.*, op. cit., II, 1, 7.

⁶¹ Bowie E. L. Greeks and their past in the second sophistic. — «Past and Present», 1970, no. 46, p. 36.

⁶² *Phil.*, op. cit., II, 1, 6.

рабленных, из которых один был даже убит, следует говорить о сыне нечестивом и не помнящем отцовских просьб, следует укорять в жестокости и жадности, а Герода в этом следует представлять как некоего палача»⁶³. Возможно, не последнюю роль в этой характеристике сыграло чувство соперничества, поскольку Фронтон, так же как и Герод, был учителем М. Аврелия. М. Аврелий был встревожен конфликтом, возникшим между двумя его бывшими наставниками, и пытался удержать Фронтоне от выпадов в адрес Герода. Однако Герод долго не мог забыть нанесенной ему обиды и примирялся с Фронтоном лишь спустя много лет⁶⁴.

Антипримские настроения Герода должны были усилиться после смерти его жены Региллы. Жена Герода происходила из богатого и знатного римского дома. Когда она умерла, ее брат Брадуя обвинил Герода в убийстве своей сестры. Филострат считает обвинение ложным и показывает, с каким раздражением и гневом обрушился Герод на своего обидчика: «Ты имеешь знаки благородного происхождения только на сандалиях»⁶⁵ — кричал Герод на суде, указывая на полумесяцы из слоновой кости, украшавшие сандалии римских патрициев. По-видимому, возмущение Герода было неподдельным, и софист был оправдан.

Интересные данные по поводу отношений Герода с его римскими родственниками получаются при сопоставлении надписей, собранных в работе Х. Оливера⁶⁶. Указания о консулате Герода появляются только в тех надписях, где упоминается Регилла или ее родственники. Создается впечатление, что Герод сознательно подчеркивал свое высокое общественное положение, чтобы не уронить достоинство эллина в глазах римлян.

В Афинах у Герода было немало врагов. Филострат называет их имена — Праксагор, Мамертий, ритор Теодот, во главе оппозиции стоял Демострат⁶⁷. Из сочинения Филострата известно, что в борьбе за политическое преобладание в городе враги Герода прибегали к помощи римских наместников Греции. Противники Герода, пригласив в экклесию братьев

⁶³ *Fronto, ad M. Caes.* III, 3.

⁶⁴ *Bowersock G. W. Op. cit.*, p. 99—100.

⁶⁵ *Phil.*, op. cit., II, 1, 18.

⁶⁶ *Oliver H. The Athenian exponents of the sacred and ancestral law*. Baltimore, 1950, p. 110.

⁶⁷ *Graindor P. Op. cit.*, p. 117; *Кудрявцев О. В. Эллинские провинции Балканского п-ова во II в. н. э.* М., 1955, с. 188

Квинтилиев, управлявших Элладой в 171 г.⁶⁸, обвинили Герода в тирании, прося довести это до сведения императора. Герод выдвинул контробвинение, заявив, что враги сплачивают и настраивают против него афинский народ⁶⁹.

Демострат, Праксагор и Мамертий не стали ждать результатов этого собрания, а тайно — по-видимому, с целью опередить Герода — поехали в ставку М. Аврелия в Сирмий, чтобы представать с доносом перед императором. Обстоятельства сразу же сложились не в пользу Герода. Его противникам удалось привлечь на свою сторону Фаустину, которая сыграла на любви мужа к маленькой дочери: «Он (Марк Аврелий) проявлял к ним (врагам Герода) человеколюбие, так как сам склонялся на их сторону и кроме того был убежден женой и еще лепечущей дочерью. Больше же всего на него подействовало следующее: приласкавшись к отцу, малышка упала перед ним на колени и умоляла отца спасти афинян»⁷⁰. Враги Герода внушили императору, что Герод был единомышленником Люция Вера. Филострат сообщает, что Марк Аврелий распространял свои подозрения в отношении Люция Вера и на Герода, «считая его соучастником своего соправителя»⁷¹.

Сторонники Демострата тщательно подготовились к процессу. Даже Филострат, у которого вся биография Герода выдержана в панегирических тонах, хвалит чрезвычайное разнообразие речи, с которой выступал на суде Демострат⁷². Возможно, в ее составлении принимал участие бывший ученик Герода, известный софист Теодот, не осмелившийся, однако, сам выступать на процессе. Герод, напротив, пришел на суд подавленный случившимся накануне несчастьем. В ночь, предшествовавшую процессу, молицей были убиты дочери его вольноотпущенника Алкимедонта, к которым он после смерти своих детей относился как к родным дочерям⁷³.

Потрясенный гибелью девочек и раздраженный непрерывными выпадами своих противников, Герод не нашел нужным сдерживаться на суде. Он упрекал императора в несправедливости и в недостатке доверия: «Так-то ты платишь мне за гостеприимство Люцию, которого ты сам ко мне послал»⁷⁴.

⁶⁸ Bowersock G. W. Op. cit., p. 100.

⁶⁹ Phil., op. cit., II, 1, 25.

⁷⁰ Ibid., II, 1, 27.

⁷¹ Ibid., II, 1, 26.

⁷² Ibid., II, 1, 32.

⁷³ Ibid., II, 1, 27.

⁷⁴ Ibid., II, 1, 28.

Герод не пощадил в своей речи и близких родственников Марка Аврелия, говоря: «Ты приносишь меня в жертву жене и трехлетней дочери»⁷⁵. За дерзость префект претория пригрозил Героду смертью. Герод, бросив в ответ: «Смешно старику бояться», — вышел из суда, даже не использовав времени, отведенного ему для защиты⁷⁶.

По-видимому, этот процесс кончился для Герода неблагополучно. Марк Аврелий наказал его вольноотпущенников, исключив из их числа Алкимедонта, считая, что с того достаточно случившегося с ним несчастья. Относительно самого Герода ходили слухи, что он был отправлен в ссылку в город Орик.

Филострат пытается опровергнуть эти данные, говоря, что Герод оставался в Орике, потому что заболел, а после выздоровления его удерживало желание восстановить город⁷⁷. Впрочем, одно не исключает другого. Вполне возможно, что перенесенное потрясение и сам процесс подкосили силы софиста, и он заболел в том городе, куда был отправлен по приговору суда. Благотворительность Герода была столь обширна, что он даже ссылку использовал для восстановления города, приведшего в упадок.

Каждый шаг Герода становился известным римским властям, и он, несомненно, тяготился подобным положением. Герод нередко сталкивался с римскими магистратами. Братьев Квинтилиев, осуждавших его за излишнее, по их мнению, количество статуй любимцев, наполнивших всю Элладу, он осыпал жестокими насмешками⁷⁸. Столкнувшись на узкой тропе в ущелье Иды с правителем Азии М. Антонином, будущим императором, Герод отказался уступить ему дорогу⁷⁹.

В условиях Римской империи Герод не мог осуществить свои многочисленные честолюбивые замыслы. Филострат сообщает, что заветной мечтой Герода было прорыть канал через Истм, чтобы оставить о себе память в будущих поколениях. Однако он не решился этого сделать, боясь обвинения, что берется за дело, которое оказалось не под силу императору⁸⁰. По-видимому, и в Афинах Герод не удовлетворялся той властью, которую предоставляли римские магистраты грече-

⁷⁵ Ibid.

⁷⁶ Ibid.

⁷⁷ Ibid., II, I, 30.

⁷⁸ Ibid., II, I, 24—25.

⁷⁹ Ibid., II, I, 17.

⁸⁰ Ibid., II, I, 10.

ской аристократии. Отсюда его столкновения с Квинтилиями и обвинение со стороны противников в стремлении к тиражии⁸¹. Возможно, оппозиционные настроения Герода выразились в его отношении к опальному деду Гиппарху, который был казнен при Домициане и все имущество которого было конфисковано⁸². Герод поставил статую Гиппарха в своем имении в Кинурии. Вполне возможно, что Герод, делая это, известным образом рисковал, поскольку надпись на постаменте отличается необыкновенным лаконизмом⁸³. Во второй половине своей жизни Герод прекратил общественную деятельность. После смерти Региллы он отказался от повторного предложенного консулат⁸⁴. Затем Герод покинул пределы Афин и поселился в Кефисии, посвятив себя полностью преподавательской деятельности⁸⁵. Авт Геллий сообщает, что в имении Герода говорили только по-гречески, хотя среди учеников Герода было немало римлян, а сам Герод, несомненно, в совершенстве владел латинским языком⁸⁶. Тем не менее, несмотря на оппозиционные настроения, Герод никогда не принимал участия в борьбе с Римом. По-видимому, он понимал бессмыслицу этой борьбы и проделал весь cursus honorum не только в Афинах, но и в Риме, именно этим объясняются его тесные контакты с правящим домом — сперва в лице Адриана, затем Антонина Пия и особенно Марка Аврелия.

С одной стороны, Герод понимал трудность и преждевременность борьбы с Римом, а с другой, он не мог примириться с зависимым положением Греции и ограниченными возможностями греческой аристократии на политическом поприще в своей стране. Выходом из созданного положения было его обращение к прошлому.

К Героду как нельзя лучше можно отнести слова Т. Моммзена, характеризующего положение Греции в рассматриваемый период: «Для настоящего политического честолюбия, стремящегося к каким-либо действиям, для страсти какого-либо Перикла или Алкивиада в этой Элладе не было места, за исключением, пожалуй, письменного стола»⁸⁷.

⁸¹ Ibid., II, 1, 25.

⁸² Ibid., II, 1, 3.

⁸³ Αθηνα, 1906, p. 439.

⁸⁴ Phil., op. cit., II, 1, 19.

⁸⁵ Ibid., II, 1, 10.

⁸⁶ Aut. Gell., Noct. Att., II, 1, 2.

⁸⁷ Моммзен Т. История Рима, т. 5. М., 1949, с. 246.

«ЦЕНТОН» ФАЛЬТОНИИ ПРОБЫ
(Вергилианские стихи и христианские темы)

Среди памятников поздней латинской поэзии есть интересная поэма: *Valeriae Faltoniae Probae, Feminae Clarissimae, CENTONES VERGILIANI, ad testimonium Veteris et Novi Testamenti*¹.

По содержанию поэма соответствует названию. В ней излагается содержание Ветхого и Нового Завета, и делится она на отдельные небольшие части, оглавление которых свидетельствует об их содержании (О сотворении мира, Об отделении света от тьмы, О четырех временах года, О создании первого человека, О рождении Иисуса Христа и т. д.). На первый взгляд, это произведение ничем не отличается от других христианских поэм на библейские темы, которые писались в эти времена.

Так, Киприан в семи книгах изложил историю Ветхого Завета. О рождении, смерти и воскресении Христа рассказывается в поэме Мария Викторина «*De Jesu Christo, deo et homine*», состоящей из 137 гекзаметров. Христос, его жизнь и подвиги явились материалом эпоса Веттия Аквилиана Ювенка (C. Vettius Aquilinus Juvencus). За основу он берет Евангелие от Матфея, но не игнорирует и другие источники. Он использует Библию в древнем латинском переводе. Свою поэму Ювенк делит на четыре книги, каждая из которых содержит 800 стихов «*Evangeliorum libri quattuor*».

Этот перечень поэм на библейские темы можно продолжить. Однако следует отметить, что в действительности поэма римской поэтессы Пробы выделяется среди других произведений подобного содержания тем, что она полностью составлена из стихов и полустихов, известнейшего римского поэта I века до нашей эры Публия Вергилия Марона, что и выражено в названии: *CENTONES VERGILIANI*.

Чтобы это было понятно, определим, что такое центон. В поэтическом словаре дается следующее определение: «Центон — род литературной игры, стихотворение, составленное из стихов какого-нибудь одного или нескольких поэтов, известных читателю; строки должны быть подобраны таким образом, чтобы все «поскучное» стихотворение было объединено каким-

¹ *Patrologiae Cursus completus, series Latina, v. XIX, p. 803—817.*

то общим смыслом или, по крайней мере, стройностью синтаксического построения, придающего ему вид законченного произведения»².

В античной поэзии центон — это стихотворение, составленное из стихов и полустихов предшествующих поэтов. Такими поэтами, стихи которых чаще всего использовались для составления центонов, были Гомер — в Греции, Вергилий — в Римской империи.

Первое теоретическое обоснование центонов находим у римского поэта IV века нашей эры Децима Магна Авсония, который сам является автором произведения такого типа «*Cento nuptialis*». В предисловии к этому стихотворению, написанному по просьбе и настоянию императора Валентиниана, Авсоний пишет о том, что центоны — это стихотворения, разнообразные по содержанию, по форме «*consutilia*», сшитые из целых или половинных стихов чужого произведения, расположенные новым порядком так, что получается новое произведение с измененным содержанием³. Авсоний указывает, что связь в новом произведении должна осуществляться так, чтобы части казались соответствующими и не опровергали друг друга, несмотря на то, что в своем первородном состоянии они не имеют ничего общего.

Итак, центоны — это произведения, составленные полностью из стихов и полустихов, заимствованных из чужих произведений, и не имеющие ничего общего со своим формальным источником.

Центоны в Римской литературе могли появиться и появляются тогда, когда прерывается непосредственная преемственность между поколениями поэтов, характерная для классической литературы, когда появляется осознанное ощущение того, что классики остались в прошлом, что ими можно пользоваться не как органической частью своего культурного бытия, а как сырьем материала для нового творчества.

Возможно, центоны появляются сначала в греческой, а через некоторое время и в римской литературе. О греческих центонах известно немного. До настоящего времени дошел единственный центон, сохраненный Иренеем, в котором рассказывается о Геракле, спустившемся в подземное царство⁴.

Самое древнее собрание латинских центонов, составленных

² Квятковский А. Поэтический словарь. М., 1966, с. 332.

³ *Ausonii Opuscula*, rec. R. Peiper. Lipsiae, 1888, p. 207.

⁴ *Sancti Irenaei episcopi Lugdunensis quae supersunt omnia*, ed. Adolphus Slieren. Lipsiae, 1853, p. 112—115.

на материале Вергилия, входит в Антологию латинских стихотворений, составленную в Африке при господстве вандалов, между 523—534 гг. (по мнению Ризе и Э. Беренса).

Римские центоны были как языческого содержания, так и христианского. Один из самых больших центонов вообще и самый большой центон христианского содержания — это центон, о котором идет речь, автором которого является поэтесса Фальтония Проба.

Центон состоит из 695 стихов и, как мы уже говорили выше, представляет собой изложение Ветхого и Нового Заветов.

Поэтесса называет себя Пробой и посвящает свой труд императору Гонорию. Обращение к императору Гонорию и указанное автором имя позволяют говорить о времени написания и авторстве данного центона.

По свидетельству Исидора, поэтессу называли Фалькония Проба, была она жена проконсула Адельфия и происходила из сенатской семьи, почему ее и называли *Clarissima Femina*⁵. Исидор также говорит о Пробе как авторе центона: «*Denique Proba, uxor Adelphi centonem ex Vergilio de fabrica mundi ex evangeliis plenissime expressit, materia composita secundum versus ex versibus secundum materiam concinatis*⁶». Данные, приведенные Исидором, подтверждаются, как указывает К. Шенкль, данными рукописи X века, найденной в монастыре Святого Бенедикта, в которой говорится также о том, что Проба являлась автором и эпического произведения о войне Констанция против Магнения (351—353 гг.), что подтверждается словами пролога к центону⁷.

Автором центона некоторые исследователи называют Анницию Фальтонию Пробу (*Anicia Faltonia Proba*), супругу консула Секста Петрония Проба, мать консулов Оттбриня, Пробина и Проба.

В более поздние времена исследователи соединяли различные мнения, существовавшие прежде, соединяли все имеющиеся данные относительно времени жизни и происхождения поэтессы воедино. Воссий писал: «*Honorii et Theodosii junioris auctate fuit Proba Faltonia, seu Faltonia, uxor Adelphi proconsul is viri, mater Julianae, sct. Demetriadis avia*⁸».

⁵ *Isidor. De viribus illustribus*, 22(18), Migne v. LXXXII.

⁶ *Isidor. Origines*, I, 39(38), 26 Migne v. CXXI.

⁷ *Poetae Christiani Minores*, vol. XVI, recensuit et commentario critico instruxit Carolus Schenkl, Windobonnae, 1888, p. 507.

⁸ *Joh. Vossius. De poet. Lat.* (цит. по работе Ашбаха — см. след. сноска).

Немецкий исследователь Ашбах в работе, посвященной Пробе («Die Anicier und die Romische Dichterin Proba»), говорит о том, что, если принять во внимание, что личность Валерии Фальконии Пробы, жены проконсула Адельфия, основывается на отдельных интерполяциях, а личность Фальтонии Пробы, благодаря сохранившимся подлинным надписям и сохранившимся рассказам современных писателей о жизни Фальтонии Пробы, ее семье во времена императоров Феодосия и Гонория, высокого положения ее семьи, об ее образовании, представлена гораздо полнее; то авторство центона следует присудить Аниции Фальтонии Пробе. Однако он не оставляет без внимания интерполяции Исидора, считая, что Фалькония вместо Фальтонии можно объяснить ошибкой чтения или письма, буквы *VAL* (*Valeria*) могли быть уничтожены и поставлен знак — сокращение *CLF* (*Clarissima Femina*). Что касается добавления *Uxor Adelphi Proconsulis*, Ашбах считает, что это неправильно понятое указание фамильных связей⁹. Аниция Проба не жена, а дочь Олибрия Гермогена Адельфия, который был не только консулом, городским префектом, но также проконсулом Африки. По мнению Ашбаха, свое имя «Фальтония» Проба носит по имени дяди Проба Алипия Фальтония (*Probus Alipius Faltonius*).

Таким образом, Ашбах склоняется к мысли о том, что имя поэтессы — Аниция Фальтония Проба (*Anicia Faltonia Proba*), что она была известна как *Clarissima Femina* одной из самых первых сенаторских семей, занимавших высокое общественное положение во времена императора Гонория, которому и посвящен *Cento Vergilianus* Пробы.

Центон Пробы много раз печатался. Первое издание вышло в 1472 году. Оно называлось: *Probae Centonaes (sic) Clarissimae Feminae excerptum e Maronis carminibus ad Testimonia veteris novique Testamenti. Bartholomeus Girardinus, Venedig (Venet) 1472.* Второе издание вышло в Риме в 1487 году. Затем появились издания в 1501, 1555, 1578, 1595, 1597, 1719 гг. Позднее этот центон был включен в собрание центонов и христианских авторов под названием: *Probae Falconiae Feminae clarissimae Hortinae Cento Vergilianus Historiam Veteris et Novi Testamenti completus.* С надписью: *Probae Falconiae Vergiliani centones in Vetus et Novum Testamentum ad Honorium Augustum, Theodosii Majoris filium et Arcadii*

⁹ *Ashbach J. Die Anicier und die romische Dichterin Proba. Sitzungsberichte Wien, I, 1870, H. 1—3.*

Augusti fratrem. Мы пользовались центоном Пробы, помещенным в *Patrologiae, Cursus completus, Migne, series Latina, v. XIX, p. 803—817.*

Центону предшествует предисловие, в котором поэтесса сообщает, что пела о жестоких войнах, обращается с молитвой к богу и обещает передать библейскую историю словами Вергилия (стихи 1—28).

Центон делится на две части.

Первая часть — *De Vete Testamento* (из Ветхого Завета). Поэтесса стремится переработать большую часть Ветхого Завета, но ей это не удается, ибо материал был слишком велик.

1. Обращение к богу (стихи 29—56).
2. О сотворении мира (стихи 57—64).
3. Об отделении света от тьмы (стихи 65—71).
4. О четырех временах года (стихи 72—83).
5. О том, что было создано в каждый из шести дней (стихи 84—116).
6. О создании первого человека (стихи 117—123).
7. О появлении Евы (стихи 124—137).
8. О наставлениях бога (стихи 138—148).
9. О запретах (стихи 149—159).
10. О красотах рая (стихи 160—174).
11. Об искушении Змея (стихи 175—198).
12. Совращенная Ева совращает мужа (стихи 199—207).
13. Они видят себя обнаженными и делают себе повязки (стихи 208—216).
14. Адам скрывается (стихи 217—221).
15. Бог бранит Адама (стихи 222—223).
16. Адам оправдывается (стихи 234—244).
17. Бог проклинает Змея (стихи 245—252).
18. Бог проклинает Адама и Еву и изгоняет их из рая (стихи 253—278).
19. Ева рождает двух сыновей (стихи 279—285).
20. Убийство Авеля (стихи 286—290).
21. Бог разгневан и мстит человеческому роду (стихи 291—307).
22. Всемирный потоп и спасение Ноя (стихи 308—317).
23. Завет бога, данный людям после потопа (стихи 318—333).

Автор подробно останавливается на сотворении мира, людей, грехопадении. Это занимает 278 стихов. Затем, остановившись на потопе, Проба прерывает рассказ и сообщает, что

переходит к дальнейшему изложению и будет говорить о других делах. Она обращается к Новому Завету.

Вторая часть — *De Novo Testamento* (из Нового Завета).

1. Обращение к богу (стихи 334—347).
2. О рождении Иисуса Христа и небесных предзнаменованиях (стихи 348—358).
3. Страх Ирода и желание убить Младенца (стихи 359—373).
4. Дева с Младенцем бежит в Египет (стихи 374—381).
5. Христос проповедует в храме, и все восхищаются им (стихи 382—389).
6. Свидетельство Иоанна о Христе (стихи 390—396).
7. Христос крестится Иоанном, и дух божий сходит с небес (стихи 397—401).
8. Многие принимают крещение вместе с Христом, и с небес слышится глас: «Это он, он мой...» (стихи 402—420).
9. Все радуется приходу господа (стихи 421—430).
10. Искушение Христа Диаволом и бегство последнего (стихи 431—457).
11. Господь избирает себе учеников, наставляет их, за них следует народ (стихи 458—485).
12. Наставляет учеников, говорит о грядущем суде (стихи 486—502).
13. Некто задает вопрос о вечной жизни, ответ господа (стихи 503—528).
14. Христос садится на молодого осла и отправляется в путь (стихи 529—535).
15. Христос изгоняет из храма всех продающих и покупающих в храме (стихи 536—546).
16. Ученики подвергаются опасности в море (стихи 547—560).
17. Христос проходит по волнам (стихи 561—577).
18. Вечеря и предсказание о предательстве Иуды (стихи 578—597).
19. Бегство Апостолов, жалоба Петра на товарищей (стихи 598—608).
20. Первосвященники и народ против Христа, распятие (стихи 609—633).
21. Землетрясение и небесные знамения (стихи 634—639).
22. Христос спускается в подземное царство (стихи 640—646).
23. Воскресение Христа на третий день и его появление,

несмотря на запертые двери и стражу, перед учениками (стихи 647—664).

24. Наставление Христа Апостолам и прощание с ними (стихи 665—680).

25. Вознесение Христа на небо (стихи 681—695).

Таково краткое содержание — план центона Пробы. Даный центон довольно труден для понимания. Словами Вергилия поэтесса пытается изложить историю Ветхого и Нового Заветов. Фразы языческого поэта зачастую насильственно и неестественно приспосабливаются для изложения библейской истории, что затрудняет чтение и понимание текста, и приходится зачастую обращаться к тексту Библии, чтобы понять смысл стихов.

Так как все сказанное лучше понять на примере, мы приводим отрывок из центона Пробы с указанием количества стоп, составляющих каждый стих центона, перевод на русский язык, а также стихи и отрезки стихов Вергилия, из которых составлены данные стихи и их перевод.

PROBAE CENTO CHRISTIANUS, vv. 374—381

Fugit Virgo cum filio in Aegipium

At mater / gemitu non frustra exterrita tanto,	2+4
Ip̄sa manu p̄ae se portans, / turbante tumultu,	4+2
Infantem, fugiens / plena ad praesepia tendit.	3+3
Hic natum / angusti subter fastigia tecti	1+5
Nutribat teneris immulgens ubera labris	6
Haec tibi prima, puer, / fundent cunabula flores	3+3
Mixtaque ridenti / passim cum baccare tellus	3+3
Molli paulatim / colocasia fundet acan̄ho.	3+3

Проба. Бегство Марии в Египет (стихи 374—381)

Мать между тем, / не вотще таким встревожена стоном,
В руки схвативши дитя, / великой смятенно смутой,
В бегство младенца берет, / у наполненных яслей слагает;
Сыну она / под низким навесом убогого крова
К нежным подносит устам сосцы, обильные млечом.
Отрок, в подарок себе / сама колыбель расцветилась,
Перемешавши с веселым / повсюду с баккаром почва
С нежным уже понемногу / аканфом взрастит колокасий...

(Стихотворный перевод М. Л. Гаспарова)

Georg. IV, 333

At mater sonitum thalamo sub fluminis alti

Sensit...

(Кирена слышит мольбу Аристея)

Мать между тем, услыхав на дне своей спальни глубиной
Голоса звук...

Georg. IV, 353

Et procul: o gemitu non frustra exterrita tanto,

Cyrene soror, ipse tibi, tua maxima cura,

Testis Aristhaeus.... (stat lacrimans)

(Аретуса сообщает ей, чей это голос)

Крикнула: «*О не вотще таким встревожена стоном,*
Ты, Кирена — сестра! Это он, твоей жизни забота,
Скорбный стоит Аристей....

Aen. XI, 544

Ipse sinu pae se portans, juga longa petebat

Solorum nemorum; tela undique saeva premebant...

(Метаб уносит в изгнание новорожденную Камиллу)

K груди прижавши дитя, по горам и безлюдным дубровам
Шел он; теснили его отовсюду жестокие копья...

Aen. VI, 857

Hic rem Romanam, magno turbante tumultu

Sistet, eques sternet Poenos Gallumque rebellem...

(Видение в Аиде Марцелла — героя пунической войны)

Муж сей римское дело, *великой смятено смутой,*
Конник, уставит, смирив мятежного галла и пунов...

Aen. XI, 541

Priverno antiqua Metabus cum excederet urbe,

Infantei, fugiens media inter proelia belli

Sustulit exilio comitem.... (Camillam)

(Метаб с Камиллой)

Оный Метаб, уходя из древнего града Приверна,

В бегство младенца берет, в разгаре битвенной браны
Спутника в горьком изгнанье...

Georg. III, 495

Hinc laetis vituli vulgo moriuntur in herbis

Et dulcis animas plena ad praesepia reddunt...

(Мор животных в Норяке)

Там умирают толпой телята меж трав благодатных
Или же душу свою у наполненных яслей теряют...

Аен. I, 407

*Quid natum totiens, crudelis tu quoque, falsis
Ludis imaginibus?....*

(Эней к являющейся к нему Венере)

Сыну зачем столько раз предстаешь ты, жестокая, мнимо
В обликах лживых?....

Аен. VIII, 366

*Dixit et angusti subter fastigia tecti
Ingentem Aenean duxit...*

(Эвандр принимает Энея в пастушьем царстве)

Так он сказал, и под низким навесом убогого крова
Рослому гостю дает он приют...

Аен. XI, 572

*Hic natam in dumis interque torrentia lustra
Armentalis equae mammis et lacte ferino
Nutribat, teneris immulgens ubera labris...*

(Метаб вскармливает Камиллу)

Здесь среди страшных берлог дитя свое в дебрях звериным
Выменем выкормил он: от кобылы не знавшей упряжки,
К нежным подносит устам сосцы, обильные млечом....

Еcl. IV, 18—23

*At tibi prima, puer, nullo munuscula cultu
Errantis hederas passim cum baccare tellus
Mixtaque ridenti colocasia fundet acantho...
...Ipsa tibi blandos fundet cunabula flores...
Molli paulatim flavesbet campus arista
Incultisque rubens pendebit sentibus uva...*

(Рождение младенца при Поллионе)

Отрок, в подарок тебе, никем не возделана вовсе,
Вьющийся плющ принесет повсюду с баккаром почва,
Перемешавши с веселым аканфом взрастит колокисий...
...Россыпью нежных цветов сама колыбель расцветится...
С нежным уже понемногу поля зажелтеют посевом
И с невозделанных лоз повиснут алые гроздья...

Поэтесса не может в текст, которым она пользуется, вставить собственные имена, она обозначает их нарицательными существительными: Deus, Dominus, Magister, Mater, Virgo,

Vates et cet. (Бог, Господь, Наставник, Герой, Мать, Дева, Пророк и т. д.) или говорит описательно, используя перифразу.

Центон Пробы был рассчитан на читателя, которому хорошо знакомо содержание Библии, ибо часто библейские предметы принимают одеяние, совершенно им не свойственное.

Несмотря на очевидные недостатки, центон имел своих почитателей, а император Аркадий приказал изготовить для него прекрасную копию.

Мы остановились на содержании центона. Попытаемся дать характеристику его формы. Исследование формальных особенностей данного центона проведем по трем следующим рубрикам: метрическое, лексическое и семантическое.

Прежде чем перейти к исследованию по данным рубрикам, посмотрим, каков тот материал, которым пользовалась поэтесса.

Следует, прежде всего, отметить, что Проба, в отличие от многих авторов других вергилианских центонов, широко пользуется не только стихами «Энеиды», но также стихами, заимствованными из «Буколики» и «Георгик». Рассмотрение реминисценций свидетельствует, что материал Вергилия используется в следующей последовательности (первое число обозначает количество заимствованных стихов, второе — количество заимствований):

«Энеида»,	VI	песня —	121, 132	«Георгики»,	IV	песня —	45,
	II	» —	79, 83	«Энеида»,	IX	» —	41, 48
	VII	» —	78, 84		X	» —	43, 48
	I	» —	73, 79	«Георгики»,	II	» —	42,
	III	» —	73, 75	«Энеида»,	IV	» —	40, 45
	V	» —	72, 73		XII	» —	33
«Георгики»,	I	» —	66,	«Георгики»,	III	» —	18
«Энеида»,	VIII	» —	65, 68,	«Буколики»,	I-II; IV, VI	— 7; V,	
	XI	» —	46, 47	VII	— 5; IX, X	— 3; III, VII	— 1

Очевидно, использование материала в такой последовательности следует объяснить содержанием. Пробе, которая словами Вергилия пытаясь передать содержание Ветхого и Нового Заветов, наиболее близкой оказалась шестая песня «Энеиды», повествующая о посещении подземного царства Энеем, о чудесах, с которыми ему приходится встречаться. Однако, как мы видели, автор широко использует и другие песни.

При рассмотрении реминисценций данного центона по метрическому признаку можно сказать, что в нем, как и в других центонах, используются те же метрические единства, а именно полные гекзаметры:

а) полностью совпадающие:

C. Pr. 40 *Felix, qui potuit rerum cognoscere causas*
V. Georg. II, 490 *Felix, qui potuit rerum cognoscere causas*
б) частично не совпадающие, но в которых легко можно предположить соответствие:

C. Pr. 41 *Unde hominum, pecudumque genus, vilaeque volantum*

V. Aen. VI, 728 *Inde hominum, pecudumque genus, vitaeque volantum*

Реминисценции, представляющие полные гекзаметры, в центоне Пробы занимают более 40 процентов.

В данном центоне можно наблюдать также использование двух гекзаметров и даже больше, заимствованных подряд:

C. PR. 413 *Ignatosque viae tecum miseratus inertes*
414 *Aggredere, et votis jam nunc assuesce vocari*

V. G. I, 41 *Ignatosque viae tecum miseratus agrestis*
42 *Ingredere et votis iam nunc adsuesce vocari*

C. Pr. 291. *Tunc genitor / virus serpentibus addidit atris*
V. G. I, 129

292 *Mellague decussit foliis, ignemque removit*
V. G. I, 131

293 *Praedarique lupos jussit, pontumque moveri.*
V. G. I, 130

294 *Et passim rivis currentia vina repressit* 1, 132

Такое использование двух и более заимствованных гекзаметров подряд не одобрялось и считалось свидетельством отсутствия мастерства. Однако Авсоний, который первый дал теоретические положения о центонах («*Nam duos iunctim locage ineptum est, et tres una serie metae nugaे*»¹⁰), сам в своем центоне несколько раз заимствует у Вергилия по два гекзаметра подряд.

A. C. N. 97 *Succidimus, non lingua valet, non corpore notaes*
Aen. XII, 911

A. C. N. 98 *Sufficiunt vires, nec vox aut verba sequuntur* Aen. XII, 912

Помимо полных гекзаметров реминисценции представляют собой соединения различных отрезков, сочетающихся в пропорции стоп:

3+3; 4+2; 1+5; 3т+3; 2д+4; 2+2+2.

Теоретическое обоснование такого соединения отрезков гекзаметра в центонах находим в том же предисловии к центону Авсония: *DIFFUNDITUR autem per caesuras omnes, quas*

¹⁰ *Ausonii Opuscula*. Lipsiae, 1888, p. 207.

recipit versus heroicus, convenire ut possit aut penthemimeris cum reliquo anapaestico, aut trochaice cum posteriore segmento, aut septem semipedes cum anapaestico chorico, aut (ponatur) post dactylum atque semipedem quidquit restat hexametro... ¹¹.

Центонные стихи могут состоять, таким образом, из отрезков гекзаметра. Эти отрезки на стыке обычно оканчиваются долгим слогом (мужская цезура), но иногда кратким (троканческая цезура, которую мы обозначаем — т) или двумя краткими (дактилическая цезура, обозначенная нами — д). Возможно также заимствование в одном стихе отрезков, заимствованных из трех различных стихов:

a) 3+3 / —○○—○○— / ○○—○○—○○—○

C. Pr. 308 *Tunc Pater omnipotens / gaviter commotus ab alto*
Aen. X, 100 *Tum pater omnipotens*, rerum cui prima potestas,
I, 126 *Stagna refusa vadis, graviter commotus, et alto*

b) 4+2 / —○○—○○—○○— / ○○—○○—○

C. Pr. 513 *Eripe me his, invicte malis, / quid denique restat*
Aen. VI, 365 *Eripe me his, invicte, malis: aut tu mihi terram*
II, 70 *Accipere? aut quid iam misero mihi denique restat?*

c) 2+4 / —○○— / ○○—○○—○○—○○—○○

C. Pr. 521 *Finge Deo / et quae sit poteris cognoscere virtus*
Aen. VIII, 365 *Finge deo rebusque veni non asper egenis.*

Ecl. IV, 27 *iam legere et quae sit poteris cognoscere virtus*

d) 1+5 / —○○ / —○○—○○—○○—○○—○○

C. Pr. 527 *Tristior / ora modis attollens pallida miris*
Aen. I, 228 *Tristior et lacrimis oculos suffusa nilentis*
I, 354 *conjugis; ora modis attollens pallida miris*

Таблица использования реминисценций по метрическому признаку:

Полные гекзаметры	3+3	4+2	2+4	1+5
40 %	28,6 %	14,2 %	8,3 %	0,3 %

Приведенная таблица свидетельствует о том, что большое место среди реминисценций занимают полные гекзаметры. Что касается реминисценций, представляющих отрезки гекзаметра, преобладают типы 3+3 и 4+2, свидетельствующие о стремлении к наибольшему равновесию отрезков стиха.

¹¹ Ibidem, p. 207.

Л. Мюллер в книге «De re metrica», говоря об использовании Вергилия поэтами-центонистами, указывает, что они, заимствуя неполные недописанные стихи Вергилия, в большинстве случаев оставляют их без изменения¹². Проба же, заимствуя неполные стихи Вергилия, дополняет их. В ее центоне нет ни одного неполного стиха.

Так, Проба, заимствуя неполный гекзаметр Вергилия «Энеида» VII, 44, не колеблясь, дополняет его вторым колоном стиха «Энеиды», IV, 464:

C. Pr. 335 *Majus opus moveo, vatum praedicta priorum*
Aen. VII, 44 *Majus opus moveo*

vatum praedicta priorum Aen. IV, 464

Рассмотрим заимствования данного центона по лексическому признаку. Проведя исследование в этом направлении, мы можем с полным основанием сказать, что поэтесса в своем центоне заимствует текст Вергилия в основном без всяких изменений. Однако имеется ряд отклонений от источника, которые можно систематизировать по четырем основным направлениям:

1. Замена слова в начале, середине, конце метрического единства.

2. Изменение окончания отдельного слова.

3. Изменение начала слова (обычно приставки, реже основы).

4. Элизия, перестановка, сдвиг.

Рассмотрим каждый из этих пунктов.

1. Запись слова.

А. Чаще всего односложного слова в начале стиха или после цезуры:

C. Pr. 580 *Et dapibus mensas onerant, et pocula ponunt.*

Aen. I, 706 *Qui dāpibus mensas onerant, et pocula ponant.*

C. Pr. 427 Dat iuveni, / et dulci declinat lumen somno;

... nec dulci declinat lumina somno; Aen. IV, 185

В. Собственного имени нарицательным существительным или другой частью речи, а также замена одного нарицательного существительного другим:

C. Pr. 508 *Continuo* palmas alacres utrasque telendit

Aen. VI, 685 'Aenean a lacres palmas utrasque tetendit

C. Pr. 635 *Incipit et rebus nox abstulit atra coloreim*

Aen. VI, 272 *Juppiter et rebus nox abstulit alra colore*

В обоих примерах мы видим замену собственного имени

¹² Mueller L. De re metrica. Lipsiae, 1861, p. 466.

(не нужного Пробе) другой частью речи, в первом — наречием, во втором — глаголом.

C. Pr. 634 Interea magno misceri murmure *coelum*

Aen. I, 124 Interea magno misceri murmure pontum

В данном примере мы видим замену одного нарциссического существительного другим.

С. Одного глагола другим:

C. Pr. 462 *Concurrunt fremitu denso, stipantque irequentes*
Georg. IV, 216 *Circumstant fremitu denso stipantque frequentes*

При замене отдельных слов можно заметить, что Проба подчас старается сохранить сходство звучания:

C. Pr. 80 Et varios ponet fetus autumnus et *altra*

Georg. II, 521 Et varios ponit fetus autumnus et alte

C. Pr. 159 Si te digna manet divini gloria *Juris*

G. I. 168 *Si te digna manet divini gloria ruris*

2. Изменение окончания отдельного слова

шадежа, числа существительного или местоиме-

надежа, место существительного или местоимения, ряд, числа, надежа прилагательного, порядкового числительного, изменение глагола и отглагольных форм).

C. Pr. *Quem primum colimus, meritosque novamus ho-*
nores

Aen. XI, 491 *Quem primi colimus,*
H. F. *qui primi colimus*

У Вергилия *ргіті* — подлежащее, в центре *ргітінн* — дополнение.

C. Pr. 463 *Exultantque animis*,/ medium nam plurima turba
Aen. XI, 491 *Exultatque animis*

Изменено число глагола:

C. Pr. 21 Semper equos atque arma virum, pugnasque *canebam*

Aen. IX. 777 Semper equos atque arma virum, pugnasque *canebat*

C. Pr. 533 Jamque *propinquat* portis ...

Aen. 11, 730 *Jamque propinquabam portis..*

В приведенных примерах мы видим изменение лица или времени глагола.

C. Pr. 474 Nec partem posuere suis, / dum vita maneret,
Aen. VI, 608 dum vita manebat.

В заимствованном стихе изменено наклонение глагола. Все приведенные выше примеры свидетельствуют, что изменение лица, числа, времени или наклонения глагола в заимствованном стихе центона чаще всего наблюдается в начале или конце

метрического единства, что Проба изменяет отдельные буквы или слоги, но преимущественно не больше, чем один раз в стихе, и почти все изменения, которые вносит она, требуются законами грамматики — в соответствии с новым контекстом, в который включается стих.

3. Изменение в начале слова (чаще всего это изменение приставки в глаголе);

C. Pr. 466 Incipit, et dictis divinum *inspirat* amorem.

Aen. VIII, 373 Incipit et dictis divinum *adspirat* amorem:

Возможны случаи изменения сложного слова:

C. Pr. 102 *Omnigenumque pecus nullo custode per herbam*

Aen. III, 221 *Caprigenumque pecus nullo custode per herbas*

4. Элизия, перестановка, сдвиг, стяжение и растяжение.

А. В центоне Пробы, как и в других центонах, мы наблюдаем появление или, наоборот, отмену элизии, благодаря чему становится возможным изменение ритма стиха:

C. Pr. 518 Nec te poeniteat, / nihil o tibi amici, *relictum est*
nihil o tibi amice, *relictum* Aen. VI. 509.

В конце стиха в центоне появляется отяго

В конце стиха в центре появляется стихоизъясняющее слово, которого нет в стихе Вергилия. Однако объем реминисценций остается без изменения благодаря элизии.

В. Перестановка последовательности слов:

C. Pr. 51 *Dum medium paci se offert / de corpore nostro*
Aen. VII, 536 *Dum paci medium se offert*

В первом колоне заимствованного стиха происходит перестановка последовательности слов.

C. Pr. 611 Cum populo et patribus, / feriturque per agmina
mucinque

Act. VI. 679 Cum patribus populoque

В стихе имеет место перестановка и в конце первого колона появляется que, которое благодаря элпзии не влияет на объем метрического единства.

Следует отметить, что перестановки в реминисценциях Пробы — явление весьма редкое, и причина их не всегда ясна.

Переходим к рассмотрению центона и его исследованию по третьему признаку — семантическому. Задача исследования сводится к тому, чтобы определить значение фразы в первоисточнике и понять, как это значение применено или изменено в новом контексте — в центоне. При использовании стихов Вергилия или полустихов поэтами-центонистами происходит какой-то смысловой сдвиг. В сознании поэта-центониста и его читателей одновременно при чтении такого пассажа присутствуют контексты того и другого, но не совпадают. Наличие

такого семантического сдвига было привлекательным для публики. Особенно интересно установить, в какой степени семантическое переосмысление имеет место у христианской поэтессы Пробы.

Нами проведена классификация по четырем степеням:

1. Максимум несходства (перенесение в другой мир).
2. Изменение субъекта действия. Здесь можно рассматривать два случая: а) слабый сдвиг (герой — герой, бог — бог и т. п.); б) сильный сдвиг (человек — зверь, бог — животное или наоборот).

3. Изменение объекта действия. Здесь также возможен сдвиг.

4. Минимум несходства, т. е. применение одинаковых выражений при одинаковых предметах.

Рассмотрим каждую из этих степеней. Первая — максимум несходства:

C. Pr. 65 *Tunc Pater omnipotens,егерим cui summa potestas,*
Aen. X, 64 *Tum pater omnipotens,егерим cui prima potestas*

(Тут всемогущий отец, чья первая власть над делами). Слова, которыми Вергилий говорит о Юпитере, Проба заимствует, изменив единственное слово.

Тут всемогущий отец, чья *высшая* власть над делами, — говорит Проба, рассказывая о сотворении мира, о едином христианском боже.

C. Pr. 405 *Nate, meae vires, mea magna potentia solus,*
Aen. I, 664 *Nate, meae vires, mea magna potentia solus*

(Сын мой, ты сила моя, великая власть, ты единий...) В «Эненде» с этими словами Венера обращается к Амуру, в центоне — это глас божий с неба, обращенный к Христу:

C. Pr. 633 *Talia perslabat memorans, fixusque manebat.*
Aen. I, 650 *Talia perslabat memorans fixusque manebat.*

(Все он на этом стоял и недвижим оставался), — так рассказывает Эней о своем отце Ахиллее, который не хотел уходить из горящей Трои, в центоне — это слова о Христе, остававшемся непреклонным при распятии.

C. Pr. 37 *Moseum ante omnes totum cecinisse per orbem.*
Aen. VI, 667 *Museum ante omnis*

Мифический певец Мусей из VI песни «Эненды» превращается у христианской поэтессы в Монсея.

C. Pr. 320 *Imperium Oceano, famam qui terminet astris*
Aen. I, 287 *Imperium Oceano, famam qui terminet astris*

(Власть ограничит Океаном, а славу — звездами...), — говорит Юпитер о Цезаре, рассказывая Венере о будущем

трянцев. У Пробы «Из Нового Завета» — вещание пророков о приходе Иисуса Христа.

Таким образом, во всех приведенных примерах мы видим, что Проба переносит свои тексты не от высокого к низкому, как это обычно имеет место в языческих центонах, а переносит их в другой мир и этим усиливает двуплановость, характерную для центонов вообще.

В данном центоне, как и в других центонах языческого плана, в реминисценциях наблюдается изменение как субъекта, так и объекта действия:

C. Pr. 179 *Nec visu facilis, nec dictu affabilis ulli*
Aen. III, 621 *Nec visu facilis, nec dictu affabilis ulli.*

(Никому ни на взгляд, ни речь с ним вести — нестерпим он)
У Вергилия Полифем, в центоне — Змей; изменяется субъект, сдвига нет.

C. Pr. 615 *Insontem, / saevitque animis ignobile vulgus*
Aen. II, 84 *Insontem infando indicio, quia bella vetebant*
Aen. I, 149 *Seditio, saevitque animis ignobile vulgus,*

Метрическое единство (2+4). В первом колоне изменен объект: у Вергилия безвинного Паламеда обвиняют в измене, в центоне преследуют безвинного Христа. Во втором колоне речь идет о незнатной черни, преследующей Христа, в «Энейде» с волнением черни сравнивается буря, которую усмиряет Нептун.

Аналогичных примеров можно привести много.

В центоне Пробы, как и в других центонах, в реминисценциях часто применяются одинаковые выражения к одинаковым предметам. Однако и в таких случаях наблюдаем перенесение в другой мир:

C. Pr. 609 *Oceanum interea surgens Aurora relinquit*
Aen. XI, 1 *Oceanum interea surgens Aurora relinquit*

(Между тем Океан покинула вставши Аврора), — так говорит Вергилий о наступлении нового дня, когда Эней выполняет обеты богам, одержав победу над Мезенцием, и сооружает трофей. В центоне речь идет о наступлении дня распятия Христа.

C. Pr. 616 *Sol medium coeli conscederat igneus orbem.*
Aen. VIII, 97 *Sol medium coeli conscederat igneus orbem.*

(До половины небес дошло лучезарное солнце). Как и Вергилий, Проба использует эти слова для описания полдня. У Вергилия — это время, когда Эней со своими спутниками приближается к городу Эвандра; в центоне — это время, когда все собрались и требуют, чтобы Иисус рассказал о себе.

Можно привести много других примеров, в которых, на первый взгляд, наблюдается минимум несходства.

Исследование центонов по семантическому признаку позволяет говорить о том, что авторы большинства центонов, используя оригинал Вергилия, не стремились переосмыслить его семантически.

Что касается Пробы, то ее можно представить двояко: либо как истинную христианку, либо как эстетку.

Если представить ее как христианку, то должно складываться представление, что ни о какой двуплановости она не думала при составлении своего центона. Она стремилась использовать стихи лучшего поэта, минимально их изменения. Пользуясь материалом Вергилия, вместо того чтобы сочинять свои стихи, из-за преклонения перед талантом классического римского поэта и преклонения перед верой, она поступает так же, как средневековый строитель, который, сооружая храм, вставляет колонну или камни, сохранившиеся от античного храма.

Если же представить ее как эстетику, то пришлось бы предположить, что для нее важнее выявить художественный заряд, заключенный в двуплановости.

Э. Д. ФРОЛОВ

ГРАЖДАНСКАЯ ОБЩИНА И ЕЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ В СИРАКУЗАХ ПРИ ДИОНИСИИ СТАРШЕМ

В принципиальном споре о характере государства Дионисия, который вот уже более столетия ведется в научной литературе¹, свое место должен занять и вопрос об отношении режима Дионисия к гражданской общине. Вопрос о судьбах этой последней становится особенно важным ввиду наметившейся в последнее время тенденции подчеркивать самовластный, беспринципный характер правления Дионисия и в отсутствии какой бы то ни было опоры на полис видеть характерную черту созданного им режима, его сугубую тиранническую

¹ Подробный обзор этой дискуссии дается нами в специальной статье «Государство Дионисия в оценке историографии нового времени», подготовленной для издаваемого Ленинградским университетом сб. «Проблемы отечественной и всеобщей истории», вып. 3.

сущность, его несходство с позднейшими эллинистическими государствами². Между тем при ближайшем рассмотрении становится очевидным сосуществование в Сиракузах при Дионисии нового, монархического начала с прежним, полисным. При этом последнее выступает хотя и менее ярко, но достаточно определенно, чтобы можно было говорить о сохранении им известной политической роли.

В самом деле, что бы ни говорилось в нашей традиции о вивисекциях, которым подвергалась гражданская община в Сиракузах в период тирании, нельзя отрицать, что эта община как суверенная политическая организация продолжала существовать и при режиме Дионисия³. Ее внутреннее строение — традиционное членение на три дорийские филы — не подверглось изменению (в основанной Дионисием около 385 г. колонии на о-ве Исса зафиксировано существование трех дорийских фил диманов, гиллеев и памфилов, *Ditt. Syll.*³, 1, № 141), и очевидно, что вводившиеся в общину новые граждане приписывались все к этим же исконным подразделениям⁴.

Гражданская община сохраняла свое значение действительной политической корпорации. Ее участие в жизни государства находило выражение, в частности, в военной службе граждан, которые образовывали собственное ополчение. Военное и политическое значение гражданского ополчения было весьма значительным в начале правления Дионисия: своим положением главы государства он был обязан назначению в стратеги-автократоры, т. е. в главнокомандующие воору-

² Так именно оценивается государство Дионисия в последней книге Г. Берве (*Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen*, Bd. I. München, 1967, S. 258 слл.).

³ Это признают и представители новейшего критического направления, которые вообще с удовольствием скептически о сотрудничестве монархии Дионисия с полисом и склонны подчеркивать подавление тиранией гражданского общества (ср.: *Stroheker K. F. Dionysios I. Gestalt und Geschichte des Tugalpen von Syrakus*. Wiesbaden, 1958, S. 149: «Точно так же, как и старшие тираны, Дионисий не посягал на существование подчиненного его власти полиса и полисной конституции»; *Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen*, Bd. I, München, 1967, S. 237: «Столь же мало узнаем мы из нашей традиции о том, продолжали ли функционировать в полисе избирающийся по жребию архонты и тоже, по-видимому, избирающийся по жребию совет и заботились ли они по-прежнему об общеполисных делах. Также и здесь лишь по некоторым признакам и на основании общей вероятности можно предполагать, что дело обстояло именно так и что сиракузская община ~~состоит~~ со своими гражданскими органами власти продолжала существовать»).

⁴ *Beloch K. J. Griechische Geschichte*, 2. Aufl., Bd. III, Abt. 2, Berlin u. Leipzig, 1923, S. 194.

женными силами сиракузской общины, и свои первые кампании, до большого восстания 404/3 г., он совершил главным образом силами гражданского ополчения (см.: об участии граждан в походе под Гелу летом 405 г. — *Diod.*, XIII, 109, 1; в походе в область сикулов в 404 г. — *ibid.*, XIV, 7, 6 сл.).

Хотя в дальнейшем в своем стремлении раздавить гражданскую оппозицию Дионисий не останавливался перед полным разоружением народа, в периоды большой внешнеполитической активности или опасности он вновь созывал ополчение граждан, которые, таким образом, становясь воинами, вновь обретали возможность оказывать воздействие на ход событий и общую политическую ситуацию. Так именно было во время 2-й Карфагенской войны (398—392 гг.). После нескольких лет перерыва, когда граждане были разоружены и к военной службе не привлекались (после восстания 404/3 г.), Дионисий вновь дал народу оружие, и в начавшейся войне с карфагенянами гражданское ополчение принимало столь же активное участие, как и наемные войска. Во флоте половина экипажей была укомплектована наемниками, а половина — гражданами, а в сухопутной армии доля гражданского ополчения могла быть еще выше, если учесть тотальный характер мобилизации, проведенной среди граждан накануне этой «национальной» войны. Подсчет показывает, что во флоте, насчитывавшем до 200 единиц, должно было служить тогда до 20 тыс. граждан, а в армии, насчитывавшей свыше 80 тыс. человек, число воинов — граждан могло достигать 30—35 тысяч (при допущении того же соотношения наемников и граждан, что и во флоте, но со складкой нескольких тысяч на контингенты сицилийских и итальянских союзников). Эти цифры достаточно красноречиво говорят о роли гражданского ополчения по крайней мере в начале 2-й Карфагенской войны. Понятно, что это возрождение военного значения имело следствием повышение также и политической активности граждан (см. *Diod.*, XIV, 43, 4 и 44, 2 [привлечение граждан к военной службе накануне 2-й Карфагенской войны]; 47, 7 [численность флота и армии]; 47, 4; 64, 1—3 и 95, 3 [участие граждан в войне], 61, 3 сл. и 96, 2 сл. [возрождение гражданской оппозиции]).

У нас нет определенных сведений о том, как обстояло дело с привлечением граждан к военной службе после 2-й Карфагенской войны. Но если не исключена возможность нового разоружения народа, то, с другой стороны, не приходится отрицать и схожести ситуации при начале 3-й и 4-й Карфагенских

войн с той, какая была накануне второй войны, а следовательно, и возможности нового созыва гражданского ополчения. Вообще представляется маловероятным, чтобы те большие армии, которые Дионисий мобилизовывал для двух последних войн с карфагенянами и, еще раньше, для борьбы с итальянскими греками, целиком состояли из наемников; по крайней мере часть их должны были составлять воины-граждане (о силах Дионисия в указанных кампаниях ср. Diod. XIV, 100, 2; 103, 2; XV, 17, 4; 73, 2).

Сохранение гражданами своей политической организации нашло выражение в продолжавшемся и при Дионисии функционировании представительных органов сиракузской общины — народного собрания, совета, коллегий должностных лиц. О деятельности народного собрания нам уже пришлось упоминать в связи с рассмотрением вопроса о полномочиях Дионисия — стратега-автократора⁵. Отметим, что народное собрание функционировало на всем протяжении достаточно длительного правления Дионисия, — не только в самом начале, когда для своего упрочения новый режим нуждался в одобрении народа, но и позднее, когда потребность в таком одобрении, казалось, отпала. Созывалось народное собрание, по всей видимости, самим Дионисием, и созывалось не часто, как правило, в наиболее ответственные моменты, из чего надо заключить, что своим важнейшим акциям всемогущий стратег-автократор стремился придать силу и авторитет народных решений. Назвать ряд примеров будет полезно для того, чтобы судить о характере ситуаций, в которые собиралось народное собрание при Дионисии, и о сфере его компетенции.

В 405 г., сразу же по возвращении из Леонтии и утверждении своей власти в Сиракузах, Дионисий созывает народное собрание для суда над своими политическими противниками, лидерами республиканских группировок Дафнеем и Демархом. Расправа над ними была, таким образом, санкционирована народною волею (Diod., XIII, 96, 3). В 398 г. завершив подготовку к новой войне с карфагенянами и стараясь придать своему делу вид большой национальной акции, Дионисий созывает народное собрание. Он побуждает граждан принять решение о новой войне и свое последующее обращение с ультиматумом к карфагенянам обосновывает этим решением сира-

⁵ См.: Фролов Э. Д. Конституционный и тиарический моменты власти Дионисия Старшего. — В кн.: Из истории античного общества. Горький, 1975, с. 32.

кузян (*ibid.*, XIV, 45, 2; о ссылке Дионисия в своем ультиматуме карфагенянам на решение сиракузян: 46, 5 и 47, 2).

В 396 г., в критический момент, когда Сиракузы были осаждены карфагенянами, Дионисий счел нужным вновь созвать граждан на собрание. Это — то самое собрание, на котором, если верить Диодору, при обсуждении сложившегося положения представитель оппозиционно настроенного всадничества Феодор потребовал немедленной отставки Дионисия (*ibid.*, XIV, 64, 5; далее в гл. 65—69, излагается речь Феодора, а в начале гл. 70 рассказывается о вмешательстве спартанца Фаракида, и о благополучном завершении этого опасного для Дионисия собрания). Наконец, Дионисий неоднократно, хотя и неизвестно, когда именно, созывал народное собрание для соответствующего оформления проводимых им чрезвычайных финансовых мероприятий (*Ps.-Aristot. Оес.*, 11, 2, 20, р. 1349 а 14—20, 25—28, 33—36). Замечательно также, что первым публичным актом преемника Дионисия Старшего, его сына Дионисия Младшего, был созыв народного собрания. В призыве, с которым новый правитель обратился к народу — сократить по отношению к нему унаследованную от отцов благорасположенность, — заключалось приглашение санкционировать таким образом унаследование им самим отцовской власти (*Diod.*, XV, 74, 5).

Обзор этих сохранившихся традиций примеров убеждает в том, что народное собрание созывалось при Дионисии каждый раз в критический для государства момент, и что в компетенцию этого органа входило обсуждение и решение вопросов чрезвычайной важности: осуществление высшего суда и вынесение смертного приговора, решение вопросов войны и мира, обсуждение критической военной ситуации, принятие законов о чрезвычайных финансовых мерах, избрание или по крайней мере подтверждение полномочий высших должностных лиц. Конечно, при Дионисии права граждан, права народного собрания были существенно ограничены. Однако ограничена была инициативная роль народного собрания, но его значение как важного политического партнера режимом Дионисия никогда совершенно не отрицались.

Для своей работы, какова бы она ни была, народное собрание нуждалось в специальном подготовительном органе. Это заставляет предположить существование в Сиракузах при Дионисии государственного совета, такого, какой обычно существовал в греческих полисах и какой засвидетельствован и для Сиракуз более позднего времени (накануне захвата

власти Агафоклом — Diod., XIX, 4, 3; 5, 6 и сл.; Iustin., XXII, 2, 10—11; при Гиероне и после убийства Гиеронима — Liv. XXIV, 22 и сл.)⁶.

Сохранение гражданской политической организации предполагает существование при Дионисии не только народного собрания и совета, но и должностных лиц, избравшихся общиной и управлявших делами общиной, хотя бы и под контролем авторитарной власти. Правда, важнейшая должностная коллегия республиканского времени — коллегия стратегов — безусловно прекратила свое существование, так как ее функции все целиком перешли к стратегу-автократору⁷, однако прочие, менее важные магистратуры должны были сохраняться. Унаследованной от республиканского периода была, по-видимому, должность полианома (или полианомов), о которой нам известно благодаря случайной реплике Платона. В письме Платона к Дионисию II, относящемся ко времени вскоре после возвращения философа из 2-й поездки в Сицилию, упоминается о неком Терилле, родиче Тисона, бывшего полианомом в момент отъезда Платона из Сиракуз (Plat. Ep. XIII, р. 363 с.). Равным образом следует отнести к разряду традиционных, унаследованных от республики должностных лиц тех упоминаемых у Полиена триерархов, лояльность которых Дионисию пришлось проверять с помощью специальной уловки (Polyaen., V, 2, 12)⁸.

⁶ Ср.: Beloch K. J. Op. cit., III², I, 1922, S. 51; 2, с. 195; Niese B. Dionysios I. RE, Bd. V, 1905, стб. 899; Berue H. Op. cit., I, S. 237.

⁷ Ср.: Beloch K. J. Op. cit., III², 2, S. 197, 203; Niese B. Op. cit., RE, V, стб. 899.

⁸ К. Ю. Белох первым заявил, что при Дионисии должно было сохраняться избрание народом должностных лиц, правда, лишь для нужд гражданского управления («die Zivilbeamten», «die Beamten für die Zivilverwaltung»), поскольку в войске и флоте командовали лишь назначавшиеся Дионисием офицеры (Beloch K. J. Op. cit., III², I, S. 51; 2, S. 195, 197). Равным образом и Г. Берве, признавая существование при Дионисии избравшихся по жребию должностных лиц, ссылается лишь на цивильных магистратов — архонтов и полианомов; назначение военных командиров, по его мнению, исходило всецело от Дионисия (Berue H. Op. cit., I, S. 237, 242; II, S. 644, 647). Однако уже Б. Низе счел возможным заявить более общим образом о существовании при Дионисии общинных магистратов («die Gemeindebeamter») и в подтверждение этого справедливо сослался и на упоминание Платона о полианоме Тисоне и на рассказ Полиена о проверке Дионисием преданности триерархов (Niese B. Op. cit., RE, V, стб. 899). Позднее К. Ф. Штроскер, подводя итоги дискуссии по поводу восстановления заключительных строк надписи IG², II/III, I, № 105, признал обоснованным предположение, что здесь, наряду с советом, упоминались еще высшие военные ма-

То, что представительные органы общин при Дионисии продолжали существовать и даже играли известную роль в политической жизни Сиракуз, доказывается и известной надписью 368/7 г., содержащей текст договора о союзе между афинами и Дионисием (IG², II/III, I, N 105 = Ditt. Syll.³, I, N 163 = M. N. Tod, II, N 136).

В заключительной клаузуле об обмене клятвами на верность договору перечисляются те, кто должен был поклясться с той и другой стороны. С афинской стороны клятву должны были принести Совет Пятисот и высшие должностные лица, — по общепринятым чтению (текст сохранился плохо и его приходится восстанавливать) стратеги, гиппархи и такснархи: стк.

32—34 — [ομοσπονδεῖ τὴν τε] βουλὴν καὶ τὸ [εἰς στρατηγούς καὶ τοὺς ἀπλά] ρήμας καὶ τὸ [εἰς ταῦτα χρόνος]. С другой стороны это должны были сделать Дионисий и какие-то должностные лица сиракузян, однако какие именно, судить трудно, ибо текст здесь также сохранился плохо, а убедительного восстановления найти не удается⁹. По версии Ад. Вильгельма (у Ch. Michel, Suppl. I, № 1452), которая получила наибольшее признание (принята, в частности, И. Кирхнером, В. Диттенбергером, М. Н. Тодом), это должны были быть совет и архонты, а также стратеги и триерархи (стк. 34—37).

Однако бесспорным кажется здесь лишь одно τὴν βουλὴν¹⁰. Относительно архонтов возникает сомнение, была ли вообще такая высшая коллегия в Сиракузах, и не выступали ли в их роли, т. е. в роли высших гражданских магистратов, все те же стратеги или соответственно стратег-автократор (уоминания об архонтах в Сиракузах немногочисленны и нехарактерны, это — Diod., XI, 92, 2 и XIII, 91, 4, где так названы магистраты, руководившие работой народного собрания, однако у Фукидиса в этой роли выступают именно стратеги, Thuc., VI, 41)¹¹.

магистраты сиракузской общине («die Inhaber hoher militärischer Ämter der Polis»), но, разумеется, не стратеги (Stroheker K. F. Op. cit., S. 150). Ниже при более подробном разборе этой надписи, мы рассмотрим возможные варианты этих должностных лиц; одновременно представится случай высказать наше мнение — отрицательное — по поводу взгляда Берве о существовании специальной коллегии архонтов.

⁹ Ср. обстоятельный обзор дискуссии: Stroheker K. F. Op. cit., S. 239 (прим. 17 к гл. VII).

¹⁰ Ср.: Stroheker K. F. Op. cit., S. 149 сл.

¹¹ Как указал К. Ф. Штroeкер, в основе предложенного впервые Б. Низе восстановления τον [εἰς αρχοντας] (Niese B. Chronologische und historische 69

Между тем, поскольку договор должен был иметь силу не только для Дионисия, но и для его потомков, естественно было бы среди лиц, приносящих присягу, сразу же после Дионисия встретить и его взрослых сыновей. Поэтому кажется соблазнительным вместо варианта с архонтами принять предложенное еще У. Кёлером (CJA II, I № 52) и повторенное Р. Скалою и К. Ю. Белохом: *τον [ζεις αὐτ]*. Белох при этом указал на хорошую параллель: при заключении договора о союзе между афинянами и македонским царем Аминтой III клятву на верность договору должен был принести не только сам царь, но и его сын Александр (IG², II/III, I, № 102 = Ditt. Syll.³, I, № 157 = M. N. Tod, № 129, от 375/4 г.)¹².

Beiträge zur griechischen Geschichte der Jahre 370—364 v. Chr. — «Hermes», Bd. XXXIX, 1904, S. 130. сл.), вероятно, лежало высказанное еще Ад. Гольмом предположение, что в ходе радикальной реформы Диокла в Сиракузах гражданские полномочия стратегов перешли к (новой?) избравшейся по жребию коллегии архонтов (*Holm Ad. Geschichte Siziliens im Altertum*, Bd. II, Leipzig, 1874, S. 418). Однако ничего определенного о существовании такой коллегии в Сиракузах нам не известно, ни до прихода к власти Дионисия, ни после. Есть только два заслуживающих внимания упоминания, я оба у Диодора: 1) в рассказе о решении сиракузским народом судьбы сикульского вождя Дукетия, где архонтами названы должностные лица, созвавшие и проводившие народное собрание (XI, 92, 2, под 451 г.), и 2) в рассказе о первых выступлениях Дионисия перед народом, где архонтами названы должностные лица, наложившие на Дионисия штраф за подстрекательские речи (XIII, 91, 4). Однако, как кажется, слово «архонты» здесь в обоих случаях — просто иное название для стратегов, которые председательствовали в народном собрании (так уже — *Beloch K. J.*, Op. cit., III², 2, S. 195, со ссылкой на характерное место у Фукидида, VI, 41; против — *Berve H.* Op. cit., II, S. 644). В обстоятельном рассказе Диодора о приходе к власти Дионисия Старшего мы ничего более не слышим об архонтах, зато все время слышим о стратегах, которые одни выступают в качестве посчителей высшей власти и одни служат объектом нападок Дионисия. Замечательно, что по ходу рассказа Диодор еще раз употребляет слово «архонты», теперь уже вне всяких сомнений для обозначения стратегов (в XIII, 94, 4, где говорится о формальном обвинении в предательстве, которое Дионисий предъявил своим коллегам). Помимо Диодора, в традиции о сицилийских делах при Дионисии слово «архонты» встречается еще, как кажется, только у Полибия, но в самом общем смысле, для обозначения иных должностных лиц, занимавшихся по приказанию Дионисия распродажей посвящений из святилища Асклепия (*Polyaen.*, V, 2, 19). Таким образом, представляется весьма вероятным, что специальной коллегии высших гражданских магистратов в Сиракузах вообще не было и коллегия стратегов — resp. стратег-автократор — одна воплощала в своем лице высшую исполнительную власть, военную и гражданскую одновременно (ср.: *Scheele M. Στρατηγος αυτοκροτων. Staatsrechtliche Studien zur griechischen Geschichte des 5. und 4. Jahrhunderts*, Leipzig, 1932, S. 31 сл.; *Stroheker K. F.* Op. cit., S. 239 (прим. 17 к гл. VII)).

¹² *Scala R. Die Staatsverträge des Altertums*, Tl. I, Leipzig, 1898, S. 153; *Beloch K. J.* Op. cit., III, 2, S. 203. сл.; ср.: *Stroheker K. F.*, I. c.

Затем, кажется невозможным упоминание о стратегах; ведь при Дионисии такой коллегии существовать не могло. Белох предлагал поэтому вместо *στρατηγούς* дополнить либо *ταξιαρχούς*, либо *χιλιαρχούς*, либо, наконец, что ему самому казалось наиболее предпочтительным, *τος ἑεναγος*¹³. Однако участие ксенагов, вербовщиков или командиров, наемных отрядов, в заключении межгосударственного соглашения выглядело бы весьма странным. Кажется также маловероятным вариант с хилиархами, ибо такая должность засвидетельствована для Сиракуз лишь для более позднего времени — после смерти Тимолеонта (Diod., XIX, 3, 1 сл.). Скорее за-служивает предпочтения вариант с такснархами, поддержан-ный В. Хютлем и К. Ф. Штroeекером, если только корректна ссылка на Диодора, у которого как будто бы есть указание на членение сиракузского ополчения при Дионисии на таксисы (см. *ibid.*, XIV, 44, 2), причем, однако, не исключено, что вы-ражение *εἰς ταξιεῖς* употреблено здесь в самом общем смысле — «в ряды», «в войско»)¹⁴.

Наконец, не безупречным остается и последнее восстанов-ление — [τριη] *φαρχούς*, ибо, как заметил Белох, трудно понять, каким образом триерархи могли участвовать в принесении клятв с сиракузской стороны, когда у афинян эти клятвы при-носили, наряду с советом, лишь высшие военные магистраты. Однако собственное предположение Белоха — {φρου} *φαρχούς* — кажется не более убедительным, поскольку ожида-лось бы встретить упоминание о сиракузских магистратах, меж тем как фрурархи были офицерами, назначаемыми са-мим правителем¹⁵. Может быть, поэтому было бы лучше оставаться при прежнем чтении [τριη] *φαρχούς*, тем более, что

¹³ *Beloch K. J. I. c.*

¹⁴ Ср.: *Hüttl W. Verfassungsgeschichte von Syrakus. Prag. 1929, S. 129*, прим. 5; *Stroheker K. F., I. c.*

¹⁵ Вариант с фрурархами был предложен еще А. Кирхгофом, примеру которого последовали К. Ю. Белох и Р. Скала (*Kirchhoff A. Ein attisches Psephisma. — «Philologus», Bd. XII, 1857, S. 573 и 577; Beloch K. L'impero siciliano di Dionisio. «Atti della Accademia dei Lincei». Memorie della Classe di scienze morali, storiche e filologiche. Serie III, vol VII, 1881, S. 233 сл.; Scala R., I. c.*). Однако уже У. Кёлер воздержался от принятия этого ва-рианта (ср., помимо *CJÄ*, II, I, № 52, его статью: *Die griechische Politik Dionysios des Älteren* *AM* Bd. I, 1876, S. 24 и 25), а Б. Низе обосновал его

мы не можем с уверенностью судить о военно-политической субординации в тогдашних Сиракузах.

Таким образом, с учетом указанных выше предпочтительных вариантов, фраза с перечнем лиц, дававших клятву с сиракузской стороны, могла бы выглядеть следующим образом:

[οὐοσαι δὲ Διο] — τύσιον καὶ τοῦ [εὐεῖς αὐτὸν καὶ τὴν βούλην] τοῦ Συρακούση [οὐ καὶ ταξιαρχούς καὶ τριῖς] ράοχοντος. Разумеется, настаивать на надежности этого варианта не приходится. Надпись, таким образом, не может быть использована для уточнения наших представлений о полисных органах власти в Сиракузах. Однако она подтверждает в принципе существование таких органов при тираническом режиме Дионисия.

Итак, можно считать установленным фактом сохранение сиракузским гражданским обществом своего политического статуса и при тирании Дионисия. Замечательным внешним подтверждением этого был продолжавшийся в Сиракузах и при Дионисии выпуск монеты традиционного типа с надписью ΣΥΡΑΚΟΣΙΩΝ¹⁶.

Разумеется, преувеличивать значение этого гражданского суверенитета не приходится; его ограничение существовавшей бок о бок и над полисом тиранией было очевидно. Тем не менее сам факт продолжающегося существования гражданской общины с собственными представительными органами очень важен, ибо он заставляет говорить о существовании, более того, о взаимодействии двух противоположных политических начал — полисно-республиканского и монархического, — и, стало быть, исключает возможность односторонней отрицательной оценки режима Дионисия как сугубой тирании.

Ю. Б. НИРКИН
МИФОЛОГИЯ МЕЛЬКАРТА

В жизни финикийцев, как и всех других народов древности, религия играла очень большую роль. Открытие в Угарите религиозных и мифологических текстов XIV—XIII вв. до н. э.

невозможность именью ссылкою на то, что фруархи были уполномоченными тирана, а не сиракузскими магистратами, упоминания о которых следовало ожидать; Ниже же первым предложил вариант с триерархами (*Niese B. Op. cit* — *«Hermes»*, XXXIX, S. 131). Возвращение к варианту с фруархами у Белоха — *GG²*, III, 2, с. 203 сл.; новые возражения ему — *Strohacker K. F.*, I. c.

¹⁶ См.: *Tudeer L. Die Tetradrachmienprägung von Syrakus. — «Zeitschrift*

дало нам представление о религии этого времени. К сожалению, подобных текстов, относящихся к другим центрам и более позднему времени, не сохранилось. В нашем распоряжении имеется только сравнительно небольшое количество надписей, остатки финикийских мифов, воспроизведенные античными авторами, да указания монет и фигуративных памятников, которых тоже немного. Обычна идентификация финикийских и греко-римских божеств. Это, с одной стороны, облегчает установление сущности того или иного финикийского божества, но, с другой, делает подчас трудным выяснение, идет ли речь о персонаже финикийского или чисто греческого или римского культа. Поэтому ни в одной области истории финикийской культуры нет столько неопределенностей и гипотез, иногда совершение недоказуемых, сколько в истории финикийской религии железного века. Это относится и к культу Мелькарта, бога-покровителя Тира.

Тирские мореходы обошли весь бассейн Средиземного моря и вышли в Атлантический океан. В Африке, Сицилии, Сардинии, Испании возникают колонии Тира. Колонисты вступают в многообразные связи с окружающим населением и передают ему, в частности, некоторые элементы своей культуры, в том числе и религиозные представления. Финикийские культуры оказывают значительное влияние на культуры других народов Средиземноморья, не исключая греков, этрусков и римлян. И при этом особо выделяется культ главного тирского бога Мелькарта, которого греки отождествляли с Гераклом, а римляне — с Геркулесом. Храм этого бога в Гадесе, тирской колонии в Испании, был одним из самых знаменитых святыни древности, и слава его распространялась по всему Средиземноморью. Возникув, видимо, в конце II тыс. до н. э., он существовал до самого конца язычества. Последние сведения о нем относятся к концу IV в. н. э.

Все это привлекает особое внимание к культу Мелькарта-Геракла. Различным аспектам этого культа и его истории посвящено несколько интересных, хотя в некоторых случаях и дискуссионных, работ¹. Однако гораздо меньше, чем того

¹ Für Numismatik», Bd. XXX, 1913, С. 63 сл.; см. также: *Béloch K. J.*, GG², III, I, S. 52; 2, S. 195; *Stroheker K. F.* Op. cit., S. 149, 165; *Berue H.* Op. cit., I, S. 237, 240.

¹ *Preisendanz K. Melkart*, RE, SpBd. III, 1935, стлб. 293—297; *Dussaud R. Melqart*, «*Syria*», t. XIV, 1946—1948, p. 205—230; *Garcia y Bellido A. Hercules Caditanus*. — AEArg. t. XXXV, 1963, p. 70—153; *Van Berchem D. Sanctuaires d'Hercule-Melqart*, — «*Syria*», t. XLIII, p. 73—109, 307—338.

заслуживают, изучаются мифы об этом боге. Это объясняется, в основном, тем, что собственно памятников финикийской литературы, как уже отмечалось, практически не сохранилось. Но нам кажется, что и имеющийся материал (пересказы античных писателей) все же позволяет определить наличие мифологического цикла, связанного с Мелькартом. В настоящей статье мы и ставим перед собой задачу выяснить содержание этого цикла.

О рождении Мелькарта сохранились очень скучные упоминания греческих и римских авторов. Филон Библский (у Euseb. Praep. ev. 1, 10, 27) мимоходом отмечает, что Мелькарт (он же Геракл, прибавляет греческий автор) был сыном Демаруса, которого он же отождествляет с Зевсом (там же, 1, 10, 31, спр. 1, 10, 19, где говорится, что Демарус был сыном Эла, т. е. Крона). Если раньше сообщение Филона об использовании им финикийского оригинала Санхуннатона, мудреца времени Троянской войны, вызывало сомнения, то теперь в принципе его принимают, ибо открытие угаритских текстов наглядно показало существование обширной финикийской литературы II тыс. В произведении Филона имеются как греческие черты, внесенные автором греко-римского времени, так и собственно финикийские, причем к последним относится упоминание Мелькарта².

Вторично указание на это божество мы встречаем у Цицерона (de nat deor., III, 16, 42), который упоминает среди нескользких Геркулесов и сына Юпитера и Астерии, которого более всего почитают в Тире. В Астерии, матери тирского Геркулеса, обычно видят Астарту³. Сохранился интересный барельеф, найденный в Тире, на котором изображена больная женщина, видимо роженица, внизу лань, кормящая ребенка, к которому ползет змея, и здесь же орел и воспламененное дерево, обвитое змеей⁴. То, что перед нами сцена рождения Мелькарта, несомненно. О священной оливе, любеги которой лижут языки пламени, говорит Ахилл Татий, упоминая о святилище в Тире (II, 14). Интересный эпизод содержится в поздней поэме Нонна «Дионисиака» (XL, 469—500): Геракл по-

² Eissfeldt O. Das Schanira und Sanchunjaton, Halle (Saale), 1939, p. 67—71; Гринцер П. А. Две эпохи литературных связей. — В кн.: Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. М., 1971, с. 26.

³ Baudissin W. W. Adonis und Esman. Leipzig, 1911, с. 307; Gsell S. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord, t. IV, P., 1924, p. 251, прим. 2.

⁴ Seyrig H. Les grands dieux de Tyre à l'époque grecque et romaine. — «Syria», I. XL, p. 23—24; табл. II, p. 1.

требовал переправиться на блуждающие острова, и там люди должны увидеть огромную оливу, на вершине которой сидит орел; само дерево охвачено огнем, пожирающим все вокруг, но не трогающим его; вокруг ствола обвилась змея, с угрозами ползущая к орлу; надо принести орла в жертву Посейдону, Зевсу и блаженным, и тогда скалы перестанут блуждать, и на них надо будет основать город (т. е. Тир). Подробное исследование этой книги поэмы показало, что основным источником повествования греческого поэта в данном случае является местное финикийское предание⁵. Следовательно, финикийский Геракл, божественный основатель Тира, не кто иной, как Мелькарт. Таким образом, изображенное на рельефе пламенеющее дерево, обвитое змеей, и орел имеют прямое отношение к культу Мелькарта. Возможно, что в римское время (а рельеф относится именно к этому времени) орел мог смешиваться с атрибутами Зевса—Юпитера, отца тирского бога⁶. Итак, первая нами сцена рождения Мелькарта Астартой.

Таким образом, можно быть уверенным в том, что финикийцы, по крайней мере, тирийцы, считали Мелькарта сыном Демаруса и Астарты. Они явно, судя по барельефу, почитали его рождение. Однако еще больше отмечалась почитателями смерть и воскрешение Мелькарта. Евдокс Книдский (у Ath. IX, 47, 392) рассказывает, со слов финикийцев, что Геракл, сын Астерии и Зевса, был убит в Ливии Тифоном и воскрешен Иолаем, давшим ему понюхать занах перелела. Указывая на происхождение героя, автор ясно дает понять, что речь идет не о фиванском Геракле, сыне Зевса и Алимены, а о тирском. К этому же тексту Евдокса восходит и рассказ Зиновия (Cent. V, 56), где недвусмысленно упоминается Геракл Тирский. Сохранился след сказания о его смерти в огне, причем локализуется это событие в самом Тире (Ps. Clem. Recogn., 10, 24). Намек на подобный тирский миф содержится и у Дионисия (Dionys., XL, 58), где говорится о Геракле, уничтожившем в огне старость и принявшем из огня юность. По Менандру Эфесскому (у Ios. Ant. VIII, 5, 3 и contra App. I, 18), при царе Хираме I (X в. до н. э.) в Тире стали отмечать праздник «пробуждения» Геракла в месяце перитии, т. е. в феврале—марте. Этот миф имел и вариант, по которому смерть (вероятно, и «пробуждение») Мелькарта локализуется на западе, в Испании. Так, Саллюстий, ссылаясь на афров, т. е., вероятнее всего,

⁵ Eissfeldt O. Указ. соч., с. 128—151.

⁶ Seyrig H. Указ. соч., с. 24.

африканских финикийцев, упоминает о гибели Геркулеса в Испании (Jug. 18,3). По словам Мелы (III, 46), в гадитанском храме находилась могила этого бога. Туманный намек Павсания (IX, 4, 6) позволяет говорить о празднике смерти и воскрешения Мелькарта в Гадесе. Во время этого праздника из города изгоняли всех иностранцев и сжигали изображение бога, сидящего на гиппокампе⁷. Может быть, с этим же связано и странное сообщение Филострата, что гадитане, единственные из людей, воспеваю смерть (Apoll. Tuap. V, 4).

Это сказание рисует образ гибнущего и возрождающегося бога подобно библскому Адонису, месопотамскому Таммузу или египетскому Осирису, с которым его связывает и имя убийцы⁸. Перед нами божество, олицетворяющее умирающую и возрождающуюся растительность. Недаром праздник его «пробуждения» отмечался весной, в момент прекращения зимних дождей и появления первых почек⁹.

Но кто убил Мелькарта, какой персонаж финикийской мифологии скрывается под греческим именем Тифона? С Тифоном греческие авторы обычно отождествляли египетского бога Сета, убийцу Осириса. Это отождествление встречается уже у Геродота (II, 144). В египетской религии Сет рассматривался сначала как бог восточного рукава нильской дельты, затем — восточной границы Египта и, наконец, как бог иностранцев и восточной пустыни. Он олицетворяет солнечный зной, губительный для жизни¹⁰. Видимо, он был богом-скотоводом в противоположность богу земледельцев «черной земли» — Египта. Подобные черты встречаются и у Мота, который в угаритских мифах выступает как бог смерти и противник Баала. Его царство называется страной пастбищ, прекрасным лугом, полем львов Мамету (1^{xAB}, VI, 6—7; 29—30). Оно противопоставляется земле Баала, земледельческого бога умирающей и воскресающей растительности. Как Сет издавна был богом неногоды и ветра, дующего из пустыни и губящего все живое¹¹, так и Мот предстает владыкой засухи и пустыни¹². Правда, в египетских текстах Сет отождествляется именно с Баалом, а не с его врагом¹³, но это, по-видимому, объяс-

⁷ Frazer J. G. The golden bough, p. IV, v. I, L., 1922, p. 113.

⁸ Cp. Preisendanz K. Указ. соч., с. 295.

⁹ Dussaud R. Указ. соч., с. 207; Garcia y Bellido A. Указ. соч., с. 72.

¹⁰ Kees. Seth, RE, Hbd IV A, 1921, стлб. 1905—1907, 1909—1911.

¹¹ Там же, стлб. 1909.

¹² Eissfeldt O. Kanaanäisch-ugaritische Religion. — In: Handbuch der Orientalistik, I Abt., Lief. 1, Leiden, 1964, p. 85.

¹³ Kees. Указ. соч., стлб. 1897, 1907.

няется тем, что Сет считался эквивалентом вообще каждого азиатского бога¹⁴, и, следовательно, с принятием в египетский пантеон Баала его должны были отождествлять именно с Сетом, несмотря на различие между ними. Если наши рассуждения верны, то Тифон, убивший Мелькарта, не кто иной, как финикийский вариант Сета—Мот.

Так как финикийцы рассказывали о рождении и смерти Мелькарта, то должны были существовать и сказания о событиях его «земной жизни», состоявшихся между появлением на свет и тибелью. Отождествление с Гераклом подсказывает, что этот промежуток «биографии» бога был заполнен походами и подвигами. Об этих подвигах античные авторы молчат, и можно только гадать или путем сложных сопоставлений выяснить, какое из деяний греческого героя имеет в своей основе финикийский миф. Однако обратим внимание на описание ворот гадитанского Гераклейона, данное Силием Италиком. Д. ван Берхем справедливо отмечает, что храм в Гадесе был в I в. н. э., во времена Силия Италика, слишком известен, чтобы даже такой поэт, как он, мог позволить себе фантастические утверждения¹⁵. Поэтому рассмотрим внимательно те изображения, которые, по словам поэта, украшали ворота святилища Геркулеса.

В поэме говорится, что на воротах храма были изображены «труды Алкида», и далее они кратко перечисляются: Лернейская гидра, Немейский лев (автор его называет Клеонейским), Стигийский привратник (т. е. адский пес Кербер), фракийские кони, Эриманфский вспять, медноногий олень (Керннейская лань), поверженный Антей, Кентавр, Ахелой (Акарнанский поток) и, паконец, сожжение героя на Эте, с которой «великую душу уносит к звездам пламя» (*Sil. It. III*, 32—44).

Прежде всего бросается в глаза, что перед нами не традиционные двенадцать подвигов, а набор из десяти эпизодов «биографии», включая смерть на костре. К тому же, наряду с шестью подвигами, включаемыми в классический додекатлос, имеются четыре, которые, хотя и известны из античной литературы, в этот список не входят. А. Гарсия и Бельидо полагают, что изображения на воротах гадитанского храма были созданы до каталогизации подвигов, которая имела место, по его мнению, на рубеже VI—V вв. до н. э., и, следовательно, отражают эллинизацию святилища в VI в.¹⁶ Однако проблема

¹⁴ Там же, стлб. 1007.

¹⁵ Van Berchem. Указ. соч., с. 83.

¹⁶ Garcia y Bellido A. Указ. соч., с. 104—105.

происхождения цикла двенадцати подвигов Геракла далека от разрешения. Если М. Нильссон относит время возникновения додекатлоса к микенской эпохе¹⁷, то Ф. Броммер считает, что этот каталог был создан только во времена эллинизма¹⁸. Во всяком случае, о некоторых подвигах знает уже Гомер, хотя конкретно упоминается только увод Кербера (II. VIII, 363—369; Od. XI, 623—626). Гесиод называет ряд рожденных богами жертв Геракловой силы: Гериона (Theog. 287—294), Гесперид (Theog. 275), Кербера (Theog. 310), Лернейскую гидру (Theog. 313—315), Немейского льва (Theog. 327—333). Некоторых из этих персонажей мы встречаем в Гадесе, другие там отсутствуют. И это отсутствие весьма красноречиво.

Среди подвигов гадитанского Геркулеса мы не видим ни похищения яблок Гесперид, ни поддержки неба Атлантом, ни борьбы с Герионом. Мифы эти весьма древние, упоминаются уже Гесонидом, а оказание о похищении яблок Гесперид существовало, возможно, и в микенской Греции¹⁹. Между тем в греческой мифологии все эти события локализуются обычно на крайнем западе, т. е. в сфере гадитанской цивилизации. И особенно важно, что здесь не упоминается о борьбе героя с Герионом. Об этой борьбе рассказывает Гесиод, локализуя ее на острове Эрифии. Уже Стесихор (у Strabo III, 2, 11) связывает Гериона с Тарессом. А Эфор и Филистид (у Plin. n. h. IV, 22) Эрифию считают тем же островом, что и остров Гадеса. И было бы очень странно, если гадитанские жрецы, избрав греческий образец для украшения храма, пренебрегли теми сказаниями, которые, казалось бы, имеют непосредственное отношение к окружающей местности и, может быть, даже к самому их городу.

С другой стороны, среди сцен из «биографии» героя на гадитанских воротах встречается изображение его смерти. Этот сюжет сравнительно редко встречается в греческом изобразительном искусстве²⁰. Но зато в Гадесе, как мы видели, смерть и последующее воскресение Мельката почитались особенно, и существовало даже поверье о нахождении именно в этом городе могилы бога. Стоит обратить внимание на слова поэта, что на воротах было показано, как «душу уносит к

¹⁷ Nilsson M. The Mycenaean Origin of Greek mythology, Berkley, 1932, p. 197, 214.

¹⁸ Brommer F. Denkmälerlisten zu griechischen Heldenage, I. Marburg, 1971, S. X.

¹⁹ Гринцер П. А. Указ. соч., с. 63, прим. III.

²⁰ Brommer F. Указ. соч., с 147.

«звездам пламя». Вероятно, здесь была представлена поднимающаяся из пламени фигура героя. Вспомним, что, по Нонну, Геракл уничтожал в огне старость и принимал из огня юность. Вероятно, в описываемой Силием Италиком сцене и показывалось, как из огня поднимался обновленный бог.

Все сказанное приводит нас к мысли, что на воротах Гераклеона в Гадесе были не изображения греческих мифов, а воспроизведения финикийских сказаний о Мелькарте. Конечно, нельзя полностью исключить влияние эллинской мифологии и искусства. Но и в таком случае избирались только те сюжеты, которые аналогичны темам подвигов и страданий Мелькарта (независимо от того, существовал ли уже канонизированный список додекатлоса или нет).

Из подвигов Мелькарта поэт на первом месте называет борьбу с Лернейской гидрой (точнее, была представлена уже поверженная гидра с отрубленными зменими головами)²¹. Тема борьбы героев с чудовищными змеями и драконами была широко распространена в мифологии как Греции, так и Востока. На месопотамских печатях мы находим изображение борьбы героя, одного или с товарищем, с пятиголовой змеей или семиголовым драконом, на спине которого горят шесть языков пламени, что напоминает о победе Геракла, уничтожившего чудовище с помощью Иолая, прижигавшего шеи гидры, чтобы у нее не отрасли новые головы²². Шумерский Гильгамеш сражается со змеей, притаившейся в корнях могучей ивы, посаженной богиней Инанной²³. В Библии сохранились упоминания о борьбе бога со страшным змием Ливиафом (Jes. XXVII, 1; Ps. LXXIV, 14). Очень важно, что в угаритской поэме о Баале рассказывается, что этот бог поразил Ltn, приносящего злого змия, властелина с семью головами (IxAB, I—3; V AB, D, 38—39). Встречается этот сюжет и в сказаниях других народов²⁴. Таким образом, миф о борьбе бога или героя с драконом или змеей или чем-то подобным не стоит одиноко, в том числе и в ханаанской мифологии, и поэтому вполне возможно, что тирскому Мелькарту, как и угаритскому Баалу, приписывалась такая борьба.

²¹ Надо заметить, что во всех перечислениях двенадцати подвигов Геракла при всех их различиях борьба с гидрой всегда находится на втором месте после Немейского льва. (Gruppe O. Herakles, RE, SpBd. III, 1918, стб. 1021—1022).

²² Jairazbhoy P. Oriental influences in Western Art. L., 1965, p. 174—175. Афанасьева В. К. Одна шумерская песня о Гильгамеше и ее иллюстрация в глиптике. — ВДИ, 1962, № 1, с. 76—77.

Гринцер П. А. Указ. соч., с. 27.

Что касается второго подвига Мелькарта, борьбы со львом, то эта тема также широко представлена в сказаниях различных народов. В «Эпосе о Гильгамеше» («О все видавшем») подобные деяния приписываются и Энкиду (II, III, 28—32), самому Гильгамешу (IX, 1, 14—18)²⁵. Можно вспомнить и знаменитого библейского Самсона (Iud. XIV, 6). В рассказе о Баале не встречается описания такого сражения, но владения бога смерти Мота, врата Баала, постоянно называются полем львов Мамету (IxAB, VI, 7). Лев здесь, видимо, предстает как существо, враждебное Баалу. На двух серебряных чашах, найденных на Кипре, в финикийском Китии, изображена борьба бородатого персонажа со львом и безбородого с грифоном. На одной чаше борец со львом был представлен в египетском виде, на другой — в месопотамском, что характерно для финикийского искусства, в котором перекрецивались египетские и ассирио-аввилонские влияния. В бородатом герое надо признать Мелькарта, а его спутника обычно считают Эшмуном²⁶. Изображение воина, сражающегося при поддержке грифона со львом мы видим на пластине из слоновой кости, найденной в южной Испании около Кармона²⁷. Поскольку Китий долгое время подчинялся Тиру, а кармонская пластина была создана, скорее всего, испано-финикийским резчиком, ведущим свое происхождение от тирийцев (финикийские колонии в Испании имели своей метрополией Тир), то эти памятники дают прямое свидетельство тирского мифа о борьбе Мелькарта со львом.

Третьим деянием бога, изображенным на воротах, была победа над адским псом Кербером. Точных параллелей такому событию мы пока не находим в восточной литературе. Однако тема спуска божества или героя в подземный мир и тема борьбы с существами этого мира встречается повсеместно. Через море смерти в жилище бессмертного Утиалишти направляется Гильгамеш (IX, IV, 2—11). Несомненно, что в подземном мире должны были побывать умершие и воскресшие боги, как Таммуз и Адонис. То же самое относится и к Баалу. Мот погубил этого бога, но тот затем воскрес. А далее рассказывается о борьбе Баала и Мота. В нее вмешивается богиня солнца Шапаш, заставившая Мота окончательно покориться (I AB, VI, 16—32). По словам Силия Италика, в этой

²⁵ Мы следуем интерпретации и переводу этой поэмы Н. М. Дьяконовым («Эпос о Гильгамеше (О все видавшем)». М.—Л., 1961).

²⁶ Baudissin W. W. Указ. соч., с. 296—298. табл. VII и VIII.

²⁷ Blanco Freijeiro A. Orientalia II, AEArg, t. 33, 1960, p. 13.

сцене присутствует Мегера, боящаяся цепей. Не мог ли римский автор или его источник принять за Мегеру фигуру богини солнца? Античный Кербер всегда изображался в виде пса, иногда даже многоголового и многотелого²⁸. На одной из китайских чаш виден бородатый человек, в котором, как только что было сказано, признается Мелькарт, несущий на плечах пса²⁹.

Среди других подвигов Мелькарта была изображена и борьба с великаном Антеем. Тема борьбы с тигантами широко представлена на Востоке. Это и убийство страшного Хумбабы Гильгамешем и Энкиду (Эпос о Гильгамеше, V), и победа юного Давида над великаном Голиафом (I Sam. XVII, 40—51). Можно найти параллели и к некоторым другим победам тирского бога. Ахелой в эллинистическую и римскую эпоху изображался в виде быка с человеческой головой³⁰. Нечто подобное должно было быть и на воротах храма. Похожие изображения известны и в восточном искусстве, например, на передке арфы, найденной в царской могиле в Уре, представлен персонаж, борющийся с двумя быками с человеческими лицами³¹. Гадитанский Гераклес сражался с вепрем. Египтяне рассказывали о борьбе Гора с Сетом, причем последний выступал в виде черного борова³². Неудивительно и появление оленя среди фигур, связанных с Мелькартом, ибо лань была связана с культом этого божества: она кормила божественного младенца на рельфе со сценой рождения Мелькарта. И хотя другие сюжеты пока еще не имеют точных или близких аналогий, все же приведенных достаточно для утверждения, что подвиги Мелькарта находятся целиком в сфере древневосточных мифологических представлений.

Каков же смысл тех эпизодов, которые были представлены на воротах гадитанского Гераклейона? В греческой мифологии (у Гесиода) Кербер, Лернейская гидра и Немейский лев считаются детьми Ехидны и Тифона (Theog., 306—332), чудовищ, связанных со страшными хтоническими силами. Подобные идеи должны были быть и у финикийцев. В финикийском мире змеи символизировали водный поток, пробиваю-

²⁸ Eitrem. Kerberos, RE, HIBd, 21, 1921, стб. 272, 276.

²⁹ Baudissin W. W. Указ. соч., табл. VIII.

³⁰ Wentzel G. Acheloos, RE. Bd. I, стб. 216.

³¹ Флитнер Н. Д. Искусство Двуречья и соседних стран, Л.—М., 1958, с. 121 и рис. на с. 125.

³² Picard-Schmitter M. Th. Bétyles Hellénistiques. — «Monuments et Mémoires», t. 57, 1971, p. 68—69.

щийся из земли³³. В представлениях многих народов собака была связана со смертью как образ души умершего. По-видимому, борьба Мелькарта с Гидрой, львом и Кербером изображала в мифологическом виде борьбу с тремя проявлениями хтонических сил: выходящими из земли водами, наземными чудовищами (представлены львом) и страшными порождениями подземного царства. Следующие три подвига Мелькарта, по существу, повторяют те же мотивы. Кони связаны с загробным миром у греков, этрусков и во всем Средиземноморье³⁴; олень был водным символом³⁵; кабан мог воплощать наземные силы. Наконец, та же сущность была, по-видимому, и у остальных трех жертв Мелькарта: великан, кентавры (точнее, какие-то существа, принятые римским автором за кентавров), человекоголовый бык. В месопотамском эпосе великан Хумбаба неразрывен с выросшим из земли кедром (эпос о Гильгамеше V). Бык у многих народов воплощает неудержимый водный поток. «Кентавры», какие-то существа, подобные коням, как и те, возможно, имели связи с миром смерти.

Таким образом, представляется, что в изображениях на воротах Гераклейона в Гадесе перед нами трижды повторенные аналогичные мотивы борьбы бога с темными порождениями хтонических сил. Троекратное повторение одного и того же, как известно, имеет всегда большое значение в фольклоре различных народов; оно как бы утверждает, упрочивает особую значимость события. Это видно, например, в библейском рассказе о патриархах: три было патриарха (Авраам, Исаак и Иаков), и всем трем бог обещал сделать их род многочисленным, а землю, где они живут, отдать во владение их потомкам (Gen. XVII, 1—8; XXVI, 3—5; XXVIII, 13—15). Интересно также, что первое обещание дал бог Аврааму, когда тому было 99 лет, т. е. число, кратное трем. Вероятнее всего, что и при изложении Мелькартовых деяний троекратное повторение одного и того же в разных формах должно было усилить и утвердить значение его трудов. И следующее, десятое, событие — смерть и воскрешение Мелькарта. Оно воспринимается как заключительный триумф всей его многотрудной жизни, заполненной борьбой с чудовищами земли, водной стихии и

³³ Baudissin W. W. Указ. соч., с. 325—339.

³⁴ Fitrem. Указ. соч., стлб. 274.

³⁵ Колобова К. М. Из истории раннегреческого общества. Л., 1951, с. 52—65; Blázquez J. M. Caballos en el infierno etrusco. — «Amurias», t. XIX—XX, 1957—1958, с. 67.

³⁶ Bayet J. Les origines de l'Hercule Romain. P., 1926, p. 112—113.

подземного мира. Всем им Мелькарт противостоит как светлое начало.

Такие мифы должны были относиться к божеству, связанному с солнцем. Подвиги Мелькарта напоминают деяния Гильгамеша и частично Самсона. А солнечный характер этих персонажей несомненен³⁷. Гибель и возрождение тирского бога связывается с огнем (Нонн называет его даже човелителем огия — *Dionys. XL*, 369), и этот огонь может рассматриваться как воплощение солнечного. Несомненный солярный характер придает тирскому Гераклу Нонн, называя его Гелиосом, настырем человеческой жизни, скачущим по всему небу сверкающим диском, ведущим круг за кругом двенадцатимесячный год (*Dionys. XL*, 370—374). Однако трудно сказать, в какой степени Нонн деформировал древнее финикийское предание в духе позднеантичного синкретизма. Но обратим внимание на легенду, рассказалую Макробием, о неудачной попытке нападения царя Ближней Испании Ферона на Гадес (*Saturn. I*, 20, 12). Там говорится о сожжении царских кораблей лучами, подобными солнечным, и о явлении львов на носах гадитанских судов. А. Шультен, исследовавший этот рассказ, убедительно доказал, что упоминаемая в нем Ближняя Испания не римская *Hispania Citerior*, а греческая η πλησιότερος Ίβηρια (близлежащая Иберия), название которой было неправильно понято Макробием или его непосредственным источником³⁸. Все симпатии автора этого рассказа на стороне гадитан, и можно быть уверенным, что по своему происхождению легенда — финикийская³⁹. Спасение Гадеса естественно надо ожидать от бога-покровителя города, каким был Мелькарт, тем более что непосредственной целью нападения был, по Макробию, именно храм Геркулеса, и сам Макробий вставил это повествование в рассуждение о Геркулесе. В этой легенде содержится историческое зерно: сообщение о морской битве между гадитанами и тарессиями. Так как Тартесс пал, вероятнее всего, в самом начале V в. до н. э., то сказание о

37 О Гильгамеше как о солнечном божестве см.: Дьяконов И. М. Эпос о Гильгамеше, с. 119.

38 Солярный характер Мелькарта спорен. Решительные противники его Дюссо (Указ. соч., с. 207) и А. Сейриг (*Le culte du soleil en Syrie à l'époque romaine*. — «*Syria*», t. XLVIII, 1971, p. 356). Осторожен в этом отношении К. Прайзендац (Указ. соч., стлб. 296). Но есть и сторонники такого взгляда (KAI, II, p. 53; *García y Bellido A.* Указ. соч., с. 73).

39 *Schulzen A. Tartessos. Hamburg*, 1950, p. 38.

40 Афман В. Возникновение Карфагенской державы. М.—Л., 1963, с. 50.

помощи бога своему городу возникло не позже этого времени. Следовательно, Мелькарт имел частично солнечный характер уже в первой половине 1 тыс. до н. э.

Имя Мелькарта обычно считают стяженной формой *Melek qaqf* и переводят «царь города», подразумевая под этим городом Тир⁴¹. Двуязычное (финикийско-греческое) посвящение этому богу, найденное на Мальте, сделанное братьями тирийцами, называет бога «владыкой Тира» — Баал Цор (KAI 47). Перед нами один из местных «владык», баалов, каких было много в финикийской религии, как Баал Цидон («владыка Сидона»), Баалат Гебал («владычица Библа»)⁴². В образах этих «владык» финикийцы олицетворяли все ценное и желанное данным городом, племенем, общественной группой⁴³. Однако когда мы обращаемся к мифам, о которых говорилось выше, то не можем не заметить, что они относятся только к аграрному и солярному аспектам Мелькарта. Эти мифы принаследуют более древнему слою тирской мифологии, когда город, видимо, не приобрел еще значение как морской и торговый центр, метрополия многочисленных колоний, производитель пурпурного. Мифы, связанные с этими сторонами жизни Тира, должны быть моложе рассмотренных.

Далекие экспедиции тирских мореходов отразились, вероятно, в мифах о походах Мелькарта. К сожалению, от этих мифов почти ничего не сохранилось. Только у Саллюстия (Jug. 18, 2—3), ссылающегося при этом на афров, т. е., по-видимому, на африканских финикийцев, есть упоминание о походе Геркулеса в Испанию, где он и погиб, а его разноплеменное войско распалось, и часть его переправилась в Африку. Разумеется, здесь идет речь о финикийском Геркулесе-Мелькарте. Существовали ли рассказы о походах Мелькарта в непосредственной близости от Тира, предшествующие перенесению его деяний в далекие страны, неизвестно. Можно лишь полагать, что сказания о далеких путешествиях возникли с развитием одиссеи тирской колонизации⁴⁴.

Характерно, что в той мальтийской надписи, в которой в

⁴¹ Например, *Preisendanz K.* Указ. соч., стлб. 293.

⁴² KAI, II, р. 88.

⁴³ *Leslie E. Old Testament Religion in the Canaanite Background.* N.Y. — Chicago, 1936, р. 24.

⁴⁴ Мы не будем рассматривать вопрос, в какой степени в эллинистических преданиях о походах Геракла отразились финикийские влияния, и можно ли говорить о финикийской основе в сообщениях Диодора о египетском Геракле.

финикийской части Мелькарт именуется баалом Тира, в греческой этому титулу соответствует «архегет». Архегет, предводитель — такой эпитет хорошо подходит богу, покровителю далеких переходов и основания колоний. В греческой мифологии такую роль играл Аполлон (ср. Thuc. VI, 3 и Pind. Pith. V, 60—61, где этому богу придается такой эпитет именно в связи с колонизацией: основанием Наксоса в одном случае и Кирены в другом). У Элия Аристида (Ог. 27,5) мы находим даже рассуждение о различии между функциями Аполлона как экзегета и архегета: в последнем случае он выступает как непосредственный ойкист, а в первом — как посылающий других создавать новые города⁴⁵. Таким образом, Мелькарт-архегет выступает как руководитель колонизации. В связи с этим вспоминается рассказ об основании Гадеса (Strabo III, 5, 5), где говорится о посылке колонизационной экспедиции по велению оракула. Источником этого рассказа является, как пишет Страбон, гадитанское повествование. Видимо, существовал какой-то миф об основании Гадеса, в котором значительная роль приписывалась приказу оракула Мелькарта.

Будучи баалом Тира, Мелькарт не мог не приобрести и черт морского божества. Это, в частности, отразилось в мифе об основании Тира, как он изложен Нонном (Dionys. XL, 443—534). Здесь рассказывается, что Геракл призывает основателей материкового Тира построить корабль и, переправившись на ближдающие в море Амбродийские скалы и принеся там жертву, остановить скалы и построить на них город. Этот призыв был выполнен, и на островах возник собственно Тир. Строители корабля пользовались в качестве образца рыбой навтил, представленной им Гераклом⁴⁶.

В связи с этим возникает проблема взаимоотношений Мелькарта с греческим Меликертом, одним из второстепенных морских божеств Эллады, ранее сыном смертной женщины Ино, которая бросилась в море с младенцем на руках. Оба превратились в морских божеств: Ино в Левкотею, а Меликерт — в Палемона (Apollod. III, 4, 3; Ovid. Met. IV, 512 сл.).

⁴⁵ Lombardo M. Le concezioni degli antichi sul ruolo degli oracoli nella colonizzazione greca. — «Annali della Scuola normale superiore di Pisa», Classe di lettere e filosofia, serie III, vol. II, 1, 1972, p. 69—70.

Возможно, этот миф существовал уже по крайней мере в V в. до н. э., так как тирские жрецы рассказывали Геродоту (II, 44) об основании храма Мелькарта-Геракла одновременно с городом. Впрочем, существовало и параллельное сказание, связывающее возникновение Тира с Гипсуром и Узоем. (Eus. Praep. Ev. I, 10, 10).

Ранее признавалось тождество образов Мелькарта и Меликерта⁴⁷. Позже это мнение категорически отвергалось⁴⁸, а в последнее время вновь стало защищаться⁴⁹. Ино в греческом мифе считалась щечерью финикийца Кадма (уже у Гомера — Od V, 333—334). Возможно, что Ино — культовое имя богини Илифии, во всяком случае в греческой литературе эти два имени иногда относятся к одному образу⁵⁰. По Страбону (V, 2, 8), в этрусском городе Пиргах имелось очень древнее святилище Илифии. Раскопки, проведенные здесь, дали фрагменты греческой керамики с выцарапанным на них именем Ино, а позже — знаменитые золотые таблички с финикийской и двумя этрусскими надписями, в которых встречается отождествление этрусской богини Уни с Астартой⁵¹. Можно считать, таким образом, что Ино-Левкотея-Илифия также, по крайней мере, на Западе, идентифицировалась с этой финикийской богиней. Астарта же, как мы видели, считалась матерью Мелькарта. Итак, оба божества, Мелькарт и Меликерт, были рождены одной и той же богиней: Илифией-Ино-Левкотеей-Уни-Астартой.

С Меликертом был связан дельфин; именно он подхватил падающего в море ребенка. Меликерт на дельфине изображается на коринфских монетах⁵². Этот же морской зверь появляется на самых ранних монетах Тира (450—400 г. до н. э.). На тирских монетах следующего десятилетия мы видим Мелькарта, мчащегося на гиплокампе, а внизу, под двойной линией волн, — дельфина⁵³. В чеканке Гадеса также появляется дельфин⁵⁴.

Надо обратить внимание на еще одно важное обстоятельство. Меликерт становится морским божеством под именем Палемона. Но Палемон — один из эпитетов Геракла (Hesych. v. Παλαιμών). Существовал также миф о рождении Палемона от Геракла и ядовы Антея (Pherekid. fr. 33e, FHG 1,

⁴⁷ Stoll. *Melikertes*, ML, Bd. V, стлб. 2633—2634; Meyer E. *Melqart*, ML, Bd. V, стлб. 2652.

⁴⁸ Например, Dussaud R. Указ. соч., с. 210.

⁴⁹ Astur M. *Hellenosemitika*. Leiden, 1967, p. 209—211.

⁵⁰ Pfiffig A. *J. Uni-Hera-Astarte*. Wien, 1965, p. 51.

⁵¹ Majuri. *Scavi nel santuario etrusco di Pirgi*. — «Archeologia classica», t. XVI, 1964, p. 49—117.

⁵² Stoll. Указ. соч., стлб. 2634.

⁵³ Baramki D. *The coins exhibited in the Archaeological Museum of the American University of Beirut*. Beirut, 1968, p. 25.

⁵⁴ Vives y Escudero A. *La moneda Hispánica*. Madrid, 1924, t. 1, p. 52—53; t. III, p. 8.

80). Следовательно, этот бог включается в Гераклов мифологический цикл, хотя первоначально он, по-видимому, с ним не был связан. Возможно, после появления устойчивого отождествления Геракла с Мелькартом мифы о Меликерте соединяются со сказаниями о Геракле.

Поэтому можно полагать, что греческая сага о Меликерте воспроизводит (возможно, частично в измененном виде) финикийские рассказы о Мелькарте. Если это так, то перед нами еще один (третий) вариант предания о гибели и возрождении тирского бога. Каждый вариант связан с одним аспектом его культа: убийство Тифоном и воскрешение при помощи запаха прилетающих весной перепелов — аграрным, смерть и возрождение в огне — солнечным, гибель и апофеоз в водной пучине — морским.

Своему владыке тирийцы приписывали и открытие пурпурра, игравшего столь важную роль в экономике их города. Этот миф передан Поллуксом (Опом, I, 45 сл.; также Nonn. Dionys. 305). По его словам, во время охоты Геракла около Тира его собака, раскусив пурпурную раковину, окрасила красным цветом пасть, а восхищенная красотой краски возлюбленная героя нимфа Тир (и в греческом и в финикийском языках город женского рода) убедила Геракла окрасить свою одежду, что и привело к открытию пурпурной окраски⁵⁵.

Итак, можно прийти к следующим выводам. В мифах о Мелькарте выделяются два слоя. Первый из них, более древний, относится к Мелькарту как аграрному и солярному божеству. То, что земледелие играло в Тире значительную роль, несомненно; оно отмечено еще во II тыс. до н. э., существовало и в I тыс.⁵⁶. В этих древних сказаниях тирский бог предстает перед нами как воплощение умирающей и воскресающей природы, как символ закатающегося и поднимающегося в огненной заре солнца, как герой, освобождающий землю от темных порождений хтонических сил.

Ко второму слою относятся мифы, связанные с покровительством дальним походам, с морскими функциями бога, с открытием пурпурра. Когда возник этот слой сказаний? Ответ во многом зависит от решения вопроса о начале заморской экспедиции Тира. По преданию, древнейшие тирские колонии на крайнем Западе появились уже в конце II тыс., в XII в. до н. э. (Plin. n. h. XIX, 63; Vel. Pat. I, 2, 3; Mela III, 46).

⁵⁵ Ср. Achill. Tat. II. 2.

⁵⁶ Шифлан Н. Ш. Указ. соч., с. 9.

Однако многие современные исследователи отвергают столь высокую датировку. Сейчас невозможно обсуждать данный вопрос, хотя нам представляются даты, сообщенные античными авторами, приемлемыми. С другой стороны, идентификация Мелькарта и Геракла произошла, по-видимому, на Кипре, где существовали, тесно соприкасаясь друг с другом, финикийская и греческая культуры, не позже VI в. до н. э.⁵⁷. Если же в сказании о Меликерте воспроизведен в той или иной форме миф о Мелькарте, то это воспроизведение должно было произойти до отождествления финикийского божества с сыном Алкмены, ибо позже ни с каким другим персонажем эллинской мифологии Мелькарт не связывался. Впрочем, возникновение саги о Меликерте надо отнести и к еще более древнему времени. Его кульп связан с Истмом, где в его честь устраивались Истмийские игры (Apollod., III, 4, 3), и с Беотией, в которой царствовал его отец Амафант, родиной его матери Ино, дочери финикийца Кадма, основателя беотийских Фив (Apollod. I, 9, 1; III, 4, 1—3). Из этих областей вторая в микенскую эпоху была связана с Востоком, в том числе с Финикией, как доказывает находка более трех десятков восточных лазуритовых цилиндров во втором дворце фиванской Кадмы⁵⁸. Эти связи предшествовали разрушению Фив в XII—нач. XI вв. до н. э.⁵⁹. Это было также время греко-финикийских контактов в языковой и литературной сферах⁶⁰. То, что у Гомера (Od. 333—335) упоминается богиня Левкотея, бывшая ранее смертной женщиной Ино, может говорить и о том, что в гомеровское время был известен и весь миф, включая и сообщение о прыжке Ино в море с Меликертом на руках⁶¹. Все эти рассуждения приводят нас к мысли, что сказание о Меликерте появилось в Греции в микенскую эпоху. Отсюда естественен вывод, что и миф о Мелькарте, связанный с его функциями морского божества, уже существовал, по крайней мере, во второй половине II тыс. до н. э.

Приблизительно к этому же времени должно относиться и предание об этом боге, относящееся к открытию пурпуря. Уже

⁵⁷ Dussaud R. Указ. соч., с. 216—222.

⁵⁸ Колобова К. М. Находки цилиндров—печатей в Фивах и спор о Кадме. — ВДИ, 1970, № 2, с. III—IV, III8.

⁵⁹ Она же. К вопросу о возникновении Афинского государства. — ВДИ, 1968, № 4, с. 42.

⁶⁰ Шифман И. Ш. Указ. соч., с. 13—14; Гринцер Н. А. Указ. соч., с. 12—45.

⁶¹ Lesky. Melikertes, RE, HIBd, 21, 1931, стлб. 517—518.

в X в. до н. э., если верить Библии (II Chron. IX, 14), Тир славился мастерами, изготавливающими пурпурную краску и окрашивающими ею одежды. А вообще использование пурпурра было известно финикийцам уже в середине II тыс. до н. э.⁶².

Итак, второй, более молодой слой цикла тирских мифов о Мелькарте возникает не позже второй половины II тыс. Когда появился первый пласт этого мифологического круга, определить трудно. Можно думать, что он приблизительно современен возникновению самого города — не позже первой половины III тыс.⁶³. Недаром жрецы тирского храма Мелькарта рассказывали Геродоту об основании храма одновременно с городом (Нег. 11, 44).

Мы ограничились в данной статье изложением тех мифов, в которых под эллинским или латинским именем несомненно или очень вероятно выступало тирское божество. При этом мы сосредоточили внимание на мифологии, совершенно или почти не касаясь других очень важных сторон культа Мелькарта.

⁶² A History of Technology, v. I. Oxford, 1956, p. 247.

⁶³ О времени возникновения Тира см.: Шифман И. Ш. Указ. соч., с. 8.

Часть II

АРХЕОЛОГИЯ

В. И. КАЦ, С. Ю. МОНАХОВ

АМФОРЫ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ХЕРСОНЕСА (С поселения Панское-1 в Северо-Западном Крыму)

В 1974 году Тарханкутской экспедицией ЛОИА АН СССР и Саратовского университета были завершены раскопки усадьбы № 6 на поселении Панское-1. Здание, построенное, очевидно, в конце IV в. до н. э., просуществовало относительно недолго и внезапно погибло в первой половине III в. до н. э., вероятно, ближе к началу столетия¹.

Самой массовой категорией материала на усадьбе, как это обычно бывает на поселениях античного времени, являются обломки керамической тары различных центров. Зафиксировано шесть скоплений раздавленных амфор, из которых по крайней мере два принадлежали храмилищам. Кроме того, отдельные сосуды находились в различных помещениях здания. Предварительные подсчеты показывают, что в хозяйстве использовалось не менее двухсот амфор. Основная масса со-

¹ Щеглов А. Н. Поселения Северо-Западного Крыма в античную эпоху. — КСИА, 1970, 124, с. 20; Щеглов А. Н., Саверкина И. И., Глазунов В. В. Исследования близ Ярылгачской бухты в Северо-Западном Крыму. — АО 1970. М., 1971; Щеглов А. Н., Подольский Н. Л., Гилевич А. М., Кац В. И. Тарханкутская экспедиция. — АО 1971. М., 1972; Щеглов А. Н., Благоволин Н. С., Гилевич А. М., Глазунов В. В., Кац В. И., Подольский Н. Л. Исследования на хоре Херсонеса. — АО 1972. М., 1973; Щеглов А. Н., Глазунов В. В., Кац В. И., Подольский Н. Л. Исследования Тарханкутской экспедиции. — АО 1973. М., 1974; Щеглов А. Н. Итоги раскопок на поселении и некрополе Панское-1. — Новейшие открытия советских археологов. (Тезисы докладов конференции), ч. 2. Киев, 1975, с. 82.

судов является продукцией керамических мастерских Херсонеса². Преобладание херсонесской керамической тары подтверждается и анализом амфорных клейм. Группа из 93 клейм херсонесских астиномов составляет три четверти всех клейм конца IV—III вв. до н. э., обнаруженных при исследовании здания. Вместе с тем клейменые амфоры являются лишь меньшей частью общей совокупности херсонесской тары, обнаруженной на усадьбе³.

В процессе начального этапа обработки материала удалось реставрировать полностью и частично четырнадцать херсонесских амфор⁴. Их изучение проводилось в двух направлениях: во-первых, исследовались морфологические признаки; во-вторых, измерялись их емкости для определения емкостных стандартов, бытовавших в Херсонесе в конце IV — первой половине III в. до н. э.

При решении этих задач мы столкнулись с определенными трудностями. Ни в одной из трех существующих в настоящее время классификаций античных амфор Херсонеса⁵ не отработана четкая система формального выделения и описания основных морфологических признаков сосудов. Относительно полный набор качественных (характер глины, наличие ангоба, клейма и т. п.) и количественных признаков херсонесских амфор (высота сосуда, высота горла с иллеликами, размеры ручек, наибольший диаметр туловы, внутренний диаметр горла) имеется только у Р. Б. Ахмерова⁶. В классификациях, появившихся позже, число количественных признаков сокращается, и

² Преобладание херсонесской керамической тары наблюдается на всех античных поселениях Северо-Западного Крыма (см.: Щеглов А. Н. О внутренней торговле Херсонеса Таврического в IV—III вв. до н. э. — КСИА, 1974, 138, с. 46).

³ Соотношение хранившихся на усадьбе клейменых херсонесских сосудов с общим числом амфор этого центра определить пока не представляется возможным, так как подсчет количества амфор по обломкам проведен лишь в двух помещениях-хранилищах. В помещении № 3 из 30 херсонесских амфор клеймеными оказались 15 экземпляров. В помещении № 13 лишь два сосуда из 14 имеют клейма.

⁴ Несомненно, число восстановленных херсонесских амфор со временем возрастет, так как раскрытый археологический комплекс на поселении Панское-1 позволяет провести полную или частичную реставрацию большинства обнаруженных здесь сосудов.

⁵ См.: Ахмеров Р. Б. Амфоры древнегреческого Херсонеса. — ВДИ, 1947, № 1; Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора. — МИА, 1960, 83, с. 97—100; Борисова В. В. Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор. — ИЭ, 1974, XI, с. 99—111.

⁶ Ахмеров Р. Б. Указ. соч. — ВДИ, 1947, № 1, с. 160 сл.

все большее место начинает занимать словесный метод описания общих очертаний амфор. Признаки зачастую выбираются произвольно⁷, и совершенно не выясняется, насколько они отражают характерные, существенные свойства описываемого предмета. Таким образом, хронологические и типологические классификации керамической тары Херсонеса противоречивы и далеко не бесспорны.

Р. Б. Ахмеров разделил херсонесские амфоры на четыре группы (типа). И. Б. Зеест, частично перегруппировав тот же материал, выделила еще один, пятый тип сосудов, подражающих амфорам других центров. Как в первом, так и во втором случаях понятия «тип» и «форма» амфоры практически подменяют друг друга.

В последней классификации херсонесских амфор, предложенной В. В. Борисовой, говорится уже о двух основных типах, в пределах которых происходит изменение форм керамической тары Херсонеса. Предполагается, что прототипом одному из них поступили амфоры Гераклеи, прототипом другому — амфоры Синопы. В каждом типе, по мнению В. В. Борисовой, удается проследить три хронологические группы, отражающие эволюцию херсонесских амфорных форм с конца IV до конца II в. до н. э.⁸.

На первый взгляд, получена довольно стройная и правдоподобная хронологическая и типологическая группировка херсонесских амфор. Однако признать ее надежной нельзя, так как в ней преобладают методы интуитивной классификации материала. Выводы о сходстве и различиях тех или иных групп амфор или отдельных сосудов базируются либо на сравнении их общих очертаний, либо на двух-трех, иногда выбранных случайно, признаках. Наконец, построенный В. В. Борисовой эволюционный ряд слабо проконтролирован стратиграфией. Датировки целых сосудов даются главным образом по астиномным клеймам, содержащимся на ручках и горлах амфор. Однако общепринятая хронологическая классификация херсонесских астиномных клейм, разработанная в свое время Р. Б. Ахмеровым и почти без изменений воспринята

⁷ Примером отсутствия четкой системы формальной записи главных признаков амфор может служить раздел, посвященный сосудам типа I В в статье В. В. Борисовой. Здесь в двух случаях приводится внутренний, а в двух внешний диаметр горла описываемых амфор (см. НЭ, XI, с. 104—105).

⁸ Борисова В. В. Указ. соч. — НЭ, XI, с. 101.

В. В. Борисовой⁹, нуждается в пересмотре и уточнении¹⁰. Это подтверждает и анализ херсонесских клейм с поселения Панское-1¹¹.

Таким образом, нет оснований считать работу по классификации херсонесской керамической тары завершенной. Группа амфор с усадьбы № 6 поселения Панское-1, представленная хотя сравнительно небольшим количеством экземпляров¹², позволяет внести некоторые уточнения и дополнения в существующие классификационные схемы. При этом уточняется не только типология, но и временные рамки отдельных типов сосудов, так как несомненным достоинством публикуемых амфор является их сравнительно узкая (в пределах 30—40 лет) датировка.

Отсутствие в литературе единой системы формализованного описания херсонесских амфор, как и керамической тары вообще, вызывает необходимость уточнения списка главных морфологических признаков, характеризующих данные сосуды.

Основными измерениями амфор, определяющими их форму, очевидно, являются следующие количественные признаки сосудов.

1. *Линейные величины* (рис. 1):

- 1) общая высота амфоры (H);
- 2) высота верхней части амфоры (H_1)¹³;
- 3) высота нижней части амфоры (H_2);
- 4) высота горла (H_r);

⁹ Ахмеров Р. Б. Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса. — ВДИ, 1949, № 4; Борисова В. В. Указ. соч. — НЭ, XI, с. 112—122.

¹⁰ Этот вопрос уже поднимался в статьях И. В. Яценко (Херсонесская амфора с клеймом астинома Героксена. — В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 77—78) и Л. И. Шеглова (Херсонес и Нижний Дон в IV—III вв. до н. э. — В кн.: Археологические раскопки на Дону. Ростов н/Д, 1973, с. 28).

¹¹ Если придерживаться классификации Р. Б. Ахмерова, то из 13 астиномов, клейма которых обнаружены на усадьбе № 6, шесть выполняли свои функции в конце IV — начале III в. до н. э., четыре — во второй половине III в. до н. э., а трое — в конце III — начале II в. до н. э., что противоречит общей дате материалов этого закрытого комплекса (конец IV — первая половина III в. до н. э.).

¹² Следует иметь в виду, что к настоящему времени в литературе и отчетах о раскопках описано немногим более 30 целых античных амфор херсонесского производства.

¹³ Естественной границей, разделяющей общую высоту амфоры на две части: верхнюю (H_1), включающую в себя высоту горла и плечика, и нижнюю (H_2), складывающуюся из высоты туловища и ножки, является линия максимального диаметра туловища сосуда.

- 5) наибольший диаметр туловы (Д);
 6) диаметр устья (D_y)¹⁴.

II. Пропорции:

- 1) отношение высоты верхней части амфоры к нижней ($H_1 : H_2$);

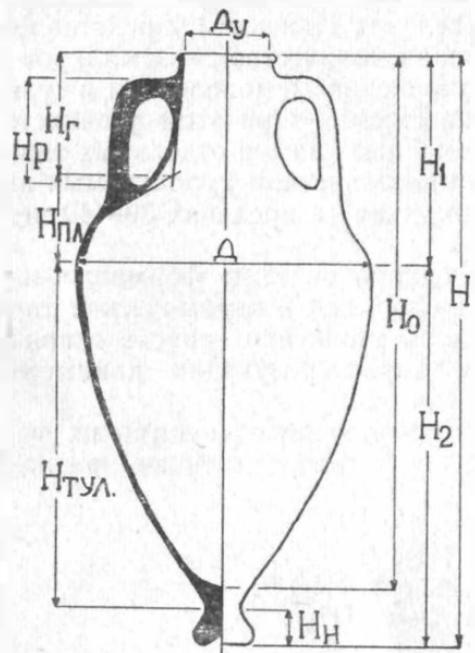

Рис. 1

зависит от ряда ее линейных размеров. Как полагает И. Б. Брашинский, оптимальными измерениями амфор, позволяющими определить их стандарты, являются глубина сосуда (H_0), максимальный диаметр туловы (Д) и диаметр устья (D_y)¹⁵. Последние два параметра, как мы видели, являются важнейшими и при характеристике формы амфоры.

¹⁴ У большинства амфор переход от плечика к горлу настолько плавный, что граница между этими частями амфоры обычно фиксируется чисто интуитивно. На наш взгляд, горло и плечико условно можно разграничить линией, проходящей параллельно венчику через точку пересечения двух касательных — одной к горлу и другой — к плечику (см. рис. 1).

¹⁵ Брашинский И. Б. Методика выяснения стандартных ёмкостей античных греческих остродонных амфор. — Новейшие открытия советских археологов, ч. 3. Киев, 1975, с. 22—23.

- 2) отношение общей высоты амфоры к высоте горла ($H : H_g$);

- 3) отношение общей высоты амфоры к ее диаметру ($H : D$).

Все отмеченные выше линейные и пропорциональные величины амфор несомненно являются признаками типа. Однако необходимо учитывать и ряд вариантов количественных признаков сосудов. К ним относятся высота и диаметр ножки, высота туловы и плечика, размерные величины венчика и т. п.

Важнейшим количественным типообразующим признаком амфор является их ёмкость. Несомненно, ёмкость амфоры

Помимо количественных признаков, важное место при описании амфор и дальнейшей их классификации должно быть отведено характеристике их качественных признаков. К качественным признакам херсонесских амфор можно отнести:

- 1) структуру и цвет глины,
- 2) наличие ангоба,
- 3) наличие желобка или полоски на горле сосуда,
- 4) наличие клейма на горле или ручке амфоры,
- 5) форму венчика,
- 6) форму ножки¹⁶.

С учетом выделенных количественных и качественных признаков амфор была проведена морфологическая классификация херсонесских сосудов из усадьбы № 6 поселения Панское-1. Четырнадцать представленных здесь амфор разделены на три неравные по численности группы. Следует отметить, что эта классификация преследовала прежде всего чисто служебную цель — первичное упорядочение исходного материала.

Группа I. К ней отнесены два сосуда: почти полностью реставрированная амфора и фрагментированный сосуд, у которого отсутствует нижняя часть туловы (табл. 1, №№ 1, 2; рис. 2, 1, 2). Высота целой амфоры 69,5 см, наибольший диаметр туловы 36,8 см. Тулооо раздутое, его диаметр составляет более половины общей высоты сосуда (отношение $H:D$ равно 1,88). Плечики амфоры имеют плавные очертания, горло относительно невысокое, его высота менее пятой части общей высоты сосуда. (Отношение $H:H_r$ равно 5,38). Диаметр устья — 10,2 см. Отношение верхней части сосуда к его нижней части — 0,52. Венчик имеет слабовыраженную клювообразную форму. Массивная ножка без резких переходов развивается в тулооо. Глубина амфоры — 63,6 см, емкость — 31,43 литра.

Обе амфоры клейменые, клейма астинома Батиллы расположены на одной из ручек сосудов. Помимо клейм, амфоры имеют граффити. На горле фрагментированной амфоры процарапана буква Е, на горле целого сосуда с одной стороны стоит та же буква, с противоположной — цифровая метка $\Delta\Delta\Gamma|||=$. Не исключено, что граффито Е указывает на название продукта, хранившегося в этих сосудах. Если это так, то амфоры могли содержать *ελαιον* — оливковое масло.

¹⁶ Формы венчиков и ножек амфор лучше всего фиксируются рисунком, который можно рассматривать как составную часть языка описания (см. Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников. М., 1975, с. 20).

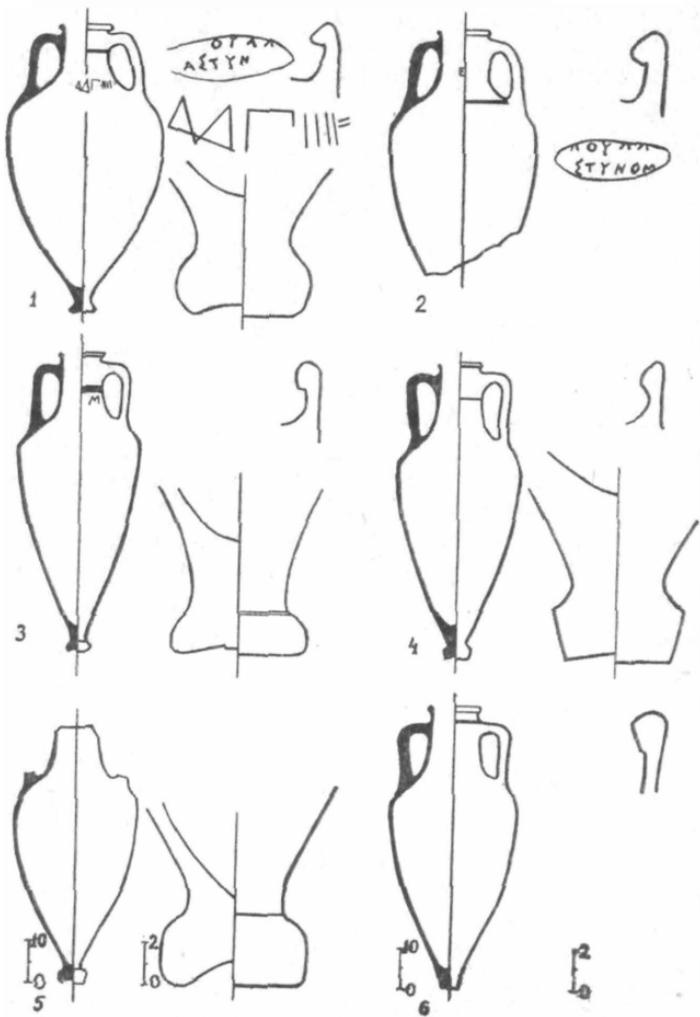

Рис. 2. Херсонесские амфоры I—II групп

Прямыми данными на этот счет мы не располагаем, однако косвенные признаки подтверждают подобное предположение. Интересны условия находки целой амфоры. Она обнаружена в завале разбитой керамической тары, рухнувшей в помещение 13 со второго этажа. В складе, который здесь располагался, находилось 18 амфор, четырнадцать из которых являются продукцией херсонесских мастерских. На горлах пяти сосудов красной краской нанесены отдельные метки, при этом еще

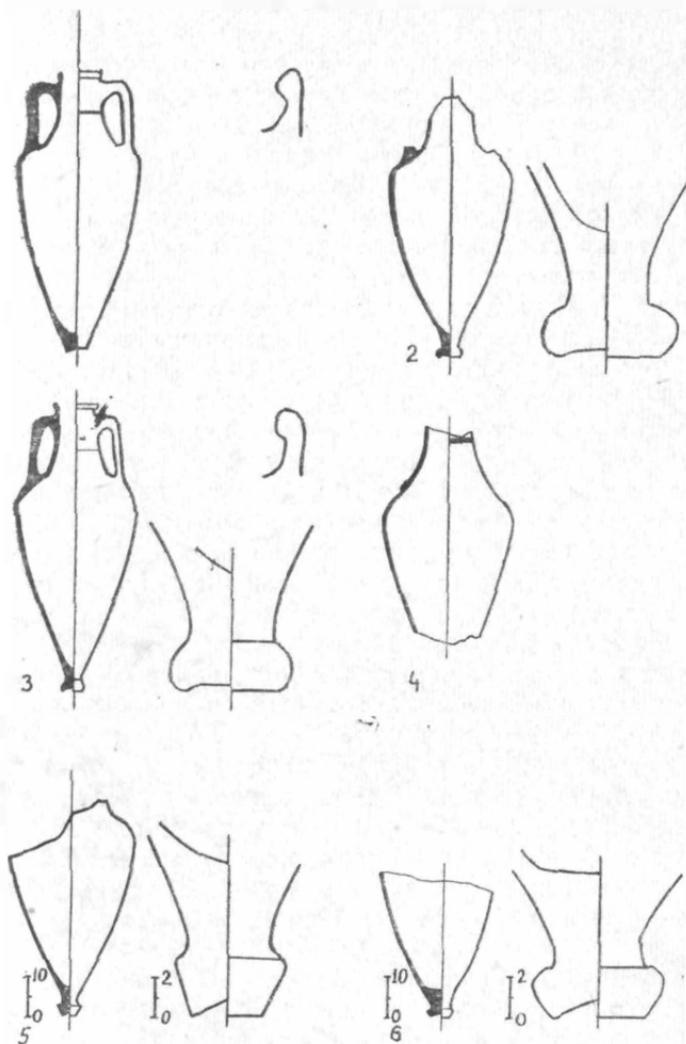

Рис. 3. Херсонесские амфоры II группы

в двух случаях мы встречаем букву Е¹⁷. Видимо, склад содержал запас оливкового масла. Не случайно именно в этой части здания пожар был особенно силен. Оплавились до глазури сырцовые стены помещения, а на обломках керамики образовались натеки горевшего масла.

До недавнего времени были известны лишь две клейме-

¹⁷ ТЭ, № II, усадьба № 6, описание 8, №№ 9, 13.

ные амфоры, аналогичные сосудам нашей первой группы. Они были опубликованы Р. Б. Ахмеровым и переизданы И. Б. Зеест¹⁸. Как в первой, так и во второй классификациях амфоры отнесены к самой ранней группе херсонесской керамической тары (конец IV — начало III вв. до н. э.). В. В. Борисова упомянула о находке в Северо-Западном Крыму еще трех аналогичных klejmenых и некlejmenых сосудов и отнесла их к типу П А своей классификации¹⁹. По мнению В. В. Борисовой, в основу этого типа положена форма амфор Синопы конца IV — первой половины III вв. до н. э.

Группа II. К этой группе относится основная масса амфор из усадьбы — десять сосудов из четырнадцати. Семь амфор удалось реставрировать полностью, три — частично (см. табл. 1, №№ 3—12; рис. 2, 3—6; 1—6). Высота амфор 70—71,7 см, наибольший диаметр — 29,2—30,8 см. Тулово по сравнению с сосудами первой группы более вытянутое, отношение высот амфор к их диаметрам 2,32—2,43. Отношение высоты верхней части сосуда к его нижней части колеблется от 0,50 до 0,63. Высота горла амфор приблизительно та же, что и у сосудов первой группы, диаметры устьев меньше — 8,2—9 см. У всех амфор имеется круговая полоска или желобок на горле. Формы венчиков довольно разнообразны. Некоторые из них повторяют в основных чертах профиль венчиков сосудов первой группы, но много и валикообразных венцов. Форма ножки сильно варьируется, но в отличие от ножек сосудов первой группы всегда имеется резкий переход от утолщения ножки к тулову. При этом в большинстве случаев острым инструментом бывает подчеркнута верхняя граница утолщения. Глубина амфор от 62,8 до 66,2 см. Замеры объемов семи полностью реставрированных амфор группы показали значительные колебания их емкостей — от 17,16 до 19,60 литров (см. табл. 1, №№ 3—9).

Типологически представленные сосуды тесно связаны с амфорами предшествующей группы: сходны высоты и глубины, соотношения между верхними и нижними частями. Правда, наблюдаются и существенные отличия, вызванные, видимо, переходом от крупного стандарта емкости к меньшему. Удли-

¹⁸ Ахмеров Р. Б. Указ. соч. — ВДИ, 1947, № 1, с. 161—162, рис. 1; Зеест И. Б. Указ. соч. — МИА, 1960, 83, с. 98, XXI, 38а.

¹⁹ Борисова В. В. Указ. соч. — НЭ, XI, 105—106. К сожалению, в статье отсутствуют рисунки и фотографии упомянутых амфор, не дан полный набор основных морфологических признаков сосудов, поэтому считать их классификационное определение окончательным не представляется возможным.

№№	Группа
	Высота амфоры в см, Н
	Высота верхней части амфоры в см, Н ₁
	Высота нижней части амфоры в см, Н ₂
	Высота горла в см, Н _г
	Наибольший диаметр туловы в см, Д
	Диаметр устья в см, Д _у
	Отношение Н ₁ :Н ₂
	Отношение Н/Д
	Отношение Н/Н _г
	Глубина амфоры в см, Н ₀
	Емкость амфоры в литрах
	Место находки (№ помещения)
	Полевая опись

Таблица 1

няются пропорции амфор за счет уменьшения диаметра туло-ва (с 35 до 29—30 см) и диаметра устья (с 10,2—10,6 до 8,1—9 см).

К сожалению, все сосуды группы неклейменые, однако к настоящему времени известны подобные амфоры, на горлах и ручках которых стоят клейма различных херсонесских асти-номов²⁰. В. В. Борисова выделяет сосуды данной группы в тип II Б и относит их к середине — второй половине III в. до н. э.²¹.

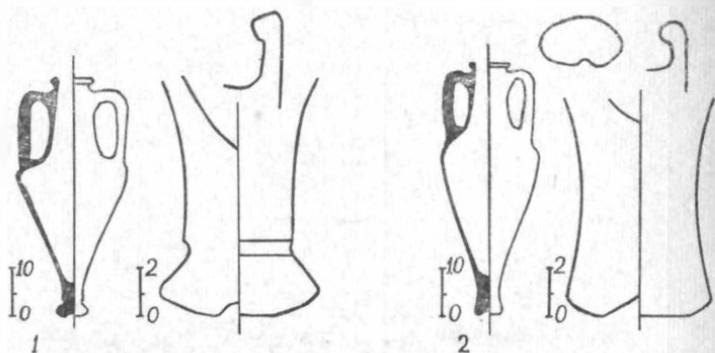

Рис. 4. Херсонесские амфоры III и IV (?) групп

Группа III. (Табл. 1, 13, рис. 4, 1). В материале из усадьбы эта группа представлена пока лишь одним экземпляром, хотя аналогичные клейменые и неклейменые амфоры в на-стоящее время хорошо известны по находкам как в самом Херсонесе, так и за его пределами²². Высота этого сосуда

²⁰ Пять близких по форме амфор (одна с клеймом астинома Аполла-тая) были обнаружены С. Ф. Стржелецким на усадьбах вблизи Херсонеса (Клеры Херсонеса Таврического). — ХС, 1961, 2, с. 25, 99, рис. 85). В 1969 го-ду при раскопках некрополя близ санатория «Чайка» встречена одна подоб-ная амфора с клеймом астинома Героксена (Яценко И. В. Херсонесская ам-фора с клеймом астинома Героксена, с. 71 сл.). Еще одна амфора с клей-мом астинома Сокрита обнаружена Э. А. Сымановичем на территории сов-хоза «Приднепровский» Херсонской области (Логодовская Е. Ф., Сымано-вич Э. А. Скифский могильник у с. Михайлова на Нижнем Днепре. — В кн.: Скифские древности. Киев, 1974, с. 240, рис. 4—10, 11).

²¹ Борисова В. В. Указ. соч. — НЭ, XI, с. 107.

²² Впервые амфора такого типа, хранившаяся в предвоенные годы в Ялтинском музее, была опубликована Р. Б. Ахмеровым (Указ. соч. — ВДИ, 1947, № 1, с. 168—169). В 50-е годы аналогичные сосуды были обна-ружены в Керкинитиде (Наливкина М. А. Раскопки в Евпатории. — КСИИМК, 1965, 58, с. 70, рис. 24, 1); при исследовании гончарных мастер-

50,8 см, наибольший диаметр — 22,8 см. Тулово имеет четкую коническую форму, прослеживается резкий переход от плечиков к тулову. Отношение высоты амфоры к ее диаметру 2,22. Отношение высоты верхней части сосуда к его нижней части 0,65. Диаметр устья 6,4 см. Венчик в сечении трапециевидный. Ножка высокая, в ее нижней части на границе с утолщением имеется круговая канавка глубиной 0,3—0,4 см и шириной 0,7 см. Глубина амфоры 43,8 см, емкость 4,98 литра. На одной из ручек сосуда стоит двухстрочное клеймо, в котором имя астинома, к сожалению, прочитать не удалось.

Данная амфора относится к типу I В классификации В. В. Борисовой (конец III—II вв. до н. э.)²³.

Реставрирована еще одна амфора херсонесского производства из помещения № 12 усадьбы, которая не может быть уверенно отнесена ни к одной из трех описанных выше типологических групп. Кроме того, она вообще пока не имеет аналогий (табл. I, 14; рис. 4, 2). Ее высота 53 см, диаметр тулова 20,8 см. Сосуд имеет плавные очертания. Ножка без резких переходов развивается в тулово, которое также плавно переходит в плечики и горло. Отношение высоты амфоры к ее диаметру — 2,54; верхней части сосуда к нижней — 0,63. Диаметр устья 7 см. По внешней стороне ручек на всю их длину прорезан желобок шириной 0,5 и глубиной 0,3 см. Ручки такого профиля встречены на херсонесских амфорах впервые. Венчик валикообразный. Глубина сосуда 44,8 см, емкость 5,16 литра. На горле амфоры плохо сохранившееся, нечитаемое клеймо.

Типологически представленный сосуд близок амфорам третьей группы. Сходны отдельные параметры, одинаков емкостный стандарт. Но имеются и различия в пропорциях, общих очертаниях и профилированных частях. Не исключено, что данный сосуд относится к ранее неизвестному типу амфор Херсонеса, но столь же вероятно и то, что он является лишь

ских Херсонеса (Борисова В. В. Гончарные мастерские Херсонеса. — СА., 1958, № 4, с. 149, рис. 6, 1); на Гераклейском полуострове (Стржелецкий С. Ф. Керамика Херсонеса Таврического, с. 99, рис. 85).

²³ Борисова В. В. Указ. соч. — НЭ, XI, с. 104—105. Подобное объединение несомненно типологически близких сосудов правомерно. Однако вызывает некоторое сомнение включение в данную группу амфоры из Византии, хранящейся в Стамбульском музее (*Grace V. Standart Pottery Containers of the Ancient Greek World. Hesperia, Suppl., VIII, 1949, № 1, табл. 19, 4; 20, 12*). Этот сосуд имеет несколько большую высоту и диаметр тулова. Кроме того, судя по фотографии, верхняя часть тулова у него более высокая и наблюдается резкий перелом от плечика к горлу.

вариантам амфор типа I В классификации В. В. Борисовой.

Несомненным достоинством комплекса херсонесских амфор из усадьбы № 6 можно считать его относительно узкие и надежные хронологические границы (конец IV — первые десятилетия III в. до н. э.). Именно этот факт позволяет проверить и уточнить датировки отдельных типов раннеэллинистических амфор Херсонеса.

Подтверждается хронологическое определение, уже данное ранее амфорам I группы нашей классификации. Они, несомненно, относятся к начальному периоду производства херсонесской клейменой амфорной тары (последние десятилетия IV — начало III в. до н. э.). Не исключено, что этот тип херсонесских амфор вообще не выходит за пределы IV в. до н. э.

С другой стороны, материал усадьбы опровергает принятые в настоящее время даты появления амфор, выделенных нами во вторую и третью группы. Амфоры второй группы составляют основную часть херсонесской керамической тары усадьбы. Поэтому возникновение этого типа сосудов следует относить не к середине²⁴, а к самому началу III в. до н. э. Не позже второй четверти этого столетия появляются в Херсонесе и амфоры третьей группы нашей классификации. Между тем, их обычно относят к концу III—II вв. до н. э.²⁵.

В ходе изучения комплекса херсонесских амфор из усадьбы № 6 были получены материалы для выявления некоторых емкостных стандартов керамической тары раннеэллинистического Херсонеса. Удалось замерить емкости десяти амфор из четырнадцати. Замеры проводились двумя способами. Первоначально объем определялся математически²⁶. В дальнейшем реальная емкость сосудов устанавливалась с помощью сыпучего материала — зерна. Сопоставление данных по каждому сосуду показало, что объем, вычисленный математически, обычно не совпадает с истинной емкостью амфоры. При этом наблюдались отклонения как в большую, так и в меньшую сторону. У амфор емкостью выше 16 литров разница доходила до одного-полутура литров, а главное — не удалось опре-

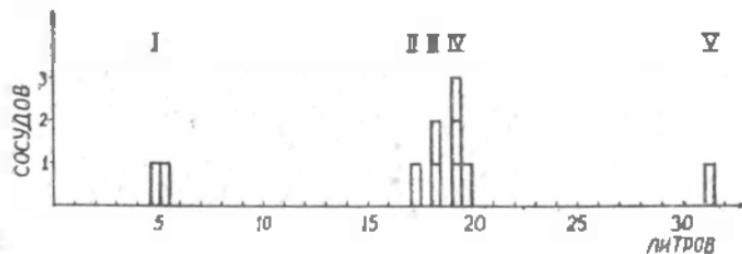
²⁴ См.: Борисова В. В. Указ. соч. — НЭ, XI, с. 107.

²⁵ Там же, с. 104.

²⁶ Для этого обмерный чертеж амфоры разбивается рядом поперечных плоскостей на некоторое количество тел, которые с достаточной точностью можно считать усеченными конусами. Сумма объемов усеченных конусов дает полный объем сосуда. Этот метод использовала Г. М. Николаенко при вычислении ёмкости лифоса. (Метки на античных лифосах. — В кн.: Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев, 1974, с. 28—29).

делить сколько-нибудь строгой закономерности в этих колебаниях. Таким образом, следует учитывать тот факт, что математический метод вычисления объемов сосудов дает лишь приближенное представление об их действительной емкости.

Таблица 2

Гистограмма емкостей

Результаты измерения емкостей десяти амфор с усадьбы № 6 сведены в гистограмму (табл. 2), где четко выделяются пять пиков, соответствующих 5, 17, 18, 19 и 31 литрам.

При определении стандартов емкости греческих амфор необходимо учитывать некоторые особенности технологии производства керамической тары. При формовке сосуда толщина его стенок получалась неравномерной, кроме того трудно было рассчитать точно усадку при сушке и обжиге амфоры. Поэтому реальная емкость каждой амфоры обычно несколько отличалась от стандарта. Кроме того, гончары, видимо, сознательно стремились изготавливать сосуды по объему большими, чем существующий емкостный стандарт, так как при заполнении амфоры необходимо было оставить воздушную прослойку между пробкой и содержимым сосуда. Катон, например, советует производить заполнение амфор лишь до основания ручек²⁷.

Теперь попытаемся выяснить, к каким емкостным стандартам относятся амфоры из усадьбы № 6. На гистограмме емкостей пик I расположен в пределах 5 литров, средняя емкость двух амфор — 5,07 литра. Не исключено, что у этих сосудов стандартная емкость вычислена по широко распространенной в Средиземноморье и Причерноморье аттической системе мер емкостей, основанной на котиле в 0,273 литра²⁸. Пятилитровая амфора как раз вмещает 18 котил или 1,5 ат-

²⁷ *Cafo*, 113.

²⁸ *Hultsch Fr. Griechische und römische Metrologie*. Berlin, 1882, S. 305 u. d. f.; *Lang M. and Crosby M. Weights, measures and Tokens. The Athenian Agora*. X, Princeton, 1964, p. 46.

тических хоя (4,92 литра). Однако реальная емкость амфоры, как мы уже отмечали, должна превышать емкость стандарта. В данном же случае она практически равна ему. В этой связи наиболее подходящим стандартом для рассматриваемых сосудов является эгинский хус в 4,55 литра или соответствующая ему мера для жидких тел аддикс²⁹, которая, как предположил И. Б. Брашинский, использовалась для исчисления стандартов емкостей амфор ГераклеиPontийской, метрополии Херсонеса.

Аддикс, видимо, лежит и в основе второго стандарта херсонесской тары с усадьбы, представленного на гистограмме емкостей пиками III и IV. Данная серия сосудов состоит из шести амфор второй группы нашей классификации (см. табл. 1, 3—8). При несомненном сходстве форм амфор емкости их колеблются от 18 до 19,6 литра, средняя емкость — 18,87 литра. Наиболее вероятной стандартной мерой для данных сосудов являются четыре аддикса (18,20 литра)³⁰. Если это предположение верно, то отмеченные выше пятилитровые амфоры составляют фракцию, одну четвертую этих больших сосудов.

На гистограмме емкостей имеются еще два пика — II и V. Пик II представлен одной амфорой, по своим параметрам почти не отличающейся от вышеописанных амфор второй группы. Однако полная емкость этого сосуда составляет всего 17,16 литра (см. табл. 1, 9). Подобные амфоры емкостью от 16,5 до 17 литров в настоящее время хорошо известны по находкам в Херсонесе и за его пределами³¹. Видимо, их стандарт на 1500—2000 куб. см меньше стандарта в четыре аддикса. Поэтому есть основания предположить, что вероятный стандарт для данных сосудов вычислен по аттической системе и равен 60 котилам или 5 хоям (16,38 литра).

Самая крупная херсонесская амфора с поселения имеет емкость более 30 литров (см. табл. 1, 1; 2, пик V). Наиболее вероятным стандартом для нее является один марис, мера для жидких тел, имевшая распространение на Ближнем Востоке и по южному побережью Понта. До настоящего времени нет

²⁹ *Hultsch Fr. Op. cit.*, S. 264, 574, 703.

³⁰ Брашинский И. Б. Стандартные ёмкости греческих остродонийских амфор. (Методика и некоторые результаты исследования). Тезисы доклада, сделанного 10 апреля 1974 г. на заседании группы античной археологии ЛОИА АН СССР. Выражаем сердечную благодарность автору за предоставленную возможность ознакомиться с результатами исследования.

³¹ Емкости четырех амфор серии превышают стандартную на 0,8—1,4 литра, одна имеет ёмкость, равную стандарту, а одна на 0,2 литра меньшую.

³² См.: Борисова В. В. Указ. соч., — ИЭ, XI, с. 109—110.

единой точки зрения на емкостное содержание мариса, обычно его емкость определяют от 28 до 32 литров ³³. Так, Ф. Хульч считает, что марис вмещал 30,31 литра ³⁴. Видимо, подобный емкостный стандарт и имела наша амфора. Ее полная емкость составляет 31,43 литра, объем горла сосуда 1040 куб. см. Если амфору заполнить до основания ручек, то она вмещает 30,39 литра жидкости, т. е. меру, вычисленную Ф. Хульчем для одного мариса.

Подведем некоторые итоги анализа емкостных стандартов херсонесских раннеэллинистических амфор с усадьбы № 6. Очевидно, самые ранние клейменые херсонесские амфоры изготавливались по стандарту в 1 марис, видимо, заимствованному из Малой Азии. Оттуда же, а точнее из Гераклеи Понтийской, была перенесена в Херсонес малая мера для жидких тел — аддикс, которая легла в основу двух стандартов амфор первой половины III в. до н. э. Одновременно с последними в Херсонесе появляются амфоры, стандартные емкости которых вычислены по аттической системе мер.

Бытование в раннеэллинистическом Херсонесе нескольких стандартов емкостей, при этом основанных на различных системах мер, не могло не вызвать необходимости перевода одной меры в другую. Так, вероятно, учитывалось, что один аддикс приблизительно равен 16 котилам. Косвенно об этом свидетельствует находка в 1953 году в помещении одного из эллинистических домов Херсонеса фрагментированного мерного кувшина ³⁵. Нижняя часть сосуда не сохранилась, поэтому полный его профиль восстановлен предположительно. Объем восстановленного сосуда около 1000 куб. см, емкость же целого, видимо, несколько превышала один литр. Не исключено, что кувшин вмещал четыре аттические котилы (1,094 литра), что приблизительно равно одной четверти аддикса.

В заключение следует отметить, что анализ комплексов херсонесских амфор из усадьбы № 6 поселения Панское-1 позволяет поставить вопрос о необходимости дальнейшей проверки и исправления существующих в настоящее время классификационных схем херсонесской керамической тары. Работа в этом направлении несомненно должна быть продолжена.

³³ См. Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Suppl., XII, 1970, Stuttgart, S. 838—840.

³⁴ Hultsch Fr. Op. cit., S. 586.

³⁵ Белов Г. Д. Эллинистический дом в Херсонесе. — Труды ГЭ, т. 7. Л., 1962, с. 153. Мерный характер кувшина не вызывает сомнения, так как на его ручке оттиснуто клеймо астинома II в. до н. э. Аполлофана сына Ге-

Н. В. МОЛЕВА

ГРУППА АНТРОПОМОРФНЫХ НАДГРОБИЙ
ИЗ НЕКРОПОЛЯ МИРМЕКИЯ

В связи со строительными работами в районе поселка им. Войкова в г. Керчи, значительный участок старой трассы (Карантинное шоссе), соединяющей город с поселком, подвергся вскрытию. Траншея, по ширине и направлению совпадавшая с трассой, пересекла некрополь Мирмекия с востока на запад. Протяженность ее составляла 240 м, ширина — 6,5 м, глубина — 4 м. В западной и восточной частях траншеи было обнаружено 10 грунтовых захоронений¹. В центральной ее части, на протяжении 120 м, представляющей собой естественный скальный выступ, захоронений не было.

Погребальный инвентарь этих могил свидетельствует о принадлежности их рядовому городскому населению Мирмекия. Среди находок большое количество стеклянных сосудов: бальзамарии с коническим и полусферическим туловом, кувшины с квадратным туловом и фигурной ручкой, сосуды из цветного стекла. Встречаются также фрагменты южноонтийских амфор, краснолаковых и светлоглиняных кувшинов, терракоты. Интересен закрытый краснолаковый светильник с рельефным изображением быка. В могилах обнаружено множество разнообразных бус: лигнитовых, сердоликовых, хрустальных, янтарных и стеклянных. В двух погребениях найдены фрагменты золотых листочек от головного венка.

Собранный материал позволяет датировать захоронения этого района некрополя Мирмекия второй половиной I — началом II в. н. э.².

Особый интерес представляют найденные при раскопках надгробия из местного известняка. Одно из них — фаллическое³, другое — фрагмент рельефного анфемия, остальные семь — антропоморфные, причем, два из них были использованы в качестве илит локрытия в могилах №№ 9 и 10. Пять антропоморфных надгробий были найдены в насыпи некрополя над раскопанными могилами. Они-то и являются предметом настоящей статьи.

Ронда. Первой отметила возможность использования этого сосуда при изучении херсонесских стандартов ёмкости Г. М. Николаенко.

¹ Доклад об охранных раскопках некрополя Мирмекия был сделан автором этой статьи на Всесоюзной археологической конференции в г. Киеве в апреле 1975 г.

² Молева Н. В. Исследование античного некрополя Мирмекия в г. Керчи. — В кн.: Археологические открытия 1974 г. М., 1975, с. 329.

³ Фаллическое надгробие будет исследовано отдельно.

Среди плит покрытия грунтовой могилы № 9 были найдены два фрагмента антропоморфного надгробия из пористого желтоватого известняка, которые затем сложились (рис. 1 а). Надгробие представляет собой схематическое погрудное изображение человеческой фигуры с вытянутой «головой» и прямыми «плечами» на довольно массивном пьедестале⁴. Его размеры $0,48 \times 0,21 \times 0,12$ м. Поверхность надгробия обрабо-

Рис. 1а

Рис. 16

тана с обеих сторон, причем одна из них, очевидно лицевая, заглажена более тщательно. Вдоль боковых граней «головы» прослеживаются врезанные параллельные полосы со слабыми следами черной краски в них, служившие, вероятно, для обозначения волос. Пьедестал довольно высокий (высота его составляет $\frac{1}{3}$ всей высоты памятника) и широкий. Со всех сторон он выступает на 0,03 м от поверхности надгробия, почти не обработан. Совершенно очевидно, что он зарывался в землю.

Фрагмент второго подобного надгробия был найден среди плит покрытия грунтовой могилы № 10. Это «голова» от ан-

⁴ Это и все остальные антропоморфные надгробия хранятся в Керченском музее (шифры КП-3387 по книге поступлений).

троломорфного надгробия, обработанного с обеих сторон (рис. 1 б). Размеры ее — диаметр 0,18 м, толщина плиты 0,11 м. Лицевая поверхность заглажена более тщательно. Характер скола в нижней части позволяет предположить несколько удлиненную форму «головы», аналогичную надгробию, описанному выше. Такая «голова» при более удлиненном туловище характерна для ранних боспорских антропоморфных надгробий IV—III вв. до н. э.⁵.

Погребальный инвентарь вышеупомянутых могил беден: бальзамарий с коническим туловом и небрежно обработанным венчиком, несколько бусин зеленого прозрачного стекла, бронзовая булавка. Все вещи сильно фрагментированы и повреждены рухнувшими перекрытиями, в которые входили небольшие каменные плиты неправильной формы и доски. Могилы с таким перекрытием встречаются в некрополях боспорских городов в разное время: доэллинстическое — в некрополе Пантикея⁶, римское — в некрополе Тиритаки⁷. Погребения мирмекийского некрополя датируются римским временем. Более точную дату — конец I начало II в. можно определить по форме вышеупомянутого бальзамария⁸. Использование фрагментов антропоморфных надгробий в перекрытиях этих могил предполагает их более раннюю датировку: не позднее второй половины I в. до н. э.

Подобный тип надгробия, по-видимому, продолжал бытовать и в I в. нашей эры, так как над могилами №№ 5 и 6 второй половины I в. н. э. было обнаружено надгробие очень похожее на ранее описанные (рис. 2 а). Выполнено оно из пористого желтого ракушечника. Высота надгробия 0,52 м, ширина 0,23, толщина плиты 0,13 м. Памятник представляет собой схематическое погрудное изображение человеческой фигуры на пьедестале. Слегка удлиненная «голова» надгробия переходит в нокатые «плечи». Обработка поверхности камня довольно хорошая. Лицевая сторона заглажена. Оборотная — обработана менее тщательно (рис. 2 б). Пьедестал выступает

⁵ Шкорпил В. В. Боспорские надписи, найденные в 1910 году. — ИАК, 40, с. 101 (рис. 13), с. 107 (рис. 20); Гайдукевич В. Ф. Грунтовые некрополи некоторых боспорских городов. — МИА, 69, 1959, с. 121 (могила 16).

⁶ ИАК, вып. 17, с. 26 (могила 108); ИАК, вып. 60, с. III (могила 12); Кастанян Е. Г. Грунтовые некрополи боспорских городов. — МИА, 69, М.—Л., 1959, с. 258.

⁷ Гайдукевич В. Ф. Указ. соч., с. 121—122 (могила 16).

⁸ Кунина Н. З. Стеклянные бальзамарии Боспора. — «Труды Гос. Эрмитажа», 1972, вып. 18, с. 161.

на 0,03 м от поверхности со всех сторон, кроме оборотной. Он также обработан. Высота его — 0,14 м. Этой, ~~наиболее массивной~~ своей частью надгробие зарывалось в землю. Следует отметить наличие следов красной краски на боковой поверхности «головы» (вероятно, следы росписи).

Рис. 2а

Рис. 26

Следующее надгробие из плотного известняка желтоватого оттенка несколько отличается от предыдущих прежде всего своими формами: большой круглой «головой», резко переходящей в совершение прямые «плечи» (рис. 3). Оно также представляет собой погрудное изображение человеческой фигуры на небольшом (высота 0,13 м) почти необработанном постаменте, выступающем на 0,04 м со всех сторон от поверхности надгробия. Размеры памятника — $0,47 \times 0,25 \times 0,09$ м. Поверхность камня хорошо обработана со всех сторон, особенно тщательно с лицевой. Круглая форма «головы», четкие геометрические пропорции, видимо, характерны для надгробий римского времени⁹. Учитывая то, что рассматриваемое

⁹ Гайдукевич В. Ф. Указ. соч., с. 178; ИАК, вып. 10, с. 72 и сл., № 78. Датировка этой антропоморфной стелы произведена В. В. Латышевым по надписи.

нами надгробие было найдено в насыпи над могилами №№ 3 и 4, вещи которых (бальзамарий с полусферическим туловом¹⁰, закрытый краснолаковый светильник с рельефным изображением быка на круглом щитке)¹¹ датируются серединой I века до н. э., можно предположить синхронность нашего надгробия этим погребениям.

Рис. 3

Рис. 4

Над упомянутыми могилами было обнаружено и следующее антропоморфное надгробие из пористого желтоватого известняка, являющее собой все тот же тип погрудного изображения на пьедестале (рис. 4). Однако оно несколько выше остальных надгробий и более массивно. Высота его 0,49 м, ширина 0,29, толщина плиты 0,16 м. Пьедестал, зарывавшийся в землю, довольно высок (0,2 м), выступает с 3-х сторон на 0,02 м, не обработан. Лицевая и боковые поверхности надгробия заглажены. Пропорции его очень геометричны: круглая «голова», тонкая короткая «шея», переходящая в прямые

¹⁰ Кунина Н. З. Указ. соч., с. 153.

¹¹ Broneer O. Terracotta Lamps. Corinth, 1930, p. 45.

плечи. Обратная сторона плиты не обработана. В верхней части «головы» имеются две глубокие выемки, возможно сколы. Надгробие это было найдено рядом с вышеописанным. Пропорции ^{из} также идентичны, однако обработка последнего ^{гораздо} грубее. Исходя из этого, надгробия можно датировать серединой — второй половиной I в. н. э.

Оставшиеся два надгробия были найдены над могилами № 9 и 10. Одно из них, выполненное из местного известняка желтоватого оттенка, обнаружено прямо над могилой № 9 (рис. 5). Очертания погрудного изображения человеческой фигуры переданы в нем очень суммарно: уплощенная в верхней части «голова» переходит в покатые «плечи». Поверхность камня на лицевой стороне обработана довольно небрежно. На обороте следы обработки едва заметны. Пьедестал отсутствует, но, возможно, он утрачен, так как в нижней части надгробия имеются большие сколы. Веци, найденные в этой могиле, датируются концом I — началом II в. н. э. Вполне вероятно, что надгробие синхронно захоронению, тем более что такая форма «головы» характерна для антропоморфных надгробий более позднего, римского времени¹².

Другое антропоморфное надгробие из белого довольно плотного известняка, найдено в нескольких метрах восточнее могилы № 10 (рис. 6 а). Высота его 0,76 м, ширина 0,43 м, толщина плиты 0,13 м. Это схематическое погрудное или поясное изображение человеческой фигуры с большой, круглой уплощенной в верхней части «головой», переходящей в прямые «плечи». Пьедестал отсутствует, однако по характеру обработки камня видно, что нижней частью надгробие на $\frac{1}{3}$

Рис. 5

¹² Гайдукевич В. Ф. Указ. соч., с. 178—179.

зарывалось в землю. Поверхность плиты обработана с обеих сторон, правда, не очень тщательно. Интересной его особенностью являются детали лица, выполненные в контурельефе: круглые большие глаза, тонкие брови, треугольный нос, маленькие полные губы. На боковой поверхности головы — косые врезанные линии, частью переходящие на лицевую поверхность, обозначающие пряди волос. На туловище, по центру — продольное углубление с треугольными насечками (возможно изображение застежки одежды). Скорее всего, такая проработка

Рис. 6а

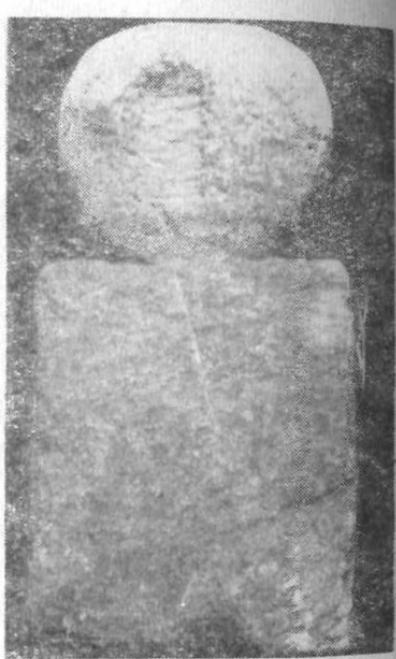

Рис. 6б

ботка деталей дополнялась росписью, что придавало им особую выразительность. На обратной стороне головы, в левой части имеется прямоугольное углубление ($0,15 \times 0,08$ м) с отходящей от него вниз глубокой щарапиной, назначение которого трудно представить (рис. 6 б). Предположить в нем нишу для рисунка трудно, так как поверхность его обработана очень грубо. Возможно, в него была вставлена "дощечка" или плитка с именем умершего, но тогда, почему оно расположено так асимметрично по отношению к пропорциям фигуры, почему

на оборотной стороне? Наконец, почему имеет вертикальную форму? На все эти вопросы трудно дать ответ, хотя в Керченском музее имеется антропоморфное надгробие, напоминающее выше снабженное греческой надписью и рельефом, выполненным в продольной нише, изображающем стоящую женскую фигуру¹³. Однако и надпись, и рельеф выполнены на лицевой части, расположены строго симметрично форме надгробия. К тому же существование рельефа в мирмекийском надгробии невозможно (глубина выемки составляет 0,6 см). Остается предположить, что известняковая плита, из которой было изготовлено это надгробие, каким-то образом использовалась раньше. Что же касается его датировки, то несомненно оно относится к римскому времени. Об этом свидетельствуют его пропорции, форма головы. Нахodka его неподалеку от могилы конца I — начала II в. н. э. позволяет предположить его датировку временем, близким к этому.

Антропоморфные надгробия, встречающиеся в некрополях боспорских городов при раскопках могил IV в. до н. э. — II в. н. э., являются очень своеобразным и интересным памятником. Вопрос об их этнической принадлежности не раз поднимался в научной литературе. Высказывалось мнение о скифских и даже киммерийских традициях антропоморфной скульптуры¹⁴. Существует предположение и об эллинском происхождении указанных надгробных памятников¹⁵. За последнее время число известных ранее антропоморфных надгробий на Боспоре пополнилось новыми находками. Сравнение показывает, что все они по внешнему виду и содержанию изображений сильно отличаются от скифских стел VI—III вв. до н. э.¹⁶. Последние воспроизводились образы родоначальников, военных вождей¹⁷, в то время как антропоморфные надгробия ставились, судя по всему, над погребениями рядовых граждан. Подобных памятников не обнаружено ни в одном варварском курганном или грунтовом могильнике Северного Причерноморья. Напротив

¹³ Иванова А. П. Боспорские антропоморфные надгробия. — СА, 1950, № 13, с. 250.

¹⁴ Иванова А. П. Боспорские антропоморфные надгробия, с. 246; Она же. ¹¹ Культура античных городов Северного Причерноморья. Л., 1953, с. 88; Гайдукевич Г. Ф. Указ соч., с. 178—179; Чуистова Л. И. Новые находки из некрополей Керченского полуострова. — МИА, 69, с. 248.

¹⁵ Блаватский В. Д. Пантикопей. М., 1964, с. 83—84.

¹⁶ Шахов С. П. Скифские изваяния Причерноморья. Аттическое общество, М., 1967, с. 235—237.

¹⁷ Там же, с. 236.

тив, такие надгробия встречаются в Ольвии¹⁸, в Херсонесе¹⁹, в Пантикеапе, в Мирмекии и Нимфее²⁰. Известны они также в Помпеях²¹.

В качестве доказательства варварского происхождения антропоморфных надгробий иногда ссылаются на имеющиеся на некоторых из них надписи с негреческими именами. Действительно, на некоторых таких памятниках из Гермонассы и Пантикеапе есть варварские личные имена²². Но, во-первых, мы имеем такие имена, и даже в большем количестве на обычных боспорских надгробиях. Во-вторых, известны и антропоморфные памятники с греческими именами²³. Наконец, в настоящее время не отмечено ни одного случая совпадения находки антропоморфного надгробия с захоронением, в котором бы имелись ярко выраженные черты варварского погребального обряда. Таким образом, все сказанное выше должно свидетельствовать о принадлежности этих надгробий греческому населению боспорских городов. В. Д. Блаватский полагает, что свое происхождение они ведут от античных герм²⁴. Не исключено, также, что они являются вариантом очень широко распространенных в Греции надмогильных знаков²⁵. Во всяком случае, между ними имеется определенное внешнее сходство. Все антропоморфные надгробия — вариант одного и того же типа: схематического изображения «головы» на прямоугольной основе. Пропорции «туловища» и «головы» могли быть самыми различными. Л. Г. Колесниковой очень убедительно доказано, что херсонесские антропоморфные надгробия были расписными²⁶. Несомненно, что и на Боспоре эти надгробия расписывались. Об этом свидетельствуют следу краски, обнаруженные на двух надгробиях, врезанные черты лица

¹⁸ Фармаковский Б. В. Раскопки в Ольвии в 1902—1903 гг. — ИАК, 1906, вып. 13, с. 150 (рис. 96), с. 160 (рис. 109).

¹⁹ Колесникова Л. Г. Кому принадлежали антропоморфные надгробия Херсонеса. — СА, 1973, № 3, с. 43.

²⁰ Иванова А. П. Боспорские антропоморфные надгробия, с. 252. (рис. 15). Кроме того, антропоморфное надгробие и стела с рельефным изображением двух антропоморфных надгробий найдены в 1974 г. при раскопках некрополя Нимфея. Хранятся в Керченском музее.

²¹ Man A. Röhrer im Leben und Kunst. Leipzig, 1900, s. 411, fig. 242.

²² Корпус боспорских надписей. М.—Л., 1965, №№ 720, 1071, 1073.

²³ См., например, КБН №№ 410, 625, 702, 771, 915, 1072.

²⁴ Блаватский В. Д. Пантикеапей. М., 1964, с. 84.

²⁵ Kurtz D. S., Bordman J. Greek burial customs. London, 1971, p. 244; Robinson H. S. A Sanctuary and Cemetery in Western Corinth. — «Hesperia», 1969, I, p. 7, pl. 9.

²⁶ Колесникова Л. Г. Указ. соч., с. 43—45.

и проработанные волосы на двух других из числа рассмотренных нами выше. Такие памятники не были необычными для Боспора. В период их существования раскрашивались также скульптура и рельефы на надгробиях, существовали и расписные стелы²⁷. Без красочного слоя антропоморфные надгробия предстают в виде заготовок, из которых при помощи росписи изготавливались надгробия, подобные статуям — полуфигурам. Внешние очертания боспорских статуй — полуфигур поразительно похожи на абрисы боспорских антропоморфных надгробий. Та же фронтальность, статуарность, схематизм внешних очертаний. Разница состояла лишь в том, что в одном случае зрительный эффект достигался при помощи рельефного изображения, в другом — при помощи росписи. Надо отметить, что второй способ, несомненно, был более дешевым и доступным для основной массы боспорских горожан. Совпадают и хронологические рамки существования этих памятников: наиболее ранние из них появляются в IV в. до н. э. Самые поздние исчезают, вероятно, в конце II в. н. э.²⁸.

Широкое распространение такие надгробия получили в позднеэллинистическое и римское время, т. е. в период войн и экономического кризиса на Боспоре. Будучи несложными по изготовлению и недорогими по стоимости, они предназначались для средних слоев городского населения боспорских городов.

Н. П. СОРОКИНА

АНТИЧНЫЕ СТЕКЛЯННЫЕ СОСУДЫ ИЗ РАСКОПОК НЕКРОПОЛЯ БОСПОРСКОГО ГОРОДА КЕП НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Систематические раскопки города Кеп и его некрополя Таманской археологической экспедицией под руководством Н. И. Сокольского начались с 1957 г. и продолжались по 1973 г.

Комплексное изучение огромного археологического материала и других категорий источников, включая и письменные, позволило наметить основные вехи исторического развития

²⁷ Иванова А. П. Скульптура и живопись Боспора, с. 98—118.

²⁸ КБН, № 720—721.

Кеп. Исследование же отдельных групп памятников способствует дальнейшей, более углубленной культурно-исторической характеристике различных периодов истории города, в чем уже проделана хотя и большая, но далеко не законченная работа². Ее продолжает данная статья, в которой публикуются стеклянные изделия из Кеп.

В Кепах изделия из стекла³ были обнаружены в городских слоях и в могилах некрополя. На городище стеклянные сосуды за редким исключением найдены в крайне фрагментарном состоянии, в некрополе — довольно хорошей сохранности.

Каждая группа памятников, т. е. городищенская и некропольская, имеет свои особенности заложенной в ней информации. Стекло из могильных комплексов важно прежде всего в плане хронологии, наблюдений над формами сосудов и установления эволюции их типов и многих других вопросов. В могилы стеклянные сосуды попадали выборочно, между тем

¹ Сокольский Н. И. Кепы. — В кн.: Адитчный город. М., 1963, с. 97 сл.; Сокольский Н. И., Сорокина Н. П. Раскопки города Кепы и его некрополя в 1957—1963 гг. — «Ежегодник ГИМ за 1963—1964 гг.», М., 1966, с. 28 сл.; Сокольский Н. И. К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху. — В кн.: *Acta antiqua Philippopolitana. Studia archaeologica Serdicae*, 1963, р. 11, ff.

² Сокольский Н. И. Виноделие в Азиатской части Боспора. — СА, 1970, № 2, с. 75 сл.; он же. Керамическая мастерская в Кепах. — В кн.: Адитчная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968, с. 265 сл.; он же. Святилище Афродиты в Кепах. — СА, 1964, № 4, с. 101 сл.; он же. Афродита Таманская. — «Искусство», 1964, № 6, с. 68 сл.; он же. Культ Афродиты в Кепах конца VI—V вв. до н. э. — ВДИ, № 4, с. 88 сл.; он же. Курос из Кеп. — СА, 1962, № 2, с. 134 сл.; он же. Погребение V в. н. э. в Кепах. — СА, 1964, № 4, с. 207 сл.; Сокольский Н. И., Голенко К. В. Клад 1962 г. из Кеп. — «Нумизматика и эпиграфика», вып. 7. М., 1968, с. 72 сл.; Сорокина Н. П. Новый памятник античного искусства. — В кн.: Адитчная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968, с. 278 сл.; она же. Средневековые погребения из некрополя Кеп на Таманском полуострове. — В кн.: Экспедиция Гос. исторического музея. М., 1969, с. 124 сл.; Николаева Э. Я. Терракоты города Кеп. Терракотовые статуэтки. — В кн.: Свод археологических источников. ГI—II, ч. 2. М., 1974, с. 13 сл.; Сорокина Н. П. Терракоты некрополя Кеп. — В кн.: Свод археологических источников, ГI—II, с. 16 сл.; Шелов Д. Б., Фролова Н. А. Монеты из раскопок Кеп 1958—1963 гг. — «Нумизматика и сфрагистика», Киев, 1965, с. 168 сл.

³ Из стекла делались многие виды изделий: сосуды, бусы, инкрустации, мозаика, оконное стекло и многие поделки (например, туалетные палочки, зеркала и пр.). В данной работе мы касаемся только стеклянных сосудов. Бусы из могил Кепского некрополя использованы в работе Е. М. Алексеевой (Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. — В кн.: Свод археологических источников, ГI—II. М., 1975, с. 10 сл.).

обломки сосудов из стекла, найденных на городище, позволяют подчас дополнить данные об ассортименте стеклянных сосудов того или иного центра, а также взаимно контролировать время распространения форм стеклянных изделий. Кроме того, эта группа памятников указывает, что стеклянные сосуды служили не только погребальным инвентарем, но и широко использовались в быту горожан для столовых и парфюмерных целей. В этом отношении культура жителей Кеп ничем не отличается от культуры обитателей других городов Северного Причерноморья и вообще широкой территории античного мира.

Таким образом, стеклянные изделия из могильника и городища представляют две большие группы, каждая из которых требует специального рассмотрения. Пока мы ограничиваемся анализом стеклянных сосудов, найденных в могилах некрополя Кеп.

Изучаемая коллекция стеклянных сосудов включает до 90 экземпляров⁴, открытых в групповых погребениях V в. до н. э., I—III вв. н. э. и отдельных могилах I в. н. э., влущенных в поля курганов более раннего времени. Следует отметить, что III в. н. э. является конечной датой известных в Кепах сосудов. Однако это время определяется не потреблением там стекла, а степенью исследованности территории могильника.

Стеклянные сосуды из Кеп подразделяются на две хронологические группы: V в. до н. э. и I—III вв. н. э. Обе группы резко отличаются техникой изготовления, свойственной двум основным этапам развития стеклоделия⁵. Сосуды V в. до н. э. сделаны из глухого стекла в технике песочно-глиняного стержня. Для изготовления сосудов первых веков н. э. применена техника дутья из прозрачной стеклянной массы, которая с I в. н. э. стала ведущей техникой стеклоделия, вытеснив более древнюю, менее совершенную и более трудоемкую.

Стеклянные сосуды V в. до н. э. В некрополе их открыто шесть целых экземпляров и один фрагментированный (рис. 1, 1—6). Один из хорошо сохранившихся сосудов найден случайно⁶. Он по аналогиям датируется IV в. н. э. Фрагментированный сосуд обнаружен вне могил. Мы их специально не рассматриваем, поскольку считаем наиболее важными пять экземпляров сосудов из погребений №№ 29, 89, 140 и 189. Это

⁴ Все сосуды хранятся в Государственном Историческом музее.

⁵ Doppelfeld O. Römisches und Frankisches Glas in Köln. Köln, 1966, S. 18 ff.

⁶ Сокольский Н. И. Кепы. — В кн.: Античный город. М., 1963, рис. 4, 6.

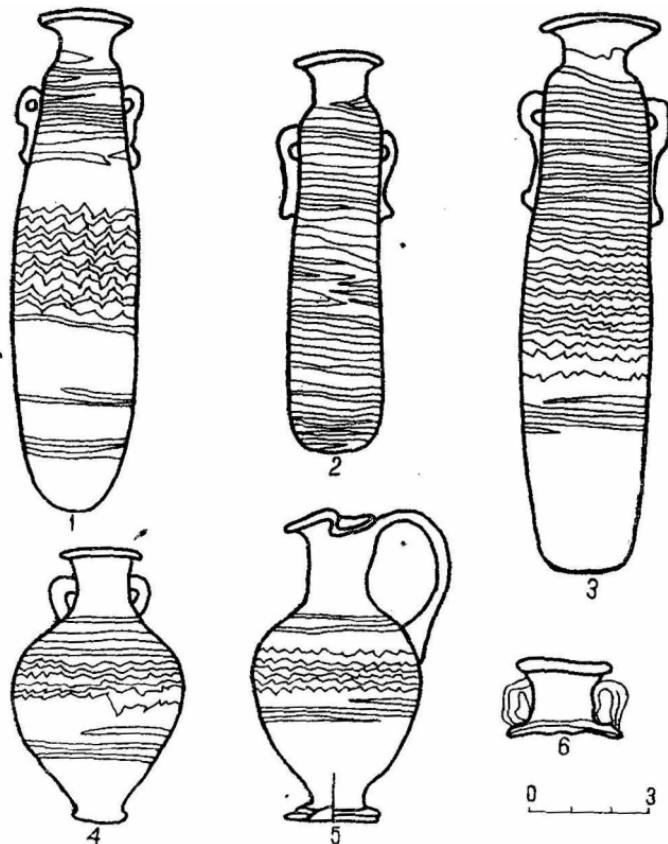

Рис 1. Стеклянные сосуды V в. до н. э.:

1 — алабастр, погребение 69; 2 — алабастр, погребение 129;
 3 — алабастр, погребение 140; 4 — амфориск, погребение 129; 5 — ойнохоя, погребение 189; 6 — горло амфориска, вне погребений

три алабастра (рис. 1, 1—3), амфориск (рис. 1, 4) и ойнохоя (рис. 1, 5), представляющие почти все основные формы сосудов ранней группы, широко распространенной в античном мире. Мы придаем особое значение этой небольшой группе стекла из Кеп потому, что они найдены в могилах с инвентарем, а это позволяет датировать публикуемые нами памятники довольно точно. Не останавливаясь здесь на детальном анализе совместного со стеклянными сосудами инвентаря, уже про-

деланных нами⁷, укажем, что алабастры из могил 69 и 140 относятся к началу второй четверти V в. до н. э.; амфориск, алабастр из могилы 29 и ойнохоя из могилы 189 датируются серединой — третьей четвертью V в. до н. э.

Проблема датировки стеклянных сосудов раннего времени остается пока малоразработанной, хотя подобных сосудов открыто в Средиземноморье изрядное количество. Находки их в Северном Причерноморье в основном связаны с территорией Боспора и Ольвией, но они тоже плохо изучены. На Боспоре распространение сосудов техники несочко-глиняного стержня совпадает с началом вытеснения и дальнейшим доминированием на боспорских рынках аттического товара над ионийским. Поэтому такие сосуды заманчиво отнести к изделиям аттических мастерских. Однако делать это до полного и тщательного изучения всех сосудов было бы преждевременным. Необходимо подвергнуть анализу типы сосудов, цвет стекла, особенности орнаментов, их цветовую гамму и сопоставить их с такими же сосудами Средиземноморья. Это даст возможность подразделить северопричерноморские сосуды по центрам производства, что в свою очередь дополнит сведения о направлениях торговых связей античных государств Северного Причерноморья в VI—V вв. до н. э.

Стеклянные сосуды I—III вв. н. э. Эта группа стекла из некрополя Кеп по количеству входящих в нее сосудов значительно превосходит предыдущую. Стеклянные сосуды этого времени составляли инвентарь одиночных погребений и земляных склепов. Если в первых они встречались по одному, редко двум экземплярам, то в склепах их было много больше. Это может быть объяснено тем, что в склепах, служивших семейными усыпальницами, имелось не менее пяти-десяти захоронений, почти каждому из которых ставился стеклянный сосуд. Но нельзя не отметить, что погребальный инвентарь в склепах отличался большим богатством и включал золотые изделия, сами захоронения производились в украшенных терракотовыми и гипсовыми налепами деревянных саркофагах. Поэтому можно думать, что посуда из прозрачного стекла, по крайней мере в начале I в. н. э., когда она ценилась довольно высоко, была доступна в основном наиболее зажиточным слоям жителей Кеп.

Кепские стеклянные сосуды, исходя из их функционально-

⁷ Сорокина Н. П. Новые находки стеклянных сосудов V в. до н. э. на Таманском полуострове. — В кн.: История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971, с. 76 сл.

го назначения, могут быть подразделены на парфюмерные, или туалетные, и столовую посуду. К первым относятся бальзамарии, флаконы и посуда более редкой формы, например, мисочки и небольшое блюдо. Ко второй — кувшины, кружки, или модиолусы, стаканы.

Цвет стекла сосудов в основном голубоватый, у отдельных экземпляров он имеет голубовато-зеленоватый оттенок. Сосуды сделаны посредством свободного дутья или выдувания с применением форм.

Столовая посуда. Кувшины. Кувшины из Кеси представлены следующими формами: с цилиндрическим, квадратным, яйцевидным на поддоне и яйцевидным без поддона туловом.

1. Кувшины с цилиндрическим туловом. Их открыто три экземпляра.

1. Кувшин с цилиндрическим туловом, слегка вогнутым дном, коротким цилиндрическим горлом с муфтообразным венчиком. Ручка в виде плоской широкой ленты, гладкой с внутренней стороны и рельефными частогребенчатыми выступами снаружи, язычками, спускающимися на плечи сосуда. На тулове — гравированные горизонтальные полоски.

Стекло прозрачное, голубоватого оттенка. Высота — 11,2 см, диаметр туловы — 9,5 см, венчика — 6 см. Выдут в форме. Реставрирован.

Склеп 245. Раскопки 1963 г. (рис. 2, 1).

2. Кувшин. Форма, техника, цвет стекла аналогичны № 1. Высота — 11,2 см, диаметр туловы — 9,8 см, венчика — 6 см. Реставрирован.

Склеп 401, за саркофагом № 1. Раскопки 1967 г. (рис. 2, 2)⁸.

3. Найден в обломках. Диаметр туловы 10,5 см. На нем гравированные полоски. Стекло прозрачное, бесцветное.

Склеп 48. Раскопки 1961 г.

Интересен вопрос о возможном месте производства кувшинов из склепа 48.

Кувшины с цилиндрическим туловом в античном мире известны в двух вариантах: с высоким и низким туловом⁹. Кепские экземпляры относятся ко второму варианту.

Те и другие кувшины были широко распространены и на

⁸ Кунина Н. З., Сорокина Н. П. Стеклянные бальзамарии Боспора. — «Труды ГЭ», XIII. Л., 1972, рис. 7, 19.

⁹ Sorokina N. Das antike Glas der Nordswarzmeerküste. Annales du 4e Congrès des «Journées Internationales du Verre». Ravenne-Venise, 13—20 mai 1967. Abb. 1, 14, 16.

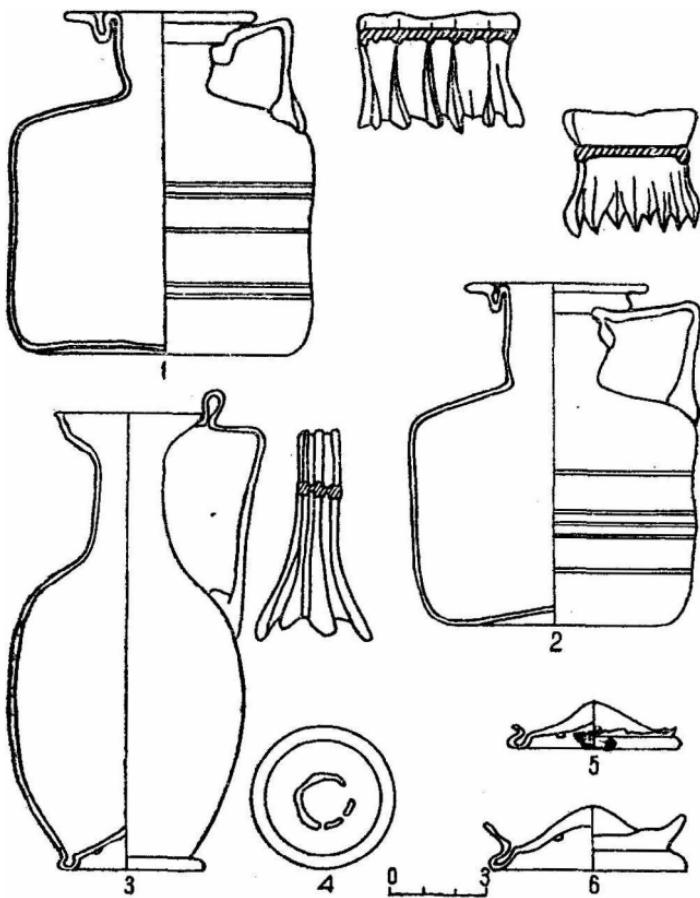

Рис. 2. Стеклянные кувшины конца I — начала II в. н. э.: 1 — кувшин, склеп 245; 2, 3 — кувшины, склеп 401; 4 — дно кувшина со следом от понтим; 5 — донья кувшинов, склепы 245, 354

восточных, и на западных территориях Римской империи. При общности форм этих кувшинов во всем античном мире обращает на себя внимание одна серия, в которую входят и кепские экземпляры, отличающиеся особым устройством венчика. Он имеет вид как бы муфты со сложным профилем. Это достигалось тем, что верхняя часть горла отгибалась вниз, затем кверху, и его край выносился вперед. Большинству же кувшинов с цилиндрическим туловом свойственны венчики более

простого профиля, образованного лишь загнутым вовнутрь верхним краем горла. Кувшины с муфтообразным венчиком, по наблюдениям К. Айсинге¹⁰ и Д. Чарлсворта¹¹, очень редко встречаются в западных провинциях Римской империи. На этом основании они считают их локальной средиземноморской группой. Более того, К. Айсинге называет их «кипрскими», тем самым относя место производства таких кувшинов к мастерским острова. Однако ей остались неизвестными другие формы сосудов с муфтообразным венчиком, мало или совсем не за- свидетельствованные на Кипре. Поэтому мы подвергаем со- мнению правомочность такого термина, но присоединяемся к мнению обеих исследовательниц, что кувшины с подобным своеобразным венчиком характерны для территорий Восточного Средиземноморья. Поэтому представляется возможным связывать их производство с более определенным районом Восточного Средиземноморья, а именно с мастерскими городов Малоазийского побережья. К сожалению, стекло первых веков н. э. из этого района совершенно не опубликовано. Но этот пробел восполняется за счет керамики, которая, как известно, формами и устройством деталей бывает аналогична стеклянным сосудам¹². Можно привести целый ряд глиняных пелик, амфор III—II вв. до н. э. малоазийского производства, а точнее пергамских, у которых устье оформлено в виде венчика муфтообразного профиля¹³. Этот прием сохранился у краснолаковых сосудов первых веков н. э., которые перекликаются со стеклянными не только видом венчика, но и всей формой сосуда¹⁴. Сделанное наблюдение позволяет высказать предположение, что малоазийские, в том числе пергамские стеклоделы заимствовали у керамистов приемы, ставшие для последних к I в. н. э. традиционными.

В литературе уже высказывалось мнение о существовании стеклоделия в греко-анатолийском районе эпохи эллинизма¹⁵.

¹⁰ Isings C. Roman Glass from dated Finds, Groningen. — Jacarta, 1957, p. 67, form 51.

¹¹ Charlesworth D. Roman Squat Bottles. Journal of Glass Studies (Далее — JGS), vol. VIII, 1966, p. 26 ff.

¹² Peter La Buame. Römisches Glas und Keramikformen. Glastechnische Berichte 38 (1965), III, 12, S. 49 ff.

¹³ Киповиц Г. И. Торговые отношения античных колоний Северного Причерноморья в эпоху эллинизма. — СА, XI. А.—Л., 1949, с. 274, рис. 1, 2; рис. 2, 2.

¹⁴ Например, пантикопейский сосуд из собрания ГИМ. Инв. № 2270. Коллекция И. Е. Забелина.

¹⁵ Haevernick Th. E. Hellenistische Glasfingerringe. Jahrbuch des Römischi-Germanischen Zentralmuseums. Mainz, 16, Jahrgang, 1969, S. 182.

Косвенным подтверждением дальнейшего развития этого ремесла в римский период может служить производство в малоазийских городах, и в частности Пергаме, глазурованной посуды, изготовление которой было связано с варкой стекла¹⁶. Навыки приготовления глазури в виде стеклянной массы в малоазийских центрах и Пергаме делают вполне допустимой мысль о наличии мастерских, выпускавших сосуды, сделанные целиком из стекла.

Кувшины с цилиндрическим туловом и муфтообразным венчиком составляют только один тип стеклянных сосудов, которые мы считаем изготовленными малоазийскими мастерами. Малоазийская группа включает более многочисленные типы сосудов и требует специального рассмотрения, которое выходит за рамки данной статьи. Отметим только, что наблюдение над распространением сосудов из малоазийской группы по всему античному миру позволяет говорить об их концентрации в основном в Северном Причерноморье. Этот факт вполне соответствует одному из главных направлений экономических связей малоазийских центров, установленному советскими исследователями на основании изучения многих и разнообразных памятников. Экспорт стекла из Малой Азии в Северное Причерноморье был довольно мощным, о чем можно судить по большому количеству только одних кувшинов с цилиндрическим туловом. Известно свыше пятидесяти хорошо сохранившихся экземпляров, не считая обломков из культурных слоев городищ. Найдены таких кувшинов сосредоточиваются на Боспоре, но они известны в Ольвии и Херсонесе.

Ценность кувшинов малоазийского типа из Причерноморья и особенно Боспора заключается в том, что многие из них найдены в некрополях Пантикалея и Кеп. Поэтому на основании анализа совместного инвентаря можно установить время бытования этого типа сосудов. Наиболее ранние из них относятся к первой половине I в. н. э., поздние — до середины II в.¹⁷. Кепские экземпляры могут быть датированы концом I в. — началом II в.¹⁸.

¹⁶ Марченко И. Д. Об античных глазурованных сосудах из музеев СССР. — КСИА, 128, М., 1971 с. 21 сл.

¹⁷ Кунина Н. З., Сорокина Н. П. Указ. соч., с. 163 сл.

¹⁸ Мы не останавливаемся здесь и далее на аргументации датировки стеклянных сосудов из некрополя Кеп. В этом плане все комплексы инвентаря кепских могил со стеклом разобраны в специальной работе (см.: Кунина Н. З., Сорокина Н. П. Стеклянные бальзамарии Боспора. Указ. соч., с. 146 сл.).

Хронологические рамки распространения в Северном Причерноморье кувшинов с низким цилиндрическим туловом от начала I в. н. э. до середины II в. н. э. представляют локальное явление. Этот факт обращает на себя внимание. Начальная дата, фиксирующая появление таких сосудов, свидетельствует о том, что Боспор и, в частности Пантиакей, являлся одним из первых пунктов, куда поступали кувшины разбираемого типа. К. Айсингс в качестве известного ей наиболее раннего примера кувшинов формы 51 приводит экземпляр из Помпей. К сожалению, О. Вессберг не называет начальной даты аналогичных кувшинов с острова Кипра, но интересно, что наиболее поздние экземпляры, по утверждению этого исследователя, доживаются до середины III в. н. э.¹⁹.

II. Кувшины с квадратным туловом. Целых экземпляров не найдено. Обнаружен только один обломок верхней части тулов, сделанного из прозрачного слегка голубоватого, почти бесцветного стекла. Очертания плеча сосуда настолько характерны, что без труда восстанавливаются тип кувшина, хорошо известного среди сосудов первых веков н. э.²⁰. Мы придаём этому фрагменту большое значение благодаря обстоятельствам его находки. Он был найден среди большого числа обломков керамики трины, которая, судя по всей совокупности материала, была совершена не позднее середины I в. н. э.²¹. В этот ранний период кувшины с квадратным туловом встречаются редко. К. Айсингс считает, что они получили распространение главным образом с середины I в. н. э. Но, видимо, мнение Морен-Жана²², называвшего время Августа, ближе к истине, о чём можно судить на основании кипской находки.

III. Кувшины с яйцевидным туловом на поддоне. Найдены один кувшин целый и обломки двух доньев.

1. Кувшин с яйцевидным туловом, невысоким цилиндрическим горлом с раструбом. Край устья оплавлен. Ручка в виде ленты с четырьмя рельефными ребрами, спускающимися на месте прикрепления с туловом четырьмя языками. У вен-

¹⁹ Vessberg O. Notes of the Chronology of the Roman Glass in Cyprus. Studies Robinson. Missouri, 1953, p. 163; Vessberg O. Roman Glass in Cyprus. Opuscula Archaeologica. Vol. VII, Lund, 1952, p. 125 ff.

²⁰ Isings C. Op. cit., p. 63 ff, form 50; Charlesworth D. Op. cit., p. 26 ff. Сорокина Н. П. Стеклянные сосуды из Танаиса. — МИА, 127. М., 1965, рис. 12; Кунина Н. З., Сорокина Н. П. Указ. соч., рис. 5, 27; 6, 23; 7, 23.

²¹ Сорокина Н. П. Раскопки некрополя в Кепах в 1959—1960 гг. — КСИА, 1962, вып. 91, с. 102, рис. 40.

²² Morin-Jean. La verrerie en Gaule sous l'Empire Romain. Paris, 1913, p. 62.

чика ручка образует петлю. Поддон кольцевой; дно вогнуто конусом. На дне — след от понтии или металлического прута диаметром 2 см (рис. 2, 4). Высота сосуда 15 см, диаметр устья 4,6 см, дна — 4,8 см. Стекло блестящее, без иризации, прозрачное, с голубоватым оттенком. Техника — свободное дутье. Сохранность хорошая. Склеп 401, за саркофагом 2. Раскопки 1967 г.²³ (рис. 2, 3).

2. Обломок дна кувшина. Устройство, цвет и качество стекла аналогичны № 1. На дне след от понтии диаметром 2 см. Диаметр дна 6,2 см. Склеп 354, костяк 2. Раскопки 1965 г.²⁴ (рис. 2, 6).

3. Обломок дна кувшина. Устройство, цвет и качество стекла аналогичны №№ 1, 2. На дне след от понтии диаметром 2 см. Диаметр дна — 5,5 см. Склеп 245. Раскопки 1963 г. (рис. 2, 5).

Кувшины с яйцевидным туловом из Северного Причерноморья известны в двух вариантах: у одних резко выражены плечи²⁵, у других — переход от горла к тулову более плавный. Кепский кувшин из склепа 401 относится ко второму варианту. Донья кувшинов обоих вариантов аналогичны по устройству, поэтому найденные в склепах 354 и 245 нижние части кувшинов мы условно рассматриваем вместе.

Нами учтено, включая кувшин из Кеп, не менее 10 целых сосудов разбираемой формы и еще некоторое число их обломков, найденных в культурных слоях боспорских городов. Хорошо сохранившиеся экземпляры происходят из некрополя Пантикапея. Точных аналогий им ни среди средиземноморских, ни западноримских сосудов нам неизвестно. Это наблюдение служит одним из оснований для предположения о производстве разбираемой группы кувшинов на боспорской территории. К этому надо добавить не менее важный факт концентрации таких сосудов на Боспоре, общность качества их стекла, размеров сосудов, колеблющихся от 15 до 19 см, и большое единство в некоторых технических приемах. В частности, почти у всех кувшинов, аналогичных Кепскому, имеется след от металлического рабочего инструмента, на который принимался сосуд после снятия его с выдувной трубы для последующей оплавки венчика, прикрепления ручки и до-

²³ Кунина Н. З., Сорокина Н. П. Указ. соч., рис. 8, 9.

²⁴ Там же, рис. 19, 22.

²⁵ Кунина Н. З., Сорокина Н. П. Указ. соч., рис. 8, 7; 31; Арсеньева Т. М. Могильник у деревни Ново-Отрадное. — МИА, 1955. М., 1970. рис. 1, 1.

ведения изделия до полной готовности²⁶. Очертания следа от рабочего инструмента, понтии явно свидетельствуют, что в данном случае им был не сплошной металлический прут, а полый стержень.

В связи с вопросом о рабочих инструментах стеклоделов античного мира, почти совсем не сохранившихся до наших дней, следует упомянуть важную находку, сделанную М. Ю. Смишко при раскопах стеклодельческой мастерской III—IV вв. н. э. в Комарове на территории Украины²⁷. Там были обнаружены глиняная форма, железные щипцы, ножи, молоток, ложка и, что очень интересно, обломки полых железных трубок, которые, видимо, являются понтиями. Диаметр трубок 1 см. Сравнение этого уникального комплекса античного времени со средневековым позволяет считать, что набор рабочих инструментов стеклоделов необычайно традиционен и ничем не отличался на длительном этапе развития стеклоделия²⁸.

Для стеклянных сосудов I в. н. э. наличие следа от понтии довольно редкое, однако, не исключительное явление²⁹. Он обычно убирался при окончательной обработке изделия. В случае разбираемых кувшинов, для которых характерен не уничтоженный на их доньях след рабочего инструмента, можно видеть как бы единый прием, почерк, если не одного мастера, то одной мастерской или мастерских определенного района, центра.

Следы от понтии на пантикопейских и келских кувшинах дают возможность установить их диаметр от 1,6 до 2 см. Только очень немногие исследователи придают значение этой важной детали при публикациях ими стеклянных изделий. Среди

²⁶ Мы не останавливаемся на подробном описании техники изготовления стеклянных сосудов, а отсылаем к книге: Качалов Н. Стекло. М., 1959, с. 69.

²⁷ Смишко М. Ю. Поселення III—IV вв. с. г. із слідами скляного виробництва біля с. Комарів, Черновецької області. Матеріали та дослідження археології Прикарпаття і Волині. Київ, 1964, № 5, с. 67—80, табл. IV.

²⁸ Harden D. B. Glass and Glazes. A History of Technology. Vol. II. Oxford, 1956, p. 328 ff, fig. 311, 312.

²⁹ Данное положение основано на ряде примеров, почерпнутых из изучения стекла Северного Причерноморья в связи с недавно высказанным мнением К. М. Скалон о том, что отмечаемая нами деталь производства стеклянных сосудов «обнаруживается на стеклянных изделиях из боспорского некрополя не раньше конца II в. н. э.» (Скалон К. М. О некоторых формах стеклянной посуды позднеантичного и раннесредневекового Боспора. — «Сообщения ГЭ», 38, 1973, с. 52). Это утверждение противоречит фактам.

них, например, Г. Дэвидсон Вайнберг³⁰ и Э. Шпартц³¹, которые приводят диаметры трубок от 1,8 до 2 см, первая — для стеклянных сосудов из Фессалии, вторая — у стекол из собрания Кассельского музея.

Следы понтий наблюдаются на большой серии стеклянных сосудов Северного Причерноморья от I в. вплоть до конца античной эпохи. Этот вопрос требует специального исследования, ибо суммирование и дальнейший анализ данных может дать интересные результаты для выяснения локальных особенностей производственных навыков, применения разного диаметра понтий в зависимости от размеров изделий и для эволюции техники античного стеклоделия в целом.

Разбираемые кувшины связаны с местным стеклоделием, поэтому важно определить время их изготовления. Эти кувшины датируются нами на основании совместного инвентаря и особенно форм бальзамариев (тип. I, 2, Г и II, 2) концом I до середины II в. н. э.³².

Если до недавнего времени существование стеклоделия на Боспоре ставилось под сомнение, или же эта проблема поднималась очень осторожно³³, то теперь о боспорском стеклоделии говорят вполне уверенно. Это мнение подкрепляется открытие остатков самого производства, а также исследование памятников³⁴. Во всяком случае, вся сумма данных настойчиво свидетельствует о работе стеклоделов в боспорских городах периода II—V вв. н. э.³⁵. Однако анализ группы кувшинов и сосудов других форм³⁶ заставляет удревнить эту дату и считать возможным отнести начало стеклоделия на Боспоре к I в. н. э., а точнее — ко второй его половине. Такая ранняя дата производства стеклянной посуды на боспорских землях

³⁰ Davidson Weinberg G. Evidence for Glass Manufaktur in ancient Thessaly. AJA, vol. 66, N 2, 1962, p. 130.

³¹ Spartz E. Antike Gläser. Staatliche Kunstsammlung. Kassel, 1967, S. 5.

³² Кунина Н. З., Сорокина Н. П. Указ. соч., рис. 8, 9, II, с. 161, 166, 175.

³³ Шелов Д. Б. Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956, с. 176; Кобылина М. М. Фанагория. — МИА, 57, 1956, с. 91 сл.; Блаватский В. Д. Раскопки Пантикея в 1954—1958 гг. — СА, 1960, № 2, с. 180.

³⁴ Алексеева Е. М., Арсеньева Т. М. Стеклоделие Танаиса. — СА, 1966, № 2, с. 176 сл.; Сорокина Н. П. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья. — СА, 1971, № 4, с. 100.

³⁵ Алексеева Е. М., Арсеньева Т. М. Указ. соч., с. 176 сл.; Скалон К. М. Стеклянные сосуды из Боспорского некрополя. — Сообщения ГЭ, 38, 1974, с. 44 сл.; Сорокина Н. П. Указ. соч., с. 100.

³⁶ Кунина Н. З., Сорокина В. П. Указ. соч., с. 171 сл.; Кунина Н. З. Сирийские выдувные в форме стеклянные сосуды из некрополя Пантикея. — в кн.: Памятники античного прикладного искусства. Л., 1973, с. 143.

вряд ли звучит парадоксально, если учесть общую картину развития стеклоделия всего античного мира данного периода как на итальянской почве, так и западноримских провинциях и даже более широкой территории³⁷. Поэтому Боспор, одно из мощных и богатых государств периферии античного мира, находившийся в теснейших культурно-экономических связях со всем античным миром и особенно Восточным Средиземноморьем и обладавший производственными традициями, вряд ли стоит исключать из списка тех областей, в которых с конца I в. н. э. получает развитие стеклоделие. Хорошо известно, что северопонтийские города, и боспорские в частности, являлись крупными ремесленными центрами, активно реагирующими издревле и в интересующее нас время на новые достижения Средиземноморья в области производства, в результате чего они обеспечивали внутренние рынки «модными» для того или другого периода товарами. В качестве отдельных примеров приведем боспорские краснофигурные и акварельные пелики³⁸, делающиеся в подражание аттическим; терракоты, воспроизводящие средиземноморские образцы³⁹, так называемые «мегарские чаши»⁴⁰; ольвийские сосуды, имитирующие Александрийские вазы⁴¹. Наконец, обратим особое внимание на предположение о производстве фаянсовых бус и глазурованной посуды на Боспоре⁴². Последнее для нас особенно важно, поскольку тот и другой вид изделий является продуктом ремесла, представляющего отрасль стеклоделия.

³⁷ *Gläser der Antike. Sammlung Oppenländer*. Hamburg, 1974, S. 86; Аракелян Б. Н., Тирацян Г. А., Хачатрян Ш. Д. Стекло древней Армении. Ереван, 1969, с. 21 сл.; см. рецензию Н. Н. Сорокиной на последнюю. — ВДИ, 1973, № 3, с. 192 сл.

³⁸ Гайдукевич В. Ф. Боспорские города в свете археологических исследований последних двух десятилетий. — В кн.: Археология и история Боспора. Симферополь, 1952, с. 32.

³⁹ Пругло В. И. Терракоты из городов и поселений Боспора как исторический источник. Автографат канд. дис. М., 1974, с. 12.

⁴⁰ Блаватский В. Д. Пантиапейские раскопки 1945—1946 гг. — В кн.: Памятники искусства, 2. М., 1947, с. 14, рис. В; Гайдукевич В. Ф. Указ. соч., с. 34, рис. 7.

⁴¹ Зайцева К. И. Местная керамика Ольвии эллинистического времени (курильницы и амфоры). — ТГЭ, т. 7, Л., 1962, с. 184 сл. Шургая И. Г. К вопросу об отражении Александрийского импорта в керамическом производстве Ольвии. — КСИА, вып. 109, М., 1967, с. 38 сл.; он же. Агонистические амфоры в некрополях Северного Причерноморья. — СА, 1971, № 3, с. 204.

⁴² Коровина А. К. Фаянсовые подвески из некрополей Тирамбы и Фагории. — ВДИ, 1972, № 1, с. 104 сл.; Марченко И. Д. Указ. соч., с. 32.

Все эти факты и заставляют склониться к мысли о вполне реальной возможности работы в конце I в. н. э. на Боспоре мастерских, изготавливших сосуды из стекла. Частью этой продукции была группа кувшинов, в которую входит экземпляр, раскопанный в склепе 401 Кепского некрополя.

IV. Кувшины с яйцевидным туловом без поддона. Открыто два экземпляра, оба в обломках.

1. От кувшина сохранилась часть горла, плеч и ручка. Край венчика загнут внутрь, образуя небольшой валик. Ручка сделана в виде плоской ленты с петлей у венчика. Примерная высота сосуда — 23 см, диаметр устья — 6,5 см. Стекло чуть травянисто-зеленоватого оттенка. Покрыт иризацией, представляющей плотную пленку молочно-белого цвета. Склеп 245. Раскопки 1963 г. (рис. 3, 1).

2. От сосуда сохранилась часть горла с венчиком, слегка вогнутое дно. Край растрюба горла загнут внутрь. Примерная высота — 18 см, диаметр устья — 6 см, дна — 5,5 см. Цвет и качество стекла аналогичны № 1. Склеп 245. Раскопки 1963 г. (рис. 3, 2).

Форма кувшинов, несмотря на их крайнюю фрагментарность, может быть легко восстановлена на основании многих аналогий. Такие кувшины получают широкое распространение на Боспоре, о чем можно судить на основании целого ряда хорошо сохранившихся экземпляров и обломков таких же кувшинов из культурных слоев Европейского и Азиатского Боспора.

Дата их распространения от середины II до середины III в. н. э. прочно устанавливается на основании могильных комплексов, которые включали монеты Римиталка (131—153 гг.), Савромата II (186—196) и бальзамарии (типы I, 2, E и II, 2)⁴³. Кепские кувшины из склепа 245 интересны тем, что они относятся к ранним образцам сосудов этой группы и время их изготовления падает на 50—60-е гг. II в. н. э.

Кружки или модиолусы. Сохранились три почти целых кружки и большой фрагмент дна. Две кружки (рис. 4, 1, 2) были поставлены при каждом из двух захоронений в склепе 354, одна — в подбойной могиле 333 (рис. 5, 1, 2). Кружки из склепа 354 однотипны, из могилы 333 — представляют редкий экземпляр.

1. Кружка почти цилиндрической формы, немного сужающаяся ко дну; дно выгнуто конусом, поддон кольцевой, труб-

⁴³ Кунина Н. З., Сорокина Н. П. Указ. соч., рис. 9, 46; 10, 34; с. 160, 166.

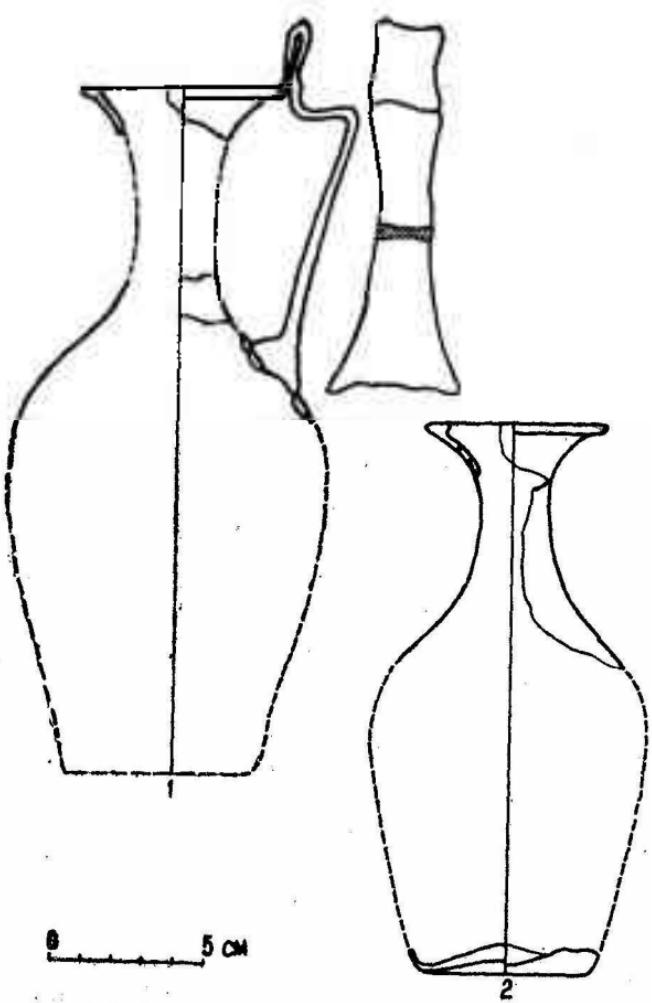

Рис. 3. Стеклянные кувшины середины II в. н. э.
Склеп 245

чатый. Устье сосуда отогнуто, край оплавлен. Верхняя часть сосуда под венчиком как бы отделена от туловы трубчатым полым валиком, образованным стенкою сосуда своеобразным техническим приемом. Ручка — плоская лента, прикрепленная под валиком в средней части туловы.

Стенки сосуда очень тонкие, дно и ручка массивные. Стекло прозрачное, прекрасного качества с блестящей

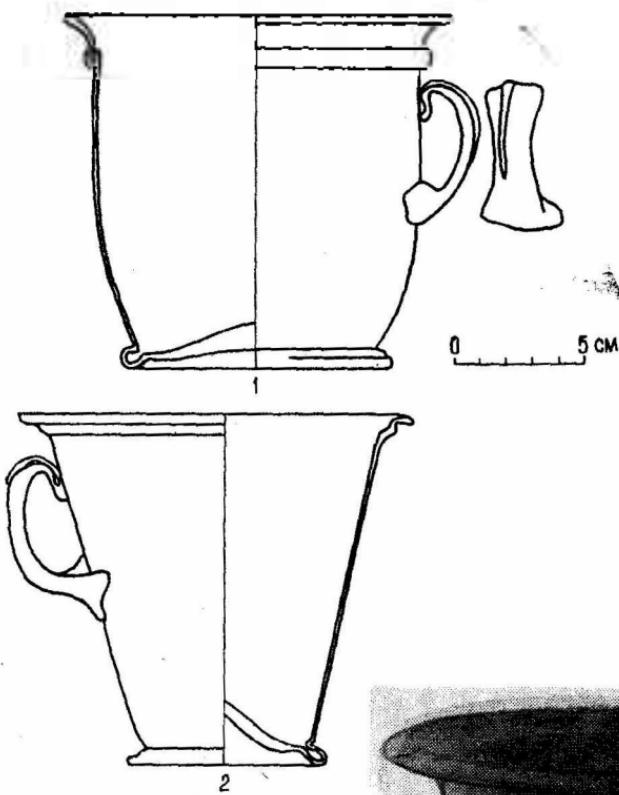

Рис. 4. Стеклянные и поливная
кружки — модиолусы:
1,2 — стеклянные кружки второй
половины I в. н. э. склеп 354; 3 —
керамические кружки с поливой.
Ольвия, I в. до н. э.

поверхностью без иризации. Цвет стекла стенок голубовато-лазурный; ручка, дно, венчик того же цвета, но более интенсивного по окраске.

Высота — 13,5 см, диаметр устья — 15 см, дна — 10,5 см. Реставрирована. Склеп 354, костяк 2. Раскопки 1965 г. (рис. 4, 1).

2. Кружка конической формы с прямыми стенками, кольцевым трубчатым поддоном, вогнутым конусом дном, отогнутым оплавленным венчиком двухступчатого профиля.

Качество, цвет стекла сосуда аналогичны № 1.

Высота — 13,5 см, диаметр устья — 15,1 см, дна — 7,8 см. Раздавлена, реставрирована. Склеп 354, костяк 2. Раскопки 1965 г. (рис. 4, 2).

3. Дно кружки. Устройство, цвет стекла аналогичны № 1, 2. Диаметр — 10 см. Найден на тризне. Участок А, площадь 4. Раскопки 1959 г.⁴⁴.

Все эти экземпляры обращают на себя внимание одной технической деталью — на их доньках отсутствуют следы от понтий, на которую обязательно должны были быть приняты сосуды, потому что края венчиков для их оплавки подверглись дополнительной огневой обработке. Поэтому данные сосуды являются хорошей иллюстрацией работы стеклоделов, которые считали необходимым при доведении изделия до готовности уничтожать кусочки налипшего стекла на месте прикрепления понтий на дне сосуда, что не было, например, сделано у кувшинов с яйцевидным туловом, о которых мы говорили выше. Интересно в этой связи указать на отдельные экземпляры кружек⁴⁵, сохранивших след от понтий и ее размеры, довольно необычные, достигающие 3 см в диаметре.

Модиолусы входили в погребальный инвентарь реже, чем другие формы сосудов. Поэтому изучение их только по некропольскому материалу могло бы привести к ложному выводу об их использовании в городах Северного Причерноморья. Так, целые сосуды известны главным образом из Ольвии и Пантикея, а в Херсонесе они пока обнаружены не были. Истинная картина восстанавливается за счет обломков кружек, найденных при раскопках города, и в немалом количестве.

Модиолусы из Северного Причерноморья чаще всего сделаны из прозрачного голубоватого стекла, реже из цветного

⁴⁴ Сорокина Н. П. Раскопки некрополя в Кепах в 1959—1960 гг. — КСИА, вып. 91, 1962, рис. 40.

⁴⁵ Кружка из Ольвии. Собрание ГЭ: О. 1909, 229; Sorokina N. Das antike Glas... Abb. 5, 8.

стекла и в так называемой технике пестрой поверхности⁴⁶.

Все типы кружек Северного Причерноморья и характер стекла, из которого они сделаны, находят аналогии у модиолусов Италии, западноримских провинций и западногонтийских городов. Время их большего распространения относится ко второй половине I в.⁴⁷. Кепские модиолусы из склепа 354 датируются тоже второй половиной I в. н. э.⁴⁸, а дно кружки, найденное на месте тризны, относится к первой половине века и его можно считать фиксирующим более раннюю дату распространения таких сосудов в Северном Причерноморье. Не исключена возможность, что число стеклянных модиолусов первой половины I в. будет значительно расширено, поскольку их форма явно подражает серебряным сосудам⁴⁹ и арретинской керамике⁵⁰ эпохи Августа, а истоки форм тех и других модиолусов уходят еще в эпоху эллинизма. В эпоху же позднего эллинизма кружки очень близких очертаний делались и с покрытием глазурью (рис. 4, 3), а следовательно, такие формы сосудов были знакомы мастерам, варившим стекловидную массу для своих изделий⁵¹.

Иной вид кружки имеет сосуд из могилы (рис. 5, 1, 2). Его скорее можно назвать ритоном.

1. Тулою сосуда представляет голову молодого Диониса с венком из виноградных листьев. На лбу повязка с двумя коримбами. Ручка в виде плоской ленты. Сосуд заканчивается коротким цилиндрическим горлом со слегка отогнутым, оплавленным краем. Перед прикреплением ручки горло было перевито дважды тонкой стеклянной нитью. Дно слегка вдавлено, на дне след от понтии диаметром 1,2 см. Выдут в разъемной трехчастной форме. Стекло прозрачное голубоватого оттенка, поверхность сосуда покрыта серебристой иризацией. Сохранность хорошая, утрачен лишь кончик носа.

⁴⁶ Sorokina N. Op. cit., Abb. 3, 4, 14, 5, 8, 9. Художественное стекло. Альбом по материалам выставки Гос. Эрмитажа. Л., 1967, № 13; Археология Української РСР. Том другий. Київ, 1971, вкладка между с. 352—353.

⁴⁷ Isings G. Op. cit., p. 52 ff, form. 52.

⁴⁸ Кунина Н. З., Сорокина Н. П. Указ. соч., рис. 8, 2; 10, 21. Этим временем датируют их бальзамарии типов I, 2, Г и П, 2, найденные совместно с ними в склепе 354.

⁴⁹ Künzel E. Der augusteische Silbercalathus im Rheinischen Landesmuseum Bonn. Bonner Jahrbücher. Bd. 169, 1969, S. 321 ff.

⁵⁰ Oxé A. Arretinische Reliefgefässe vom Rhein. Materialien zur Römisch-Germanischen Keramik. Frankfurt/M., 1933, Hf. 5, Taf. XXIII, II M a—d, Taf. XXIV, 114, a—b, Taf. XXV.

⁵¹ Марченко И. Д. Указ. соч., рис. 1, 1—4.

Рис. 5. Стеклянная кружка в виде головы Диониса.
Середина II в. н. э.

Высота — 12 см, диаметр горла — 6,5 см, дна — 4,8 см. Могила 333. Раскопки 1965 г.

Кепский сосуд сделан опытным сирийским мастером с большим художественным вкусом. Лицо Диониса асимметрично, и поэтому выражение его при различных поворотах меняется, но в основном ему присуща созерцательность и грусть, которые не передает ни один из снимков. По стилю изображения этот памятник может быть отнесен ко времени Адриана-Антюнина Пия. Особенно много общего имеется в изображении Диониса с портретами Антиноя того времени. Это проявляется в сочетании психологической характеристики образа с тя-

желыми формами лица классического типа, обрамленного шапкой волос.

Анализ инвентаря, найденного вместе с этим сосудом, подтверждает дату, установленную на основании стилистического анализа памятника.

Из новейшей литературы об античном стекле удалось подобрать аналогию кепскому сосуду, которая нам была неизвестна при подготовке специальной публикации кружки⁵². Это сосуд II в. н. э. из собрания Оппенлендера⁵³, тоже представляющий голову Диониса в очень близкой трактовке кепскому, но отличающийся от последнего завершением в виде длинного трубчатого горла, перевитого дважды стеклянной нитью. Не исключена возможность, что оба сосуда являются изделием одного мастера⁵⁴. Различное устройство горла у того и другого сосуда вполне допустимо. Форма, которая использовалась для изготовления сосуда, строго регламентировалась только то, что в нее выдувалось (в данном случае голова Диониса), а верхней части мастер мог придавать любые очертания. Обращает на себя внимание, что горло сосуда из собрания Оппенлендера тоже перевито питью. Не выдает ли эта деталь руку одного мастера?

Кружка с головою Диониса из Кеп венчает собою целую серию значительно более рядовых фигурных сосудов из Причерноморья и примыкает к лучшим образцам сосудов с сюжетными изображениями, выдущих в формах, всего античного мира первых веков н. э.⁵⁵.

Стаканы. Их открыто восемь экземпляров.

1. Стаканы с округлыми стенками, плоским дном, необработанным краем. Тулово опоясывают глубокие и слегка обозначенные шлифованные полоски. Стекло прозрачное, слегка оливкового оттенка. Свободное дутье. Высота 7,4 см, диаметр устья — 6 см, дна — 3 см, толщина стенок 1,5—1,7 мм. Найден в обломках, некоторых недостает, но сохранившиеся части дают полный профиль сосуда.

Склеп 61. Костяк 2. Раскопки 1960 г. (рис. 6, 1).

⁵² Сорокина Н. П. Фигурный стеклянный сосуд из Кеп. — СА, 1968, № 4, с. 181 сл.

⁵³ Glaser der Antike. Sammlung Oppenländer. Hamburg, 1974, N 467, S. 171.

⁵⁴ Для того, чтобы утверждать это определенно, необходимо тщательное сопоставление того и другого сосуда в натуре. По фотографии, приведенной в каталоге собрания Оппенлендера, это сделать трудно.

⁵⁵ Сорокина Н. П. Указ. соч., с. 183, 188, рис. 3, 1—9.

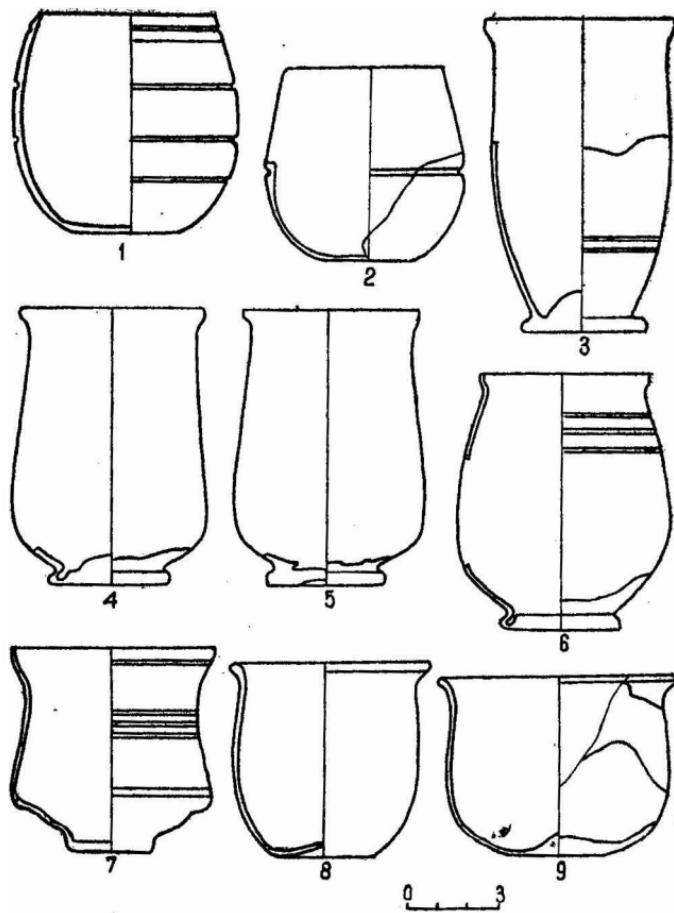

Рис. 6. Стеклянные стаканы I в. — середина II в. н. э.: 1, 3 — стаканы, склеп 61; 2, 4, 7 — стаканы, склеп 88; 6 — стакан, склеп 354, 8 — стакан, склеп 245; 9 — сосуд, склеп 315

2. Нижняя часть стакана близкой или аналогичной формы № 1. Техника изготовления, качество, цвет стекла, толщина стенок, гравированные линии как у № 1. Диаметр дна — около 3 см.

Склеп 88. Костяк 4. Раскопки 1961 г. (рис. 6, 2).

3. Нижняя часть стакана, сохранившаяся примерно до середины туловища, спускающегося книзу и переходящего в сильно вынесенный поддон. Поддон снизу плоский, но сильно вы-

ступающий в виде полушария внутри сосуда. На тулове неглубокие, расположенные рядом гравированные линии. Свободное дутье. Стекло голубоватого оттенка. Сохранившаяся высота — 6 см, диаметр дна — 4,2 см, толщина стенок — около 1 мм.

Склеп 61. Костяк 2. Раскопки 1960 г. (рис. 6, 3).

4. Нижняя часть стакана. Устройство поддона, качество, цвет стекла, техника изготовления аналогичны № 3. Форма же самого сосуда несколько отличается большим расширением в нижней части. Диаметр дна — 4 см.

Склеп 88. Костяк 4. Раскопки 1961 г. (рис. 6, 4).

5. Нижняя часть стакана. Плоское дно в центре несколько углублено, с внутренней части — плоское. Качество, цвет стекла аналогичны №№ 3, 4. Диаметр дна — 4 см.

Склеп 88. Костяк 4. Раскопки 1961 г. (рис. 6, 5).

6. Стакан с округлыми стенками, отогнутым необработанным краем. Дно аналогично № 5. В верхней части туловы — три гравированные полоски. Свободное дутье. Качество, цвет стекла как у №№ 3—5. Высота — 8,5 см, диаметр устья — 5,6 см, дна — 4 см, толщина стенок — 0,5 мм. Найден раздавленным, средняя часть туловы утрачена.

Склеп 354. Костяк 2. Раскопки 1965 г. (рис. 6, 6).

7. Стакан с вогнутыми стенками, плоским дном. На тулове — группы тонких гравированных полосок. Край не обработан. Свободное дутье. Цвет стекла слегка голубоватый. Высота — 7 см, диаметр устья — 6,7 см, дна — 3 см, толщина стенок около 1 мм.

Склеп 88. Костяк 2. Раскопки 1961 г. (рис. 6, 7).

8. Стакан с отогнутым оплавленным краем, конусовидно вогнутым дном. Сосуд выдут из прозрачного стекла с чуть заметным желтовато-зеленоватым оттенком. Покрыт иризацией молочного цвета. Высота — 6,5 см, диаметр устья — 6,7 см, дна — 3 см. Реставрирован.

Склеп 245. Раскопки 1963 г. (рис. 6, 8).

Сосуд неправильной полушарной формы с отогнутым оплавленным краем, дно снаружи плоское, внутри выдается конусом. Свободное дутье. Стекло голубовато-лазурного оттенка, более интенсивной окраски по краю и дну сосуда. Высота — 6 см, диаметр устья — 8 см, дна — 4,5 см, толщина стенок — 0,5 мм. Найден в обломках, часть туловы утрачена.

Склеп 315. Раскопки 1964 г. (рис. 6, 9)⁵⁶.

Стаканы можно подразделить на четыре типа. I тип —

⁵⁶ Этот сосуд мы условно относим к стаканам.

№№ 1, 2; II — №№ 3—6; III — № 7; IV — № 8. Второй тип дает два варианта в очертании тулов с более прямыми (№№ 3—5) или округлыми стенками (№ 6). Объединяет этот тип сосудов устройство в виде тяжелого лепешкообразного поддона плоского или полушарного на внутренней поверхности.

Все типы стаканов из Кеп хорошо известны среди стекла первых веков н. э. широкой территории⁵⁷, включая и другие центры Северного Причерноморья⁵⁸. Время распространения стаканов типа I—II относится в основном к I в. н. э., типа IV — ко II в. н. э.

Каждый из стаканов некрополя Кеп датируется более узким временем совместным инвентарем⁵⁹, что позволяет проследить развитие и эволюцию этих наиболее распространенных столовых сосудов. Стаканы I, III типов позднее I в. н. э. не изготавляются, но формы стаканов II и IV типов продолжают развитие вплоть до позднескифского времени, претерпевая изменения в некоторых деталях, как, например, устройстве дна, другой обработке края сосудов, цвете стекла⁶⁰.

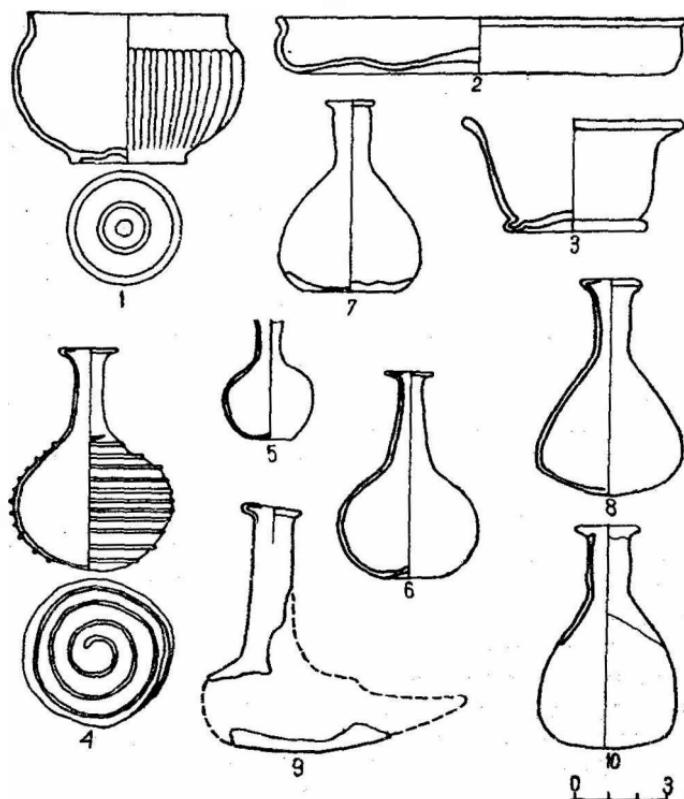
Обратим внимание, что в могилы кепитов были положены, за редким исключением (№№ 6—8), не целые стаканы, а уже вышедшие из употребления или даже незначительные их обломки (№№ 4—5). Видимо, одной из причин, заставившей таким условным способом выполнять погребальный ритуал наделения умерших необходимым инвентарем, являлась ценность стеклянных сосудов.

⁵⁷ Isings C. Op. cit., form 12, p. 27 ff, form 34, p. 48 ff, form 36^b, p. 50 ff; Calvit M. Die römischen Gläser. Aquileia, 1969, taf. 6, 4, 5; Spatz E. Op. cit., taf. 7, 30, taf. 34, 127, Bucavolas M. Vase antice de sticla la Tomis. Constanta, 1968, p. 49, N 50. Berger L. Römische Gläser aus Vindonissa. Basel, 1960, taf. 6, 94—96; taf. 7, 105, 106; taf. 19, 50, 51; Benko A. Übergruppen. Régészeti szízek. Ser. II—11 szám, taf. XXVII, 5; XXXI, 4; XXXIII, 6. Peter La Baume. Glas der antiken Welt. Köln, 1973, taf. 37, 2; Eisen G. Glass New York, 1927, Pl. 65; Vessberg O. Op. cit., pl. III, 19, 21; pl. 14, 6; pl. XII, 6.

⁵⁸ Boehlau. Griechische Altertümer südrussischen Fundorts aus dem Besitz des Herrn A. Vogell. taff. XIII, 2, 4, 7, 8, 9; Сорокина Н. П. Стекло из раскопок Пантикея 1945—1969 гг. — МИА, 103, 1962, рис. 9, 1—7, 13—16.

⁵⁹ Кунина Н. З., Сорокина Н. П. Указ. соч., рис. 6, 33—45; 54—56; рис. 10, 18—22.

⁶⁰ Продолжение развития форм стаканов II типа мы видим, например, в стаканах из Херсонеса, из могильников Инкермана, Харакса (см. Сорокина Н. П. Стеклянные сосуды из могильника Харакс. — В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, рис. 2, 4—9); стаканов IV типа — в сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья. — СА, 1974, № 4, рис. I, 1—5).

Р и с. 7. Стеклянные туалетные сосуды:

1 — фиала. Около середины I в. н. э. Склеп 88; 2, 3 — блюдо и мисочка. Середина — третья четверть I в. н. э. Склеп 245; 4, 6 — флауоны. Первые десятилетия I в. н. э. Склеп 208; 5 — флауоны. Третья четверть I в. н. э. Погребение 291; 7 — часть дна флауона. Первая половина I в. Склеп 269; 8 — флауон. Первая половина I в. н. э. Курган 15. Погребение 4; 9 — гуттус. До середины II в. н. э. Склеп 245; 10 — обломок флауона. Первая половина I в. н. э. Склеп 208. Костяк 2

Туалетные сосуды. Бальзамарии. Эти сосуды в основном представляют всю группу. Их анализ мы опускаем. Они уже детально изучены в числе прочих бальзамариев многих могильных комплексов Боспора, на основе которых разработана хронология этих сосудов. Отметим лишь, что кепские бальзамарии

марии в своем большинстве представлены типами 1,2 А—Е⁶¹, встречен только один бальзамарий типа 1,1 Б и совсем нет бальзамариев типа II, I, IV—VI.

Флаконы. Они являются разновидностью бальзамариев, отличаясь от последних меньшим размером и отчасти формой. Но так же, как и другие, предназначались для ароматических масел.

Флаконов из Кеп шесть экземпляров.

1. Флакон с грушевидным туловом, чуть уплощенным дном и трубчатым горлом, с загнутым внутрь краем, образующим венчик. Выдут из прозрачного стекла с чуть зеленовато-желтоватым оттенком. Иризация молочного цвета. Высота — 7 см, диаметр венчика — 1,9 см. Сохранность хорошая.

Курган 15, погребение 4. Раскопки 1968 г. (рис. 7, 8)⁶².

2. Часть горла и плеч флакона с грушевидным туловом. Выдут из стекла светло-медового цвета. Предполагаемая высота — 7—8 см.

Склеп 208. Костяк 2. Раскопки 1962 г.⁶³ (рис. 7, 10).

3. Часть дна флакона с грушевидным туловом. Выдут из прозрачного стекла с чуть лазурно-голубоватым оттенком. Предполагаемая высота 6 см.

Склеп 269. Раскопки 1964 г. (рис. 7, 7).

4. Флакон с шаровидным туловом, уплощенным, чуть вогнутым дном, трубчатым горлом. Венчик утрачен. Выдут из прозрачного стекла слегка голубовато-синего оттенка. Высота — 4 см, диаметр горла — 4 мм, дна — 1,5 см.

Погребение 291. Раскопки 1964 г.⁶⁴ (рис. 7, 5).

5. Флакон с шаровидным туловом. Дно немного вогнуто. Горло трубчатое, сужающееся кверху. Венчик образован загнутым внутрь краем. Выдут из прозрачного стекла голубовато-зеленоватого оттенка. Высота — 6,9 см, диаметр дна — 2 см, венчика — 1,7 см.

Склеп 208. Костяк 2. Раскопки 1962 г.⁶⁵ (рис. 7, 6).

6. Флакон с шаровидным туловом, трубчатым, сужающимся кверху горлом, с загнутым внутрь краем, образующим венчик. Тулоно перевито нитью молочно-белого цвета, сосуд же выдут из стекла медового цвета. Высота 7,5 см, диаметр венчика — 2 см.

⁶¹ Кунина Н. З., Сорокина Н. П. Указ. соч., рис. II, 46—48.

⁶² Кунина Н. З., Сорокина Н. П. Указ. соч., рис. II, 1.

⁶³ Там же, рис. II, 5.

⁶⁴ Там же, рис. II, 20.

⁶⁵ Там же, рис. II, 4.

Склеп 208. Раскопки 1964 г. ⁶⁶ (рис. 7, 4).

Флаконы подразделяются по форме туловища на типы. Тип I отличается грушевидным туловищем (№№ I—3), II — шаровидным (№№ 4—6). Флаконы №№ I—3 относятся к первой половине I в. н. э., № 4 — к третьей четверти I в., №№ 5—6 — к первым десятилетиям II в. н. э. Время этих флаконов определено на основании анализа совместного инвентаря и широких аналогий ⁶⁷.

Только четыре сосуда разнообразят ассортимент келских туалетных сосудов — гуттус, мисочка, блюдо и мисочка или фиала.

1. Горло и нижняя часть гуттуса. Выдут из стекла с зеленоватым оттенком. Предполагаемая высота — 8 см, длина — 8,5 см.

Склеп 245. Раскопки 1963 г. (рис. 7, 9).

2. Мисочка конусовидной формы с округлыми стенками, отогнутым оплавленным краем, кольцевым, трубчатым поддоном. Дно вогнутое. Вынута из стекла голубоватого оттенка. Высота — 3,6 см, диаметр устья — 7,4 см, дна — 4,5 см. Сохранность хорошая.

Склеп 245. Раскопки 1963 г. ⁶⁸ (рис. 7, 3).

3. Блюдо, с невысокими бортиками, отогнутым оплавленным краем. Стенки округло переходят в немного вогнутое дно. Вынуто из стекла голубоватого цвета, имеющего более интенсивный оттенок по краю и на дне. Высота — 1,8 см, диаметр — 1,8 см. Реставрирована.

Склеп 245. Раскопки 1963 г. ⁶⁹ (рис. 7, 2).

4. Мисочка или фиала с ребристым округлым туловищем, гладким оплавленным краем, со слабо выраженным поддоном, немного вогнутым дном с концентрическими линиями. Вынута из светло-голубоватого стекла в трехчастной форме. Сохранность хорошая. Высота 4,5 см, диаметр устья — 6,5 см, дна — 3,6 см.

Склеп 88. Костяк 4. Раскопки 1961 г. ⁷⁰ (рис. 7, 1).

Гуттусы относятся к небольшому разряду сосудов, форма которых отличалась стабильностью на протяжении длительного времени. Келский экземпляр относится ко времени не

⁶⁶ Там же, рис. II, II.

⁶⁷ Кунина Н. З., Сорокина Н. П. Указ. соч., с. 169 сл.

⁶⁸ Там же, рис. 7, 10.

⁶⁹ Там же, рис. 7, 9.

⁷⁰ Кунина Н. З., Сорокина Н. П. Указ. соч., рис. 6, 42.

позднее середины II в., и точно такую же форму имеет, например, гуттус IV в. н. э. из Инкерманского могильника⁷¹, поэтому каждый сосуд может быть датирован, исходя из совместных находок. Эти сосуды хорошо известны в районе Восточного Средиземноморья⁷², Палестины⁷³; гуттусам Аквилеи, северной Италии и западноримским областям свойственна несколько другая форма, напоминающая очертания птицы⁷⁴.

Эти сосуды не имеют определенного названия, поскольку трудно сказать, для чего они предназначались. Их называют гуттусами, сосудами для масла, детскими рожками. Мы при соединяемся к мнению Г. Дэвидсон Вейнберг, которая категорически исключает последнее, и считаем эти сосуды капельницами. Они могли применяться в медицине, а также, например, с их помощью было удобно наполнять маслом светильники, которые в первых веках н. э. имели на щитках очень небольшие отверстия.

Мисочка (№ 2) и блюдо (№ 3) датируются серединой — третьей четвертью I в. н. э., и оба сосуда не находят аналогий среди стекла Северного Причерноморья, тогда как близкие им по форме сосуды имеются среди средиземноморского, итальянского и западноримского материала примерно того же времени⁷⁵.

Видимо, подобные мисочки и блюда входили в определенные туалетные наборы. Оба кепских сосуда были положены в деревянный ларец вместе с комплектом бальзамариев, розовой краской и другими предметами женского туалета. В подтверждение этого предположения приведем большой набор туалетных стеклянных сосудов I в. н. э. из Форфуца, состоящий из аналогичных кепским мисочек и миниатюрных блюд⁷⁶. Этот пример, позволяющий определить назначение кепских сосудов, и аналогии им среди западноримского стекла дает основание полагать, что мисочка и блюдо из склепа 245 могут быть отнесены к итальянскому импорту.

Фиала (№ 4) с ребристым туловом уже опубликована⁷⁷.

⁷¹ Веймарн Е. В. Археологічні роботи в районі Інкермана. — В кн.: Археологічні пам'ятки, т. 13. Київ, 1963, рис. 5, 10.

⁷² Vessberg O. Op. cit., p. 148; Davidson Weinberg G. Op. cit., p. 132.

⁷³ Neuburg F. Glass in Antiquity. London, 1949, p. 39, fig. 61.

⁷⁴ Calvi M. C. Op. cit., raf. 18, 2; Isings C. Op. cit., form. II, p. 27.

⁷⁵ Zahn E. Sammlung Baurat Schiller. Berlin, taf. 10, S. 85; Isings C. Op. cit., form. 41^b, p. 57.

⁷⁶ Philippe J. Initiation à l'Histoire du Verre. Liège, 1964, p. 24, fig. 11.

⁷⁷ Сорокина Н. П. Сирийский стеклянный сосуд из собрания Одесского Гос. музея. — В кн.: Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях ОГАМ за 1963 г. Одесса, 1965, с. 182 сл., рис. 2, 12.

Наш список аналогичных сосудов из Пантикея дополнен Н. З. Куниной⁷⁸, в результате чего мы располагаем семью фиалами, размеры и все детали которых абсолютно совпадают. Поэтому нет сомнения, что они все вынуты в одной форме одним мастером. Пантикеевые фиалы, как и кепская, прочно датируются временем от 25 до 50 гг. I в. н. э.

Прежде были неизвестны аналогии этим сосудам. Теперь можно восполнить этот пробел, благодаря новым публикациям и некоторым работам, которые были недоступны ранее. Это две фиалы: одна из собрания Оппенлендера⁷⁹, приобретенная локункой, вторая — из Паннонии⁸⁰.

Фиала собрания Оппенлендера немного превышает размеры фиала с Боспора. Ее высота — 5,1 см, диаметр устья — 8,3 см, тогда как у северопричерноморских они стандартны (соответственно, 4,5 и 6,5 см). Поэтому фиала Оппенлендера, хотя и является аналогией, была вынута в другой форме. Большой интерес представляет паннонская фиала, во-первых, тем, что ее размеры почти полностью соответствуют боспорским фиалам (расхождения в миллиметрах у паннонского сосуда могут быть из-за неточности промеров), и, во-вторых, тем, что место ее находки прочно засвидетельствовано: она была найдена в могиле № 60 некрополя Петовиона (современный Петау).

Представлялось очень заманчивым отнести пантикеевскую и кепскую фиалы к изделиям сирийского мастера, переехавшего на Боспор и наладившего там производство. Однако фиала из Петовиона убеждает в том, что боспорские чаши являются одной партией товара, завезенного в Пантикеи где-то около середины I в. н. э. Сосуд из Петовиона, города, который был расположен на тракте, связывающем приморскую Аквилею через Эмону, Саварию и Скарбанию с Карнунтом на Дунае, иллюстрирует важный факт движения товаров из одного центра Сирии в западные провинции Римской империи, и на восток, в Северное Причерноморье. Причем пропорция товара 1 : 7 может дать в какой-то мере представление об интенсивности торговли по тому и другому пути.

Стеклянные сосуды из Кеп далеко не исчерпывают всего

⁷⁸ Кунина Н. З. Сирийские вынутые в форме стеклянные сосуды из некрополя Пантикея. — В кн.: Памятники античного прикладного искусства. Л., 1973, с. 130 сл.

⁷⁹ Gläser der Antike. Sammlung Oppenländer... 450, S. 160.

⁸⁰ Benkő A. Op. cit., pl. XXXVI, 4, p. 164.

многообразия форм стекла Северного Причерноморья. Кепы были небольшим городом Боспорского государства и, видимо, до населения города доходили далеко не все привозные сосуды. В основном они оседали в столице государства Пантика-пее. Тем не менее стеклянные сосуды из Кеп играют большую роль в изучении культуры города Кепы. Сосуды из стекла, найденные в Кепах, дополняют данные по истории экономических связей Боспора. Они позволяют ставить вопрос о развитии местного стеклоделия на Боспоре с конца I в. н. э. Такие уникальные сосуды, как сосуд с головою Диониса, расширяют наши представления о мастерстве стеклоделов античного мира в целом. Наконец, хорошо датированное стекло из Кеп может быть использовано как эталон для разработки хронологии и типологии стекла не только Северного Причерноморья, но и более широкой территории античного мира.

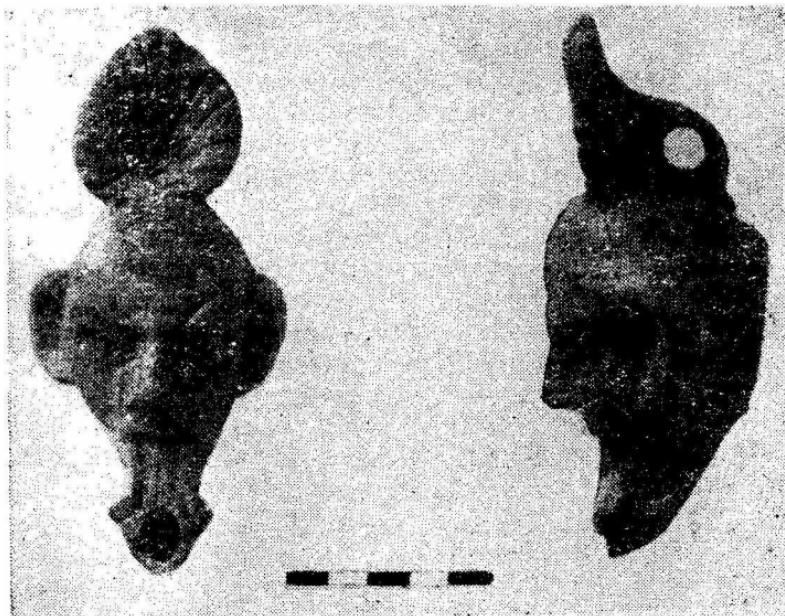
Р. А. СТРУЧАЛИНА

СВЕТИЛЬНИКИ В ФОРМЕ ГОЛОВЫ СИЛЕНА ИЗ ПАТРЭЯ

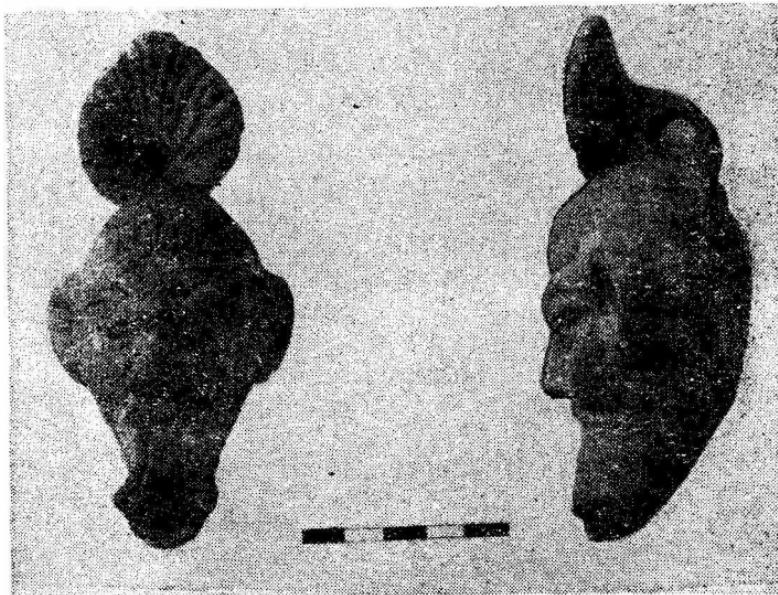
В 1968 году при раскопках внутрикрепостных сооружений на Патрэе в юго-западном углу помещения было обнаружено скопление раздавленной керамики. Вся группа сосудов перекрыта слоем камки. Толщина камкового слоя 0,03—0,05 м. Битая керамика лежала компактной группой. Создается впечатление, что она была раздавлена рухнувшей кровлей. Под камкой грунт — мягкий коричневый суглиник.

Среди находок могут быть отмечены амфоры и краснолаковые предметы, преимущественно миниатюрные мисочки, одна целая. Миски неглубокие, некоторые с насечками, на двух граффити: МА и АХ. Здесь же найдена тонкостенная керамика — реберчатая кастрюля, черноглиняный сосуд типа амфоры с реберчатым туловом, красноглиняная ойнохоя с законченной поверхностью, а также обломки стеклянной посуды. Среди этого завала керамики и были обнаружены в раздавленном состоянии два краснолаковых светильника в виде головы Силены¹.

¹ Фрагменты светильников были выбраны из завала полностью и светильники отреставрированы в Институте археологии АН СССР Н. М. Немиловой.

Р и с. 1

Р и с. 2

Светильники одного размера: 13,1 см длина и 7 см ширина в самой широкой части, высота от 4,6 до 4,4 см (рис. 1 и 2). Лицо Силена имеет большой выпуклый лоб, прорезанный грубыми складками, большие оттопыренные уши без детальной прорисовки ушной раковины, выпуклые надбровные дуги, большие глаза (у одного экземпляра зрачки просверлены насеквье, у другого только заглублены по сырой глине), прямой нос с расширяющимися крыльями, глубоко прорезанными ноздрями. Глубокая складка пересекает лоб при переходе к носу, возле крыльев носа две поперечные складки. Отчетливо обозначена верхняя туба большого рта. В целом лицо имеет тщательно моделированные детали. Оно несколько асимметрично: у одного экземпляра чуть сдвинут вправо нос, у другого — более выпуклая правая щека.

Ручки светильников выполнены в виде пальметты, которая слегка понижается к внутренней стороне и имеет круглое отверстие диаметром 1,2 см для подвешивания светильника. От нижней части ручки к голове Силена идет хорошо обработанный налеп. Видимо, вся ручка сделана из одного куска глины, который налеплен на сосуд.

Светильники имеют плоское эллипсообразное дно размером 3,8×2,8 см и 4×2,9 см.

Совпадение изображений и характера отделки светильников позволяет утверждать, что они выполнены одним мастером и, очевидно, в одной форме.

Светильники тонкостенные, краснолаковые. Сохранность лака плохая, цвет глины розовый, ровный, без заметных включений.

Стратиграфические условия находки и сопровождающий материал позволяют датировать светильники не ранее начала или даже середины II в. н. э.

Широкое распространение фигурных светильников обычно относят к I—III вв. н. э.². Среди них преобладают светильники в виде человеческой головы, но встречаются и иные формы (в виде бычьей головы³, ноги⁴, лодки⁵, что, вероятно, связано с распространением культа Исиды).

В каталоге светильников государственного Эрмитажа, со-

² См.: Вальдгаузер О. Античные глиняные светильники. Спб., 1914, с. 9 и сл.

³ См.: Вальдгаузер О. Античные глиняные светильники, № 502, 508—512, описание с. 17.

⁴ Там же, № 503, 504, описание с. 17.

⁵ Там же, № 505, описание с. 17.

ствленном О. Вальтгаузом в начале XX в., нам не удалось обнаружить аналогии нашим светильникам. Нет их и среди образцов античной художественной бронзы, представленной на выставке государственного Эрмитажа⁶.

В работе Tihamér Szentleleky⁷, представляющей наиболее свежий и полный обзор античных светильников с древнейших времен и до IV в. н. э., близких аналогий нашим светильникам также не имеется.

Наиболее близкие аналогии прослеживаются по публикациям болгарских ученых И. Велкова⁸ и особенно А. Милчева и Д. Пекова⁹, которыми рассматривается бронзовый светильник из находок Михайловограда. На основании анализа стиля авторы предлагают датировать находку I — началом II в. н. э.¹⁰.

Эта датировка не противоречит той, которая предложена нами для патрэйских светильников с головой Силена на основании стратиграфических условий находки.

⁶ См.: Античная художественная бронза (каталог выставки) Л., 1973.

⁷ См.: Tihamér Szentleleky. Ancient lamps. Budapest, 1969.

⁸ См.: Велков И. Новооткрытия античности. — «Известия на Археологически институт», 1928/29, с. 370.

⁹ См.: Милчев А., Пеков Д. Новооткрытия находки от Михайловоград (Монтана). — «Археология», 1965, т. 7, кн. 3, с. 43—44, рис. 1.

¹⁰ Там же, с. 45.

Приложение

В. Г. БОРУХОВИЧ

ИЗ ИСТОРИИ ПЛАГИАТА

(Литературные нравы Рима эпохи Августа)

Певец века Августа Вергилий настолько отличался своей скромностью и застенчивостью от других поэтов своего времени, что насмешливые неаполитанцы прозвали его «девой». К литературным успехам своих коллег он относился без тени ревности и вообще отличался ровным и добродушным характером. По словам его современника и друга, римского поэта Горация, Камены (римские Музы) одарили Вергилия полным прелести, мягким и нежным талантом.

Однако и Вергилию пришлось однажды вступиться в защиту своего авторского права, о чем свидетельствует следующий факт, рассказанный в сохранившейся биографии поэта.

Скромный дом оратора Гортензия, в котором поселился Август (этот осторожный и хитрый властелин требовал, чтобы его называли принцелем, в угоду еще живым республиканским традициям), был не только императорским дворцом, но и своеобразным литературным салоном¹. В те дни в Риме было множество поэтов и прозаиков, талантливых и бездарных: «Пишем поэмы мы все, искусно иль вовсе бэздарно», — заметил по этому поводу поэт Гораций. Император Август, прекрасно учитывавший, какое влияние может иметь литература на общественную жизнь, сам пробовал свои силы в различных жанрах². Он даже писал эпиграммы, в которых паро-

¹ Дом оратора Гортензия находился на Палатине (отсюда происходит русское слово *палаты*, итальянское *палаццо*, франц. *палэ* и аналогичные по происхождению слова со значением «дворец»).

² Уже на смертном одре, в 14 г. н. э., Август позвал своих друзей и спросил, хорошо ли он провел свою роль в комедии жизни. После этого, откинувшись на подушки, он слабым голосом добавил по-гречески: «Коль несса вам понравилась, рукоплещите, и все с весельем проводите нас» (такими словами обычно заканчивалось представление комедии).

дировал напыщенные и бездарные стихи некоторых своих царедворцев. При этом Август внимательно следил за литературной жизнью тогдашнего Рима, руководя ею через знаменившего Мецената.

Однажды император устроил публичные игры в цирке, которые к вечеру, однако, были прерваны грозой. Всю ночь лил дождь; но к утру небо прояснилось, и игры были продолжены к великому удовольствию собравшейся в цирке толпы. Когда эти игры закончились, каждый, кто проходил в этот день мимо ворот императорского дворца, мог прочесть прикрепленное к ним следующее стихотворение:

Дождь лил всю ночь без конца, но день — прояснился для зрелиц;
Сутки в тот раз поделил Цезарь с Юпитером так.

Стихотворение понравилось Августу тонкой лестью, которая в нем заключалась — император не только сравнивался с Юпитером, но ставился даже выше, поскольку на его долю выпадал день, тогда как во владении Юпитера оставалась только ночь. Всемогущий принцепс велел отыскать автора, но его так и не нашли. Видя, что никто не откликается на призыв императора, посредственный стихотворец Бафилл поспешил объявить автором себя и был щедро вознагражден Августом.

Но действительным автором двустишья был Вергилий. Желая избежать огласки, он все же нашел оригинальный способ изобличить плагиатора. К тем же воротам он прикрепил листок с половинкой стиха, написав ее четыре раза:

Так вот и вы, не себе...
Так вот и вы, не себе...
Так вот и вы, не себе...
Так вот и вы, не себе...

Август потребовал, чтобы эти стихи были дополнены (заинтригованный их загадочным смыслом). Многие пытались это сделать, но без успеха, и тогда выступил Вергилий. Написав уже упомянутое двустишие, он добавил к нему следующие строки:

Автор стихов этих — я, но слава досталась другому.
Так вот и вы, не себе, ташите плуги, быки;
Так вот и вы, не себе, пчелы, приносите мед;
Так вот и вы, не себе, овцы, приносите шерсть;
Так вот и вы, не себе, птицы, свиаиваете дом.

В латинском подлиннике последние стихи рифмуются, что создавало дополнительный эффект (Вергилий был искусным версификатором). С этого времени слова *sic vos non vobis* — «так вот и вы, не себе,» — вошли в поговорку.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. История и культура античного мира

Анфертьев А. И. Происхождение слова «комедия» согласно сколиям к Дионисию Фракийцу	3
Вольштейн Т. Т. Выступление Авидия Кассия, его предпосылки и характер	6
Молев Е. А. Создание Черноморской державы Митридата Евпатора (историография вопроса)	20
Меньшикова Л. Ю. Герод Аттик и «греческое возрождение»	30
Рузина Е. Г. «Центон» Фальтонии Пробы (вергилианские стихи и христианские темы)	46
Фролов Э. Д. Гражданская община и ее представительные органы в Сиракузах при Дионисии Старшем	63
Циркни Ю. Б. Мифология Мелькарта	72

Часть II. Археология

Кац В. И., Монахов С. Ю. Амфоры эллинистического Херсонеса	90
Молева Н. В. Грунта антропоморфных надгробий из некрополя Мирмекия	106
Сорокина Н. П. Античные стеклянные сосуды из раскопок некрополя боспорского города Кепы на Таманском полуострове	115
Стручалина Р. А. Свистильники в форме головы Силена из Патрея	144

Приложение

Борухович В. Г. Из истории plagiarisma (литературные края Рима эпохи Августа)	148
---	-----

Античный мир и археология
Межвузовский научный сборник
Выпуск третий

Редактор А. И. Яровинская
Обложка художника Г. И. Макарова
Технический редактор Н. И. Добровольская
Корректор И. Ю. Бучко

ИГ73416 Сдано в набор 9.VII.1976 г. Платежеспособность 2.1X.1977 г.
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Бум. тип. № 3. Усл. печ. л. 8.83 (9.5). Уч.-изд. л. 0.4.
Тираж 1000. Заказ 7735. Цена 1 р. 13 к.

Издательство Саратовского университета, Университетская, 43
Типография издательства «Коммунист», Волжская, 29